

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 2 • 2022 • МАРТ–АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Голиков А.Г., Абрамова Н.Г. Гражданин и педагог. К 100-летию Юрия Александровича Мошкова	3
Лабутина Т.Л. Повседневная жизнь послов Великобритании при дворе российской императрицы Анны Иоанновны	13
Хрулева И.Ю. Конфликт и/или сотрудничество? Взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII веке	30
Ларюшкин О.В. Смешанные браки в среде московского купечества иностранного происхождения (середина XVIII — середина XIX в.)	43
Алмазов М.Г. Николай II и подавление Московского вооруженного восстания 1905 г.	70
Ходяков М.В., Сунь Ичжи. Чума в Маньчжурии: российское общественное мнение об эпидемии на Китайско-Восточной железной дороге в 1910–1911 гг.	93
Березкина О.С. Как чистили партию: проверка непроизводственных ячеек РКП(б) в 1924–1925 гг.	107
Кияшко Н.В. Фактор «религиозного нэпа» в отношениях советской власти с Православной церковью на Юге РСФСР	132
Бурков С.Б. В.Б. Виноградов (1938–2012) — выпускник кафедры археологии исторического факультета Московского университета: становление профессионала.	151
Агратина Е.Е. Пенсионер Парижской академии живописи и скульптуры в Риме до Великой французской революции: быт, обучение, впечатления, знакомства	172

CONTENTS

G o l i k o v A.G., A b r a m o v a N.G. Citizen and Teacher. On the 100th Anniversary of Yuri Aleksandrovich Moshkov	3
L a b u t i n a T.L. The Dayly Life of British Ambassadors at the Court of the Russian Empress Anna Ioannovna	13
K h r u l e v a I.Yu. Conflict and/or Cooperation? Native-colonial Relations in the 17th Century New England	30
L a r y u s h k i n O.V. Mixed Marriages among Moscow Merchants of Foreign Origin (Mid-18th — Mid-19th Centuries)	43
A l m a z o v M.G. Nicolas II and Suppression of the Moscow Armed Uprising 1905	70
K h o d y a k o v M.V., S u n Y i z h i. Plague in Manchuria: Russian Public Opinion on the Epidemic on the Chinese Eastern Railway in 1910–1911	93
B e r e z k i n a O.S. How They Purged the Party: Inspection of Non-production Cells of the RKP(b) in 1924–1925	107
K i y a s h k o N.V. The Factor of “Religious NEP” in the Relations of the Soviet Government with the Orthodox Church in the South of the RSFSR	132
B u r k o v S.B. V.B. Vinogradov (1938–2012), Graduate of the Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow University: Becoming a Professional	151
A g r a t i n a E.E. Pensioner of the Paris Academy of Painting and Sculpture in Rome before the Great French Revolution: Daily Life, Education, Impressions, Acquaintances	172

А.Г. Голиков, Н.Г. Абрамова

ГРАЖДАНИН И ПЕДАГОГ.

К 100-ЛЕТИЮ

ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МОШКОВА

A.G. Golikov, N.G. Abramova

CITIZEN AND TEACHER.

ON THE 100th ANNIVERSARY

OF YURI ALEKSANDROVICH MOSHKOV

Аннотация. 6 апреля 2022 г. отмечался 100-летний юбилей Юрия Александровича Мошкова, кандидата исторических наук, Заслуженного преподавателя Московского университета, доцента кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Он — один из старейших преподавателей университета, практически вся его трудовая биография связана с историческим факультетом. Жизнь и судьба Юрия Александровича неотделимы от истории нашей страны. Ветеран Великой Отечественной войны, он прошел трудными военными дорогами, имеет правительственные награды. Много лет является председателем Совета ветеранов войны и труда исторического факультета МГУ, всегда деятельно участвовал в патриотическом воспитании молодежи. Ю.А. Мошков как очень миролюбивый человек, рассказывая о своем боевом пути, об участниках войны — студентах и сотрудниках истфака, всегда выражает надежду на то, что такой войны больше не будет. Отдавая дань уважения ветерану, человеку и патриоту, коллеги Юрия Александровича в данной публикации прослеживают его путь профессионального историка, автора большого количества научных работ. Он является известным специалистом по аграрной истории советского периода, посто-

---

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Golikov Andrey Georgievich, Doctor in History, Professor, Head, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-35-97; golikov@hist.msu.ru

Абрамова Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Abramova Nadezhda Grigorievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-35-97; istochmsu@list.ru

янным участником конференций, симпозиумов и научных дискуссий по этой проблематике. Он стоял у истоков освоения количественных методов для решения ряда задач в исторических исследованиях. Ю.А. Мошков — высококвалифицированный преподаватель, автор учебников, учебных и методических пособий. Под его научным руководством подготовлено около ста дипломных работ, защищено почти два десятка кандидатских диссертаций. За годы работы на факультете он читал лекционные курсы и вел семинарские занятия по историографии отечественной истории, по количественным методам в исторических исследованиях, прочитал для студентов большое количество специальных курсов по истории советской деревни, о партизанах Великой Отечественной войны и др. Этому мудрому и молодому душой человеку авторы от себя и от всех коллег желают доброго здоровья и новых творческих успехов.

Ключевые слова: юбилей, ветеран, исторический факультет МГУ, кафедра источниковедения, аграрная история, количественные методы.

Abstract. April 6, 2022 marked the 100th anniversary of Yuri Aleksandrovich Moshkov, PhD Candidate in History, Honored Lecturer of Moscow University, Associate Professor of the Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. He is one of the oldest lecturers of the university, his working life has almost entirely been devoted to the Faculty of History. His life and career are inseparable from the history of our country. A veteran of the Great Patriotic War, he traversed the arduous roads of war and has government awards. For many years he has been chairman of the Council of War and Labor Veterans of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University, and has always actively participated in the patriotic upbringing of young people. Moshkov is an extremely peace-loving person, and when he talks about his military path and recalls the students and fellows of the history department who participated in the Patriotic War, he always expresses the hope that such a war will never happen again. In this article, his colleagues pay tribute to Yuri Aleksandrovich as a veteran, personality and patriot, and trace his path as a professional historian, author of a large number of scientific papers. He is a well-known specialist in the agrarian history of the Soviet period and regular participant in conferences, symposiums and scientific discussions on this issue. He is one of the architects of the development of quantitative methods used for solving a number of problems in historical research. Moshkov is a highly qualified lecturer, author of textbooks, study guides and teaching aids. Under his scientific guidance, about a hundred theses have been prepared, almost two dozen PhD theses have been defended. Through many years of work at the faculty, he has given lecture courses and conducted seminars on the historiography of national history and quantitative methods in historical research, taught students a large number of special courses on the history of the Soviet village, partisans of the Great Patriotic War, etc. On behalf of all the fellows of the university, the contributors of the present article wish our colleague, who is both wise and young at heart, to enjoy good health and to continue to have professional success.

Keywords: anniversary, veteran, Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, history of agriculture, quantitative methods.

6 апреля 2022 г. отметил свой столетний юбилей старейший преподаватель исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Юрий Александрович Мошков. Ю.А. Мошков — известный историк, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ, кандидат исторических наук, один из ведущих специалистов в области историографии отечественной истории, истории советского крестьянства и истории Великой Отечественной войны. Ю.А. Мошков — ветеран Великой Отечественной войны. В 1997 г. за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность на благо Московского университета Ю.А. Мошкову было присвоено почетное звание «Заслуженный преподаватель Московского университета», а в 2005 г. он удостоен знака «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Нынешний юбилей — поистине исторический, ведь Юрию Александровичу исполняется 100 лет. Не одно поколение советских и российских историков знает Ю.А. Мошкова по его научным трудам и лично. Кто-то знаком с его научными работами и учебными пособиями, которых издано более 60. Кто-то учился у него в семинаре, слушал его лекции. Сам выпускник исторического факультета, он преподает на родном факультете с 1956 г. — более 65 лет.

Множество выпускников, студентов и аспирантов знают этого приветливого и доброжелательного человека и по внеучебной работе. Он ведет большую общественную работу, в течение нескольких десятилетий является бессменным председателем Совета ветеранов войны и труда исторического факультета. Патриотическое воспитание, постоянные контакты со студентами — неотъемлемая часть его жизни и как историка, и как человека, и как гражданина. Много лет он возглавлял Военно-исторический клуб, научное историческое общество факультета, в котором участвовали студенты и аспиранты. В день 75-летнего юбилея Победы, когда пандемия не позволила студентам и преподавателям факультета собраться вместе и возложить цветы к Вечному огню, который горит на территории университета в память о тех, кто защищал Отечество, Юрий Александрович обратился к студентам с такими словами: «Я обращаюсь к студентам-историкам. Дорогие наши ребята! Ветераны уходят. Вы — будущее нашей исторической науки. Именно Вам выпала честь и обязанность сохранять историческую память о подвиге народов СССР и передать это знание и убеждение следующим поколениям, которые будут жить после нас. Уверен, что так оно и будет» (hist.msu.ru/about/history/9may/).

Задушевные беседы в Комнате боевой и трудовой славы факультета с молодежью, сбор документов и материалов, составление и издание серии книг о студентах и сотрудниках истфака — участниках Великой Отечественной войны, подготовка и празднование 9 мая и других праздников — все эти мероприятия не обходятся без Юрия Александровича. А там, где он, там не только воспоминания, разговоры по душам о жизни и о науке, но и песни. Причем не только военные, патриотические, но и лирические, арии из опер и оперетт. Как он поет арию мистера Икс из оперетты И. Кальмана «Принцесса цирка»! Голос его звучит и сегодня очень молодо.

Его жизнь — это история страны. Родился 6 апреля 1922 г. в селе Нестерово Старицкого уезда Тверской губернии. В начале 1930-х гг. семья Мошковых переехала на постоянное место жительства ближе к столице, в город Дзержинск. Сам Юрий Александрович вспоминает: «Перед войной я жил в трудкоммуне № 2 НКВД, где работала моя мама... Это был бывший и ныне существующий Николо-Угрешский монастырь. Город Дзержинский... Что такое трудкоммуна № 2 НКВД, вы можете приблизительно представить себе, если вспомните то, о чем писал Макаренко в “Педагогической поэме” и “Флаги на башнях”, есть у него два таких произведения. Надо сказать, романтические произведения. На самом деле, может быть, это было не столь романтично... Если Макаренко собирал беспризорников, которые остались после гражданской войны, то сюда собирали тоже в основном беспризорников, которые остались после коллективизации и других процессов с конца 20-х и до середины 30-х годов... Воспитательная система там была налажена очень хорошо, я считаю: четыре часа ребята работали, четыре часа учились... Учились мы в монастырских корпусах, вначале совсем для этого не приспособленных... Подобрался хороший состав учителей, за некоторым исключением, конечно. Например, я никак не могу вспомнить свою учительницу истории, которая нам преподавала историю новейшую по краткому курсу... А другие учителя были очень хорошие. Математик был отличный, отличный был преподаватель русского языка и литературы...». В школе учился хорошо, занимался многими видами спорта. Был отличным стрелком из малокалиберной винтовки, принимал участие в спортивных соревнованиях, лыжных гонках. По-настоящему увлекся музыкой, играл в оркестре народных инструментов. На срочную службу в 1940 г. Юрия призвали в специализированный балалаечный оркестр Центрального дома Красной армии.

О своем участии в войне ветеран рассказывает кратко: «В ноябре 1940 года я был призван по воинской повинности, потом началась война. В 1942 году меня направили под Ржев, тяжелое время — на-

ступление немцев под Сталинградом. Потом были сражения в Белоруссии, Литве, Латвии, и наконец, в Восточной Пруссии. Два года еще служил под Ригой, демобилизовался 1947 году, поступил на исторический факультет». Он прошел всю войну, демобилизовался в звании сержанта. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями, в том числе «За боевые заслуги» в 1944 г., «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1952 г. закончил истфак. Об этом времени Юрий Александрович говорит так: «1950-е годы — время, когда на историческом факультете складывался новый состав преподавателей. Разоблачение культа личности — важная веха, это отражалось на исторической науке, на людях». И дальше вся жизнь, научная и педагогическая деятельность его связаны с историческим факультетом МГУ.

В 1966 г. заведующим кафедрой источниковедения исторического факультета стал будущий академик И.Д. Ковальченко, который решил расширить хронологические рамки и проблематику научной работы кафедры. Среди других на кафедру был приглашен и Ю.А. Мошков, тогда уже известный специалист по аграрной истории советского периода. Он в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства» и издал фундаментальную монографию «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.)» (М., 1966).

Ю.А. Мошков — высококвалифицированный преподаватель. Он был в числе авторов первого (М., 1973), и второго (М., 1981) изданий учебника «Источниковедение истории СССР», последнее было поистине новаторским, так как основывалось на положениях современного учения об информации применительно к проблемам источниковедения. Участвовал в перестройке курса историографии. Впоследствии на протяжении многих лет он читал общий курс по историографии отечественной истории, вел семинарские занятия по историографии, был одним из составителей методических разработок для практических занятий по курсу «История исторической науки в СССР» (М., 1985) и программ курса. Большое значение для организации учебного процесса имели сборники документов по истории СССР эпохи социализма для семинарских и практических занятий, в подготовке нескольких выпусков которых участвовал и Юрий Александрович. В течение ряда лет руководил методологическим семинаром кафедры.

Ю.А. Мошков стоял у истоков освоения количественных методов для решения отдельных задач в исторических исследовани-

ях, он много лет вел семинарские занятия со студентами по этому предмету. Историк активно подключился к разработке одного из ведущих направлений научной работы кафедры источниковедения в 1970 — 1980-е годы — изучения массовых исторических источников. Итогом стала написанная им глава «Статистика сельскохозяйственного производства СССР» для сборника «Массовые источники по социально-экономической истории советского общества» (М., 1979). Это была часть двухтомной коллективной монографии (1-й том — «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма». М., 1979), в которой Ю.А. Мошков был членом редколлегии. Эта работа находилась в русле одного из основных научных интересов исследователя — аграрной истории. Помимо диссертации этой проблематике посвящены его статьи в различных сборниках, в журналах «История СССР» и «Вестник Московского университета. Серия История» и др. Он один из авторов книги «Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения» (М., 1982), активный участник многих симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы.

В 2000-х гг., когда произошло открытие архивов, Ю.А. Мошков много внимания уделил публикации документов по истории крестьянства. В качестве автора, составителя и редактора отдельных томов он принял участие в подготовке серийных изданий документов и материалов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. (Т. 4. 1934–1936. М., 2002) и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» (Т. 4. 1935–1939. М., 2012).

Его работы по истории советской деревни признаны научным сообществом, их знают и читают современные исследователи. В одной из статей, посвященной как раз Юрию Александровичу как исследователю коллективизации (Крестьяноведение. 2017. Том 2. № 3) говорится, что, хотя «Мошков стал одним из первых отечественных историков, которому удалось в своих работах показать реальную эволюцию советской аграрной политики рубежа 1920–1930-х годов» (с. 85), сегодня явно еще недооценено «влияние идей Мошкова на развитие современных исследований по истории советской деревни: во многом именно его работы положили начало обсуждению в отечественной аграрной историографии таких сюжетов, как эволюция советской заготовительной политики и государственного регулирования рынка, фискальное обложение и изменение хозяйственного уклада крестьянского двора, взаимозависимость процессов развития города и деревни. Даже в сюжете о голоде, ставшем своего рода визитной карточкой современной историографии кол-

лективизации, можно увидеть развитие поставленного Ю.А. Мошковым вопроса о соотношении внедеревенского и внутридеревенского потребления» (с. 92).

На протяжении многолетней преподавательской работы личность Мошкова как человека и историка постоянно привлекала студентов. Под его научным руководством было успешно защищено свыше 100 дипломных работ и 18 кандидатских диссертаций. Он вел специализацию по многим актуальным проблемам исторической науки, в том числе по темам «История исторической науки в СССР (историки, периодика, дискуссии)», «Статистические источники по истории сельского хозяйства и крестьянства в 1920-х — 1930-х годах», «Советские партизаны в годы Великой Отечественной войны (новые источники и современные подходы к изучению)» и др. Трудно даже перечислить все специальные курсы, которые он прочитал за годы работы на факультете, а ведь именно они наглядно отражают направления исследований, которые ведут преподаватели университета. В последнее время особой популярностью среди будущих историков пользовался специальный курс Ю.А. Мошкова «Партизаны Великой Отечественной войны (современные аспекты изучения, новые источники)». С докладами по проблематике истории Великой Отечественной войны он неоднократно выступал на Ломоносовских чтениях на кафедре источниковедения. Особенно коллегам запомнился один из его докладов последних лет на тему «“Локотская республика” на Брянщине. Легенды и реальность (из истории Великой Отечественной войны)», сделанный в 2010 г.

Жизнь Юрия Александровича Мошкова, долгая и интересная, насыщена разными событиями, во многом типичными для его поколения советских людей. Судьба возложила на него и тяжелое бремя защиты своей страны, дала ему возможность стать из обыкновенного крестьянского мальчика известным историком, преподавать в Московском университете. «Прошло много десятилетий с начала войны — а ведь это целая большая человеческая жизнь, — говорит он в интервью «Знали и были готовы» от 15.09.2014 на интернет-портале «Непридуманные рассказы о войне» (<http://www.world-war.ru/znali-i-byli-gotovy>). — Память человеческая все-таки очень и очень уязвима, многое забывается, и поэтому ты иногда сам начинаешь думать: “Вот ты помнишь это, но было это на самом деле или это миф, который сложился за ту долгую жизнь, которая прошла после окончания Великой Отечественной войны?” И нам, историкам, специалистам должно быть это понятно. Мы хорошо знаем, что такое мемуары, что такое мемуарная литература, и какая

критика, существенная критика, должна исходить от историков, которые собираются пользоваться этим материалом. Поэтому я хотел бы предупредить об этом и сказать, что некоторые вещи врезаются в память, как общее. Детали, к сожалению, забываются, но поделиться тем, что было в прошлом, я все-таки хочу... Есть одно замечание: как-то мы из всей советской истории выделяем только одну Отечественную войну, а это не свойственно профессионально истории как науке, потому что она должна брать все факты в совокупности. И выделять только одну Отечественную войну и, скажем, отрывать каким-то образом войну от Октябрьской революции, от тех событий, которые следовали за ней и так далее, — это невозможно. Это искажение исторического процесса и искажение истинности исторического подхода. Мы обязаны так или иначе все-таки отмечать как профессионалы, как специалисты выделять все те моменты, которые свойственны нашей истории, — и до Отечественной войны, и после нее. А то ведь мы забываем. Иногда вспоминаем, что мы полетели в космос, что мы создали атомную бомбу, а ведь это же эпопея целая, о которой стоит нам тоже поговорить. Колоссальные усилия советского народа были приложены для того, чтобы создать вот такой паритет, чтобы мы удержались, скажем, от угрозы быть разгромленными в результате атомной войны, которая была в 50-е годы вполне реальной. И это надо знать, это надо понимать и этому надо отдавать должное. Я хотел бы пожелать успехов всем, особенно молодежи, которая в этом очень и очень нуждается». Ю.А. Мошков — очень миролюбивый человек, он всегда выражает надежду, что «таких войн больше не будет».

От всех коллег по работе на кафедре источниковедения, от учеников, от всего коллектива исторического факультета хочется поздравить юбиляра и пожелать ему доброго здоровья, молодого задора, неисчерпаемой энергии и новых творческих успехов.

Библиография

Дробижев В.З., Мошков Ю.А. Предисловие // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Отв. ред. И.Д. Ковальченко; редколлегия: В.И. Бовыкин, В.З. Дробижев, Л.В. Милов, Ю.А. Мошков, А.К. Соколов (отв. секретарь). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 5–11.

Дробижев В.З., Мошков Ю.А. Статистические источники // Источниковедение истории СССР. Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко / Г.Р. Наумова, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. С. 414–436.

- Кедров Н.Г.* Юрий Александрович Мошков в контексте историографии коллективизации // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3. С. 76–96.
- Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения: Краткий очерк истории / М.А. Вылцан, В.П. Данилов, В.В. Кабанов, Ю.А. Мошков. М.: Колос, 1982. 399 с.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко; редколлегия: В.И. Бovyкин, С.В. Воронкова, В.З. Дробижев, Л.В. Милов, Ю.А. Мошков, А.К. Соколов (отв. секретарь). М.: Наука, 1979. 415 с.
- Методические рекомендации для практических занятий по курсу «История исторической науки в СССР» / Сост. Ю.А. Мошков, Н.Б. Селунская, А.Е. Шикло, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 36 с.
- Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 231 с.
- Мошков Ю.А.* Знали и были готовы. Интервью 15.09.2014. — URL: <http://www.world-war.ru/znali-i-byli-gotovy/> (дата обращения: 23.01.2022).
- Мошков Ю.А.* Кибернетика и методы исторического исследования // История СССР. 1965. № 6. С. 214–220.
- Мошков Ю.А.* Коллективизация и сельскохозяйственное производство в СССР в 30-е годы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997. № 3. С. 46–75.
- Мошков Ю.А.* Новые методы исторического исследования // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1966. № 1. С. 90–94.
- Мошков Ю.А.* Политика государственных заготовок в годы социалистической реконструкции сельского хозяйства (1930–1934 гг.) // История СССР. 1960. № 4. С. 101–111.
- Мошков Ю.А.* Предисловие // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Т. 4. 1935–1939 / Под ред. Ю.А. Мошкова и др. М.: РОССПЭН, 2012. С. 12–34.
- Мошков Ю.А.* Обращение к студентам истфака по случаю 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. — URL: hist.msu.ru/about/history/9may/ (дата обращения: 22.01.2022).
- Мошков Ю.А.* Советское сельское хозяйство и крестьянство в середине 1930-х годов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 4. 1934–1936 / Отв. ред. Ю.А. Мошков. М.: РОССПЭН, 2002. С. 7–38.
- Мошков Ю.А.* Статистика сельскохозяйственного производства в СССР // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Отв. ред. И.Д. Ковальченко; редколлегия: В.И. Бovyкин, В.З. Дробижев, Л.В. Милов, Ю.А. Мошков, А.К. Соколов (отв. секретарь). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 196–227.
- Мошков Ю.А., Дробижев В.З.* Статистические источники // Источниковедение истории СССР. Учебник для вузов / Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 484–502.

Мошков Ю.А. «Таких войн больше не будет», 11 мая 2016. О чем вспоминают ученые-фронтовики из МГУ. — URL: <https://www.sb.by/articles/nauka-voynu.html> (дата обращения: 24.01.2022).

Программа дисциплины «Историография истории СССР». Для государственных университетов / Отв. ред. И.Д. Ковальченко; редколлегия: В.И. Дурновцев, Ю.А. Мошков, В.А. Муравьев, А.Е. Шикло. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 32 с.

Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий. Эпоха социализма / Под ред. В.З. Дробижева / Байбаков С.А., Бессонова В.И., Мошков Ю.А. и др. Вып. 1. 1917–1920 гг. М.: Высшая школа, 1978. 264 с.; Вып. 2. 1921–1932 гг. М.: Высшая школа, 1979. 272 с.; Вып. 7. 1960–1980 гг. М.: Высшая школа, 1982. 301 с.

Поступила в редакцию
16 марта 2022 г.

Лабутина Т.Л.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ПРИ ДВОРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ
АННЫ ИОАННОВНЫ**

T.L. Labutina

**THE DAILY LIFE OF BRITISH AMBASSADORS AT
THE COURT OF THE RUSSIAN EMPRESS ANNA IOANNOVNA**

Аннотация. Опираясь на анализ дипломатической переписки послов Великобритании при дворе российской императрицы Анны Иоанновны, автор обращается к изучению, помимо профессиональной их деятельности, к условиям их проживания и занятий при дворе (посещение приемов, балов, маскарадов в императорском дворце, участие в светской жизни и различных увеселениях при дворе входило в обязанности всех послов). Данная проблема прежде не была предметом специального изучения, хотя и является актуальной в свете двух новейших направлений в исторической науке — имагологии (которая изучает межкультурные коммуникации между различными странами, а также индивидуумами) и истории повседневности. В статье показаны условия жизни, быта послов, а также их отношение к развлечениям, участию в придворной жизни. Если супруга одного из послов с восхищением описывала придворные балы и наряды гостей, то сами дипломаты чаще демонстрировали критическое восприятие развлекательных мероприятий и обычаев при дворе императрицы. Послы возмущались расточительностью и роскошью двора, а также дорогими нарядами, которые должны были приобретать для участия в увеселениях не только придворные и русская знать, но и они сами. Недовольство дипломатов вызывала также дороговизна проживания в столице, из-за которой им приходилось обращаться за финансовой поддержкой к своему правительству. Можно заключить, что в целом условия жизни послов Великобритании при дворе Анны Иоанновны были вполне удовлетворительными. Тем не менее резиденты чаще всего высказывались критически о своем пребывании в России, а также о русских людях, преимущественно — о принадлежавших к высшим слоям общества. Обращение к истории жизни послов при импе-

---

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории РАН

Labutina Tatyana Leonidovna, Doctor in History, Professor, Chief Research Fellow, Head, Centre for History of Cross-Cultural Communications between the West and the East, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

+7-916-149-97-85; tlabutina2007@yandex.ru

раторском дворе, отразившейся в их переписке с госсекретарем, обогащает представления не только об иностранных дипломатах, работавших в России, но также о быте и нравах, царивших при дворе, об эпохе правления императрицы Анны Иоанновны.

Ключевые слова: послы Великобритании, императрица Анна Иоанновна, иностранные дипломаты, посланник Клавдий Рондо, быт и нравы при дворе, условия жизни послов.

Abstract. The author analyses the diplomatic correspondence of the British ambassadors at the court of the Russian Empress Anna Ioannovna and examines, in addition to their professional activities, their living conditions and life at court (attending receptions, balls, masquerades in the imperial palace, participation in social life and various amusements at court was the responsibility of all ambassadors). This issue has not previously been the subject of special study, although it is relevant in the light of two recent trends in historical science — imagology (which explores intercultural communications between different countries, and also individuals) and the history of everyday life. The article discusses the living conditions of the ambassadors, as well as their attitude to entertainment and participation in court life. One of the ambassadors' wives expressed admiration at court balls and the guests' outfits, but the diplomats themselves more often demonstrated a critical perception of entertainment events and practices at the court of the Empress. The ambassadors were indignant at the extravagance and luxury of the court, as well as at the expensive outfits that were necessary for the participation in the courtly pastimes for the courtiers, the Russian noblemen, and themselves as well. Diplomats were also dissatisfied with the high cost of living in the capital, which made them turn to their government for financial support. It can be concluded that, in general, the living conditions of the British ambassadors at the court of Anna Ioannovna were quite satisfactory. Nevertheless, residents most often spoke critically about their stay in Russia, as well as about Russian people, mainly about those who belonged to the upper strata of society. Researching the daily life of the ambassadors at the imperial court, on the basis of their correspondence with the Secretary of State, enriches our knowledge not only about foreign diplomats who worked in Russia, but also about the life and practices at the court of Empress Anna Ioannovna, and about her reign.

Keywords: British ambassadors, Empress Anna Ioannovna, foreign diplomats, envoy Claudius Rondeau, life and practices at court, ambassadors' living conditions.

* * *

Проблема, к которой автор обращается в данной статье, изучается в рамках двух актуальных и востребованных в последние годы в исторической науке направлений. Прежде всего, речь идет об имагологии, предметом изучения которой являются межкультурные (инокультурные, кросс-культурные) коммуникации между различными странами, а также индивидуумами. Это направление, возникшее на Западе в середине XX в., в отечественной науке заметно активизиро-

валось в последние десятилетия. В нашей стране появились теоретические статьи, а также монографические исследования по данной тематике¹. Важную роль в изучении различных проблем, связанных с имэджинологией/имагологией, играют ежегодные научные семинары в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Столь активное обращение к проблемам взаимовосприятия культур различных государств со стороны ученых обусловлено не в последнюю очередь их актуальностью.

Другим, не менее важным и интересным направлением в исторической науке, в рамках которой проводился наш анализ, стала история повседневности². Интерес к повседневности как к предмету научного знания возник во второй половине XX в., хотя и в XIX в. ряд исследователей как в нашей стране, так и за рубежом, обращались к подобной тематике (Н.И. Костомаров, И.Е. Забелин, Э. Фукс, П. Гиро, М. и Ч. Квеннеллы и др.).

Источниками для изучения восприятия «иной»/«чужой» культуры становятся, как правило, описания путешественников (travelogi), дневники, мемуары и служебные записки иностранцев о стране пребывания. Один из интересных и важных источников для исследования взглядов иностранцев на Россию и русских в XVIII в. является дипломатическая переписка британских послов с госсекретарем. К ее анализу автор не раз обращался при изучении деятельности резидентов в петровскую и екатерининскую эпохи³. Предлагаемая статья посвящена анализу повседневной жизни британских дипломатов и восприятия ими российской действительности в правление Анны Иоанновны.

Надо отметить, что функции дипломатов в стране пребывания не ограничивались их сугубо профессиональной деятельностью. Посещение балов, маскарадов в императорском дворце или у иностранных министров, «собрания» дважды в неделю, участие в светской жизни и различных увеселениях при дворе, судя по высказываниям супруги одного из посланников — Джейн Рондо, входило в обязан-

---

¹ Среди недавно изданных работ, посвященных изучению историко-теоретических проблем компаративистики и имагологии, см. трехтомник под ред. Т.Л. Лабутиной: «Свой»/ «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019; «Свой» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020; «Свой»/ «Другие»/ «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021.

² См., например: Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник: 1998–1999. М., 1999. С. 77–100.

³ Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013; Она же. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019.

ности всех послов⁴. Ее муж Клавдий Рондо⁵ недоумевал, почему двор императрицы Анны Иоанновны тратит огромные средства на проведение балов и маскарадов в то время, когда в российской казне «нет ни гроша» и никому не платят жалованья. «Невзирая, однако, на недостаток в деньгах, — продолжал посланник, — огромные суммы тратятся придворными на великолепные костюмы для маскарада... кроме того, из Варшавы со дня на день ожидается прекрасная труппа актеров, присылаемая королем польским для развлечения Ее Величества, все мысли которой отданы удовольствиям и заботе о том, какими бы богатствами и почестями осыпать графа Бирона»⁶.

Клавдий Рондо не раз описывал празднества, устраиваемые при дворе Анны Иоанновны, всякий раз обращая внимание на их роскошь. 6 декабря 1731 г. он сообщал госсекретарю лорду Гаррингтону о состоявшемся праздновании 30 ноября дня св. Андрея Первозванного, «патрона ордена», учрежденного Петром Великим. «Ко двору съехалось множество знати и дворян, — сообщал дипломат, а затем подробно описал наряды присутствующих. — Все кавалеры ордена... явились в одежде и цветах, ордену присвоенных... верхнее платье их с узкими рукавами сшито из золотой материи; его украшают небольшие отвороты с рядом пуговиц до пояса, и только две складки с боков; жилет серебряной материи, панталоны такой же материи как верхнее платье, чулки белые шелковые, башмаки черного бархата с полосками из серебряной материи. На левой стороне мантии звезда ордена. Мантия у воротника повязана на груди узлом из красивого золотого шнура, висящего спереди до колен, с концами украшенными прекрасными золотыми кистями. На воротник мантии или плаща надета цепь ордена, составленная из русского герба, Андреевского креста, и шифра императрицы. На всех кавалерах были парики в буклях и небольшие шапочки черного бархата с тремя стоячими перьями: двумя белыми и одним красным. В этом наряде они прибыли ко двору поутру и проследовали в церковь с Ее Величеством, после же обедни — имели честь обедать с государыней, на которой верхнее платье было из золотой материи с серебряной

---

⁴ Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны) // Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. I. СПб., 1874. С. 34.

⁵ О биографии К. Рондо и его деятельности при дворе Петра II и Анны Иоанновны см.: *Лабутина Т.Л.* Великобритания и Россия на пути к восстановлению дипломатических отношений (1720–1731 гг.) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 59–70.

⁶ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 66. СПб., 1889. С. 272–273.

юбкой, мантия — зеленого бархата, как у кавалеров; на голову возложена была корона; весь туалет был изящно украшен бриллиантами и драгоценными камнями. Вечером при дворе дана была итальянская опера»⁷.

Особенно пышно при дворе отмечались даты, связанные с днем рождения государыни. Об одном из таких празднеств Рондо сообщал лорду Гаррингтону 29 января 1732 г.: «... Вчера, в день рождения государыни все представители иностранных государств и знатные особы приглашены были на обед к высочайшему двору. После полудня на льду перед дворцом происходил парад всем находящимся в Санкт-Петербурге войскам и для развлечения Ее Величества, генерал граф Миних с частью этих войск атаковал ретраншементы (фортификационные сооружения. — *Т.Л.*), выстроенные на Неве. Вечером был бал, после которого мы ужинали во дворце»⁸. И в который раз Рондо поражался тому, «до чего доходит роскошь двора в одежде». Он бывал при многих дворах, но никогда не видел «таких ворохов золотого и серебряного галуна, нашитого на платья, такого обилия золотых и серебряных тканей». В следующем месяце должно было состояться торжество по случаю тезоименитства императрицы, а следовательно, «предстоит новое празднество, — сокрушался дипломат, — потому никто не хочет и думать о делах: теперь уже все заняты приготовлением изящных костюмов». Рондо полагал, что такая роскошь не может продолжаться долго, или «она разорит большинство знатных русских фамилий, из которых некоторым приходится продавать поместья, чтобы покупать платья»⁹.

Подготовка к празднествам по случаю именин или коронации императрицы была основательной и, как отмечал Рондо, все были озабочены тем, как бы добыть «блистательные наряды». «Ваше превосходительство едва можете представить себе, — обращался посол к госсекретарю, — до какого безумия русские вельможи доходят в своих нарядах, а это вынуждает и представителей иностранных дворов тянуться за ними, вызывая их на большие расходы... Не явись мы в таком же блеске, как и прочий двор, нас бы осмеяли»¹⁰.

Судя по утверждению Рондо, одежда придворных стоила целое состояние: «платье в 150–200 фунтов здесь никому не кажется необычайным»¹¹. В одной из депеш в Лондон Рондо описывал празднество в честь дня рождения Анны Иоанновны. Посол «имел честь

---

⁷ СИРИО. Т. 66. С. 402–403.

⁸ Там же. С. 409–410.

⁹ Там же. С. 410.

¹⁰ Там же. С. 540.

¹¹ Там же. С. 548.

обедать во дворце, где было большое собрание русской знати и именитых особ в богатейших нарядах, выписанных из Франции и Германии. Вечером при дворе был бал, затем — роскошная иллюминация и фейерверк на Неве». К слову сказать, фейерверки обходились казне тоже недешево. По подсчетам Рондо, каждый из них стоил не менее ста тысяч крон¹².

На дороговизну нарядов придворных указывал также посол Эд Финч. Чтобы достойно выглядеть, он собирался приобрести к очередному торжеству при дворе шелковый красный жилет к кафтану за 8–11 фунтов и золотой кафтан за 50 дукатов¹³. Однажды Финчу пришлось за четыре недели сменить четыре торжественных наряда. «Надеюсь, — сетовал посол, — что сегодняшний наряд этого рода — последний, и что больше в жизни мне другого заказывать себе не придется»¹⁴.

Не успевало завершиться одно торжество при дворе, замечали послы, как вслед за ним объявлялось следующее. Так, по случаю тезоименитства государыни Рондо был в очередной раз приглашен к обеду во дворец, куда, по его мнению, «опять все явятся в таком же блеске, как и в день рождения царицы»¹⁵.

Не менее роскошные приемы устраивались по случаю других важных событий. Так, в связи с прибытием из Китая 27 апреля 1732 г. послов во дворце состоялась торжественная церемония¹⁶. «...В годовщину коронавания государыни им дана была первая аудиенция, — сообщал Рондо госсекретарю, — причем они приветствовали Ее Величество тремя земными поклонами и только затем передали свои верительные грамоты и произнесли краткую речь». Послов пригласили отобедать при дворе. Обычно, по установленному для торжественных дней порядку, отмечал Рондо, приглашались и другие послы. Однако в этот раз они не удостоились чести обедать с Ее Величеством, как бывало прежде. Послов пригласили в комнату, «где государыня кушала с великой княжной Елизаветой Петровной и молодой принцессой мекленбургской». Рондо подметил, что все русские министры, а также представители иностранных государств и дамы стояли до окончания «высочайшего обеда», и только затем их пригласили в другие апартаменты, где и состоялась их совместная с

¹² Там же. С. 414.

¹³ СИРИО. Т. 85. СПб., 1893. С. 34.

¹⁴ СИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 269.

¹⁵ СИРИО. Т. 66. С. 549–550.

¹⁶ Подробнее о визите первого китайского посольства в Россию, состоявшемся в правление Анны Иоанновны, см.: *Лабутина Т.Л.* Первый визит китайских послов в Россию в 1732 году (по описаниям британского посла) // *Россия между Западом и Востоком: Традиции и перспективы развития диалога культур.* М., 2021. С. 152–160.

придворными дамами трапеза. «Это нововведение всех нас удивило», признавал Рондо, но послы подчинились, хотя «новый порядок им не совсем по душе»¹⁷. Впрочем, роскошь при церемонии была прежней: «Не думаю, чтобы когда-либо при каком-либо дворе проявлялось более роскоши, чем здесь в этот день: кажется, ничего не было видно, кроме блеска золотых и серебряных материй, собранных со всей Европы, и массы бриллиантов. Вечером при дворе был бал, а на Неве сожжен блистательный фейерверк»¹⁸.

Иногда послу приходилось и самому давать ужин и устраивать бал, на который приглашались все представители иностранных держав, «лица из русской знати», а также проживающие в Петербурге английские купцы¹⁹. Но чаще всего дипломат присутствовал на званных обедах и балах, организованных при дворе по случаю дня рождения, именин либо годовщины коронации императрицы. В депеше Гаррингтону от 29 апреля 1738 г. Рондо описывал день «священного коронования» Анны Иоанновны, отмечаемый «с чрезвычайной торжественностью». «Поутру все представители иностранных государств и русская знать имели честь принести поздравления государыне», — писал Рондо. Затем саксонский посланник Сум передал царице две ленты ордена Белого Орла, привезенные из Дрездена. Императрица немедленно возложила их на сыновей герцога курляндского — принцев Петра и Карла Биронов. По окончании церемонии состоялся парадный обед в большом зале. «Государыня и обе великие княжны (Елизавета Петровна и Анна Леопольдовна. — *Т.Л.*) заняли место под балдахинном трона, — продолжал Рондо, — дипломатический корпус и двор сидели за другим столом в той же комнате. Вечером был бал и прекрасный фейерверк; город был, по обыкновению, иллюминирован. Сегодня вечером мы снова приглашены ко двору на бал и ужин, завтра — на оперное представление»²⁰.

Иногда церемониал празднеств корректировался. Так, в депеше от 3 февраля 1739 г. Рондо сообщал, что в день рождения императрицы все представители иностранных государств и знатные особы «имели честь принести Ее Величеству свои поздравления». Вечером, по обыкновению, состоялся бал и был устроен блестящий фейерверк. Однако в этот раз появилось новшество: дипломаты обедали у вице-канцлера графа Остермана, а не при дворе, как это обычно бывало. «Говорят, — сообщал Рондо, — будто, в ожидании французского посла решено не приглашать более дипломатический корпус

---

¹⁷ СИРИО. Т. 66. С. 453.

¹⁸ Там же. С. 453.

¹⁹ СИРИО. Т. 80. СПб., 1882. С. 74.

²⁰ Там же. С. 292–293.

по праздникам к обеду во дворец, как водилось до сих пор, и вообще несколько регулировать церемониал. Он, надо сознаться, действительно никогда не был установлен со строгостью, свойственной другим дворам»²¹.

С особой пышностью отмечались при дворе победы русского оружия. Рондо был приглашен на такое празднование 10 сентября 1739 г. по случаю победы над турками, когда состоялся «блистательный бал»²².

Празднества при дворе Анны Иоанновны не менее обстоятельно описывала и супруга Рондо — Джейн²³. Одно из таких торжеств состоялось по случаю годовщины вступления императрицы на престол. «В этот день, — сообщала леди Рондо, — было очень холодно, но печки достаточно поддерживали тепло. Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья, расставленные шпалерами, образовали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось довольно пространства для танцев. ... Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были видны только лед и снег — казались чем-то волшебным... В смежных комнатах гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка, и происходили танцы; аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в праздничных платьях. ... Все это заставляло меня думать, что я нахожусь в стране фей, и в моих мыслях, в течение целого вечера, был “Сон в летнюю ночь” Шекспира», — заключала Рондо²⁴.

Не менее восхитительным показался англичанке бал в Летнем саду по случаю взятия Данцига в 1733 г. «Тогда было очень жарко, — вспоминала леди Рондо, — вследствие чего и празднество происходило в Летнем саду. На дамах были корсажи из белой ткани с серебряными цветами и вышитые юбки разных цветов». Их прически были завиты в большие локоны и убраны гирляндами цветов. Императрица с ближайшими родственниками обедала в гроте, напротив аллеи, в конце которой бил фонтан. Обеденный стол, над которым был устроен шатер из зеленой шелковой материи, занимал всю длину аллеи. Вдоль стола размещались буфеты, уставленные столовой посудой и фарфором. Англичанка подметила, что «дамы доставались кавалерам по жребию, и каждый из них сидел рядом со своей дамой». Леди Рондо насчитала триста персон приглашенных. Ее воображе-

---

²¹ СИРИО. Т. 80. С. 426–427.

²² Там же. С. 532.

²³ Подробнее о Джейн Рондо см.: *Лабутина Т.Л.* Леди Рондо при дворе Анны Иоанновны // *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 287–309.

²⁴ Письма леди Рондо... С. 67–68.

ние поразило изобилие подаваемых блюд: «для каждой перемены требовалось шестьсот блюд, а перемен было две и потом десерт». После обеда, продолжала англичанка, «общество разделилось на группы и забавлялось в саду до вечерней прохлады». Вечером сад «иллюминировали очень красиво», и начался бал²⁵.

Леди Рондо довелось стать свидетельницей бракосочетания племянницы императрицы, Анны Леопольдовны, и принца брауншвейгского Антона, которое состоялось 3 июля 1739 г.²⁶ Англичанка довольно подробно описала церемонию бракосочетания: «Принц без особой пышности первым приехал в церковь со своим двором. Затем показались кареты особ, занимающих государственные должности, а равно и дворянства. Экипажи их были чрезвычайно великолепны; каждый имел по десять лакеев, шедших впереди ... кареты, а некоторые, кроме того, по два скорохода и по несколько ряженных, напоказ публике». Особый выезд представляла собой свита Бирона. Сам он ехал в «чрезвычайно великолепной карете», предшествуемый 24 слугами, 8 скороходами, 4 гайдуками, 4 пажам. Затем показалась карета императрицы с невестой, которую сопровождала свита, представлявшая собой «как бы особый поезд», из 48 слуг, 12 скороходов, 24 пажей с их наставником на коне; камергеров, конных лакеев в ливреях. Замыкали шествие дворяне верхом. Англичанку потрясли «роскошь и великолепие карет и ливрей»²⁷.

Леди Рондо чисто по-женски оценила наряды царствующих особ. Она отметила платье невесты с корсажем из серебряной ткани, который был весь покрыт бриллиантами. Завитые волосы Анны Леопольдовны были разделены на четыре косы, перевитые бриллиантами, а на голове поместили маленькую бриллиантовую корону; кроме того, «множество бриллиантов было укреплено в ее черных волосах, что придавало ей еще более блеску». Императрица также блистала во всем своем великолепии. На ней было платье «с темным корсажем, затканное золотом... чрезвычайно богатое»²⁸. Из драгоценностей на императрице был только жемчуг. Принцесса Елизавета Петровна была одета в розовое платье, расшитое серебром и украшенное драгоценными камнями. На герцогине курляндской, супруге Бирона, было белое платье, расшитое золотом и украшенное рубинами.

---

²⁵ Письма леди Рондо... С. 73–74.

²⁶ В примечаниях к письмам леди Рондо исследователь Ю. Толстой отмечал, что принцессе желал выдать за своего сына Бирон, однако племянница Анны Иоанновны ему отказала. В результате «надежды Бирона на доставление своему потомству русского престола не осуществились» (Письма леди Рондо... Примеч. С. 209).

²⁷ Письма леди Рондо... С. 142, 143, 145.

²⁸ Там же. С. 144–145.

Торжество по случаю бракосочетания завершилось праздничным обедом, во время которого императрица восседала за особым столом, рядом с ней расположились только молодожены и принцесса Елизавета Петровна. Поскольку процессия началась в 9 часов утра, то ко времени обеда в 8 часов вечера все чрезвычайно утомились. Поэтому был объявлен перерыв, чтобы участники торжества могли вернуться домой и немного отдохнуть. Однако уже в 10 часов вечера все снова прибыли во дворец, где начался бал, продолжавшийся до полуночи. «Ужин был блестящий, — свидетельствовала леди Рондо, — и в зале придумали устроить фонтан, бивший все время, как настоящий»²⁹.

Помимо балов и маскарадов, при дворе императрицы устраивались и другие развлечения, в которых послы должны были принимать участие. Леди Рондо рассказала об одном из них — зимнем: «Из досок устроили скат, который шел наклонно из первого этажа дворца во двор; по ширине он годился для проезда кареты... На этот скат лили воду ... пока лед не сделался достаточно толстым. Придворные дамы и кавалеры садились в сани и спускались вниз. Движение при этом было так быстро, что его можно сравнить только с полетом птицы». Англичанка отмечала, что все, кто оказывался при дворе, должен был испытать такое катанье, сама же она опасалась, как бы ее не заставили «скатиться по этой опасной машине». «Я некоторое время рассчитывала, что кто-нибудь сломает себе руку или ногу и тем положит конец этой забаве», — заключала Джейн³⁰.

Не менее опасным английчанке представлялось и другое развлечение при дворе Анны Иоанновны: стрельба в цель и на лету. От участия в подобном «увеселении» леди Рондо избавиться не смогла, и однажды ей даже удалось попасть в цель, хотя она была так напугана, что «ничего не видела»³¹. Тот факт, что сама императрица отличалась пристрастием к охоте и стрельбе из ружья, подтверждали и другие источники. В стрельбе Анна Иоанновна приобрела такую сноровку, что без промаха попадала в цель и на лету убивала птиц. Об этом сообщалось в примечаниях к «Письмам» леди Рондо: «Во внутренних покоях ее (императрицы) стояли всегда заряженные ружья, и она стреляла из них через окна в мимо летевших ласточек, воробьев, галок и т.п. В галерее дворца находился большой тир, где назначалась иногда призовая стрельба, в которой должны были обязательно принимать участие все придворные, не исключая и дам»³².

²⁹ Письма леди Рондо... С. 146–147.

³⁰ Там же. С. 104, 105.

³¹ Там же. С. 124–125.

³² Там же. Примеч. С. 203–204.

Повествуя о своей жизни при дворе императрицы, дипломаты сетовали не только на траты на дорогие наряды, в которых должны были являться во дворец, но и на дороговизну проживания в столице. По этой причине послы нередко были вынуждены обращаться за материальной помощью к своему руководству. Так, 15 ноября 1731 г. Рондо просил госсекретаря «исходатайствовать у Его Величества какую-либо сумму на покрытие издержек по обзаведению», которое обошлось ему очень дорого. «Здесь все вещи вдвое дороже, чем в Англии, — сетовал дипломат, — и в то же время нет двора, требующего от представителей иностранной державы больших издержек, чем русский двор, который сам держится с чрезвычайным великолепием и любит, чтобы все окружающие следовали его примеру»³³. Рондо жаловался также на дороговизну аренды дома, который занимал. «Так как дома здесь очень дороги, — извещал он Гаррингтона, — мне приходилось платить 400 рублей в год, что составляет около тысячи фунтов»³⁴. Чрезмерно обременительным дипломату представлялся переезд из Москвы в Петербург, куда он должен был следовать за двором императрицы. «Почтительнейше прошу, ваше превосходительство, — обращался Рондо к госсекретарю, — не откажитесь доложить Его Величеству: не пожалует ли он мне сколько-нибудь на эту поездку? Пересылка всех предметов домашнего хозяйства (неизбежная в этом крае, иначе можно остаться без всего необходимого) и перевозка семьи приблизительно за 600 миль сухим путем обойдется мне очень дорого»³⁵.

Правительство Великобритании не поскупилось на оказание финансовой помощи посланнику. В ответ на просьбу Рондо госсекретарь отвечал: «Королю угодно было назначить вам 300 фунтов на обзаведение ваше, как резидента. С удовольствием доложу и о прочих ваших желаниях: вам даны будут средства на покрытие почтовых и других необычайных расходов. ...Если вы доставите мне умеренный счет расходам, вызванным, по вашим словам, поездкой вашей из Москвы в Петербург, я представлю его на усмотрение и утверждение его величества»³⁶.

Надо признать, что, несмотря на жалобы по поводу дороговизны жизни в российской столице, Рондо, вероятно, получал приличное жалованье, если сумел еще приобрести неподалеку от Петербурга «сельский домик». В одной из депеш Гаррингтону он сообщал, что летом многие дипломаты нанимали «дачи» в окрестностях Петер-

---

³³ СИРИО. Т. 66. С. 393.

³⁴ Там же. С. 436.

³⁵ Там же. С. 404.

³⁶ Там же. С. 415–416.

гофа, чтобы быть поближе к Летнему дворцу императрицы. «Мне пришлось сделать то же, — сообщал Рондо. — Я занял дом милях в двух от Петергофа, так что могу, являясь к государыне, возвращаться домой в тот же день»³⁷.

О том, что представлял собой этот дом, рассказала леди Рондо. Деревянный дом состоял из маленького зала с двумя приемными с одной стороны, кухней со службами с другой, а также четырех спален и кабинета на втором этаже. Джейн была очарована расположением дома, находившегося на возвышении, «со спуском, покрытым травой и примыкающим к прекрасному лугу, омываемому морем». «Здесь не видно ни искусства, ни отделки, потому что суровость климата сделала бы смешными какие-либо затраты на это, — продолжала описывать свое жилище леди Рондо. — Насколько просты окрестности дома, настолько незатейлива и его внутренность: посуда фаянсовая, убранство постелей из белого коленкора, стулья русского изделия; с этим сообразно и все остальное. Передняя наша наполнена книгами и ланд картами, которые вместе с моими пальцами составляют единственное отличие нашего дома от фермы. Мы здесь проводим три дня в неделю. К. Рондо читает вслух в то время, когда я занимаюсь рукодельем; наши коровы, бараны и домашние птицы приручены до такой степени, что пасутся под нашими окнами». В этом доме супруги чувствовали себя свободными «от стеснений», сопровождавших их пребывание в обществе и при дворе, и были к тому же избавлены от посещения гостей. Лишь изредка их навещало «одно английское семейство», состоявшее из двух братьев, с которыми Рондо «дружески сошелся». На взгляд Джейн, их умная беседа «была бы находкой даже в Англии»³⁸.

В одном из писем к приятельнице в Англию леди Рондо описала также свою жизнь в Москве. «Я сделалась совсем простолюдинкой и встаю в шесть часов утра, — рассказывала она, — осмотрев все кругом и отдав приказания прислуге, я завтракаю около восьми часов; после того занимаюсь час с учителем французского языка и затем ухожу в свою комнату, где читаю или работаю до полудня; потом одеваюсь, чтобы обедать в час; после обеда мы (с супругом. — *Т.Л.*) болтаем немного, а встав из-за стола, я снова удаляюсь к себе, чтобы заняться какой-нибудь работой или чтением до шести часов, когда мы отправляемся в экипаже или пешком прогуляться и подышать воздухом до восьми часов; затем мы ужинаем и в десять часов ложимся спать. Таково почти постоянное препровождение дня...»³⁹. Из данного письма

³⁷ Там же. С. 485.

³⁸ Письма леди Рондо. С. 68–69.

³⁹ Там же. С. 25–26.

леди Рондо можно составить представление и о жизни ее супруга в Москве, когда посол был свободен от визитов ко двору.

Как бы то ни было, судя по информации дипломатов, их жизнь при дворе оставалась вполне удовлетворительной. Впрочем, порой послы жаловались на отдельные неудобства: плохие дороги, безобразную работу почты, морозы⁴⁰. Не исключено, что суровый климат России, действительно, мог повлиять на состояние их здоровья, о чем они не раз упоминали в своих депешах в Лондон⁴¹. Возможно, что именно тяжелые погодные условия в Петербурге ускорили кончину двух из них — Т. Уорда и К. Рондо.

Анализируя переписку дипломатов с госсекретарем, мы обратили внимание на то, что послы практически не касались тем, связанных с жизнью простого народа, его обычаев и обрядов. Лишь единственное упоминание об одном из праздников русского народа — Богоявлении — встречается у К. Рондо. «Сегодня, по случаю праздника Богоявления, гвардия и некоторые другие полки (всего около 5000 человек) собраны были на Неве, — писал дипломат в Лондон 6 января 1733 г. — Ее Величество смотрела на торжество из дворцового окна. Когда церемония окончилась, к священнику подносили маленьких детей, и он погружал их в воду. С этой целью вырублена была во льду большая прорубь... Говорят, что священники — потому ли, что бывали в нетрезвом виде или случайно — топили детей, упуская их из рук под лед. Многие мужчины и женщины тоже бросались в воду, в убеждении, что тем смоят все свои прегрешения. Толпа разносила освященную воду по домам»⁴².

Джейн Рондо уделила описанию обычаев русских людей больше внимания. Так, она проявила живой интерес к православной религии: «О религии русских я могу ответить весьма немного, так как очень мало говорю на местном языке. Религия здесь, как кажется, состоит из внешних обрядов и из множества суеверий»⁴³. Как-то леди Рондо с супругом посетила один из монастырей, где их любезно принял настоятель, предложивший гостям кофе, чай и сладости. «Под конец ему пришла охота... угостить нас по обычаю своей страны; он приготовил нам стол, уставленный всякого рода горохом, бобами, репой, морковью и т.д., все это было в сыром виде, — а также медом, крепким пивом и водкой. Настоятель скоро сделался очень весел, и, казалось, был вообще в отличном расположении духа; таким образом, мы провели там наше послеобеденное время очень приятно»⁴⁴.

⁴⁰ СИРИО. Т. 80. С. 431; СИРИО. Т. 66. С. 118.

⁴¹ СИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 215, 275, 286.

⁴² СИРИО. Т. 66. С. 543.

⁴³ Письма леди Рондо... С. 12–13.

⁴⁴ Там же. С. 26–27.

В письмах леди Рондо содержались также описания крестин, свадеб и похорон, свидетельницей которых она стала. Англичанка рассказывала, как происходили крестины⁴⁵. Она побывала также на свадьбе одной из своих служанок. Джейн отмечала, что хотя предложение было сделано родителям девушки, но «для вида» пришли просить ее согласия. Получив его, жених прислал невесте подарок, состоявший из гребенки, румян и нескольких мушек. И это было первое знакомство жениха с невестой. Молодые обменялись кольцами и дали обещание вступить в брак, после чего назначили день свадьбы через неделю. «С этого времени до дня свадьбы, — повествовала Рондо, — подружки невесты приходили по очереди проводить с нею день и ночь, оплакивая в непрерывных песнях предстоящую им разлуку. Когда настал день свадьбы, они для виду простились с невестой, проливая много слез, а родители жениха пришли за нею и ее приданым, которое состояло из постели, одеяла, стола и изображения святого, ее покровителя»⁴⁶. Сравнивая описание церемонии бракосочетания, представленной Рондо, с тем, который давал, к примеру, П.Г. Брюс⁴⁷, можно утверждать, что внесенные в процедуру бракосочетания изменения, произошедшие в петровскую эпоху, возымели свое действие. И теперь уже молодые люди могли делать свой выбор самостоятельно, не связывая себя волей родителей, а также видеться до свадьбы, чего не было до петровских реформ.

Письма леди Рондо носили в большей степени описательный, а не аналитический характер, что, впрочем, было естественно для дамы света. Тем не менее, наблюдательность и острый ум англичанки позволили ей высказывать отдельные замечания по вопросам, далеким от чисто женских интересов. Прожив около десяти лет в России, Джейн Рондо не могла не составить своего представления о русском народе. Однако в этом вопросе она весьма лапидарна. Ее впечатления касаются по большей мере описания внешнего вида русских людей. «Всё, что я могу сказать о народе, это то, что он крепко сложен, среднего роста и несколько красивее, чем в других странах; но я нахожу, что у русских вообще мало выражения в лице», — отмечала Рондо в одном из первых своих писем в Англию. Во время переезда из Москвы в Петербург, останавливаясь на постоялых дворах, для «перемены лошадей», англичанка сталкивалась с простыми людьми, о которых она составила следующее представление: «Здесьшний народ

---

⁴⁵ Там же. С. 12.

⁴⁶ Там же. С. 12–14.

⁴⁷ Брюс П.Г. Мемуары // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 215.

чрезвычайно вежлив, по своему понятию, но в нем человеческая природа слишком унижена, и эти несчастные создания так жалки, что кажется, имеют только человеческое подобие»⁴⁸. Как видно, встречи аристократки с простолюдинами в России носили эпизодический характер, что и не позволило ей составить более полное представление о русском народе.

Что касается английских послов, то в оценках русских привилегированных сословий у большинства их сквозила неприкрытая недоброжелательность. Клавдий Рондо возмущался «произволом и варварством», господствующими при дворе, и опасался, что, если его депеши случайно попадут в руки российских министров, то он подвергнется большой опасности⁴⁹. Эд. Финч уже после кончины Анны Иоанновны в депеше госсекретарю давал нелицеприятные оценки русского дворянства и духовенства. Большинство дворян, посещавших двор, на его взгляд, «в душе держатся старорусских взглядов точно так же, как и дворяне, проживающие в своих поместьях». Еще худших оценок, по мнению Финча, заслуживают те из них, которые, «возвращаясь на родину после странствий за границей, возвращаются одновременно и к русским привычкам». «Невзирая на все старания, приложенные за последние 40 лет, дабы вывести Россию из прежнего строя, — продолжал дипломат, — только насилие и высшая власть удерживают ее от возвращения к старине, и она раньше или позже, а когда-нибудь возвратится вспять: нет русского, который бы не желал Петербургу провалиться на дно морское, и не посылать все новоприобретенные провинции к черту, дабы возвратиться в Москву, в соседство своих поместий, где можно жить и роскошнее, и дешевле. Кроме того, русские дворяне уверены, что России лучше было бы вообще не путаться в европейские дела, как она прежде не путалась в них, и ограничиться защитой “собственной старой земли” (так они выражаются)»⁵⁰.

Финч обращал внимание на то, что дворяне по большей части «очень враждебно относятся к иностранцам, состоящим в русской службе». Хотя они и сознают пользу, приносимую иностранцами в военное время, но желали бы устранить их немедленно после заключения мира. Между тем, полагал Финч, «плоды дурного обращения с иностранцами в морской службе ... отразились на состоянии русского флота, к которому всякий русский относится с смертельной враждой и с таким отвращением, что готов скорее на всю жизнь

---

⁴⁸ Письма леди Рондо... С. 6–7.

⁴⁹ СИРИО. Т. 80. С. 104.

⁵⁰ СИРИО. Т. 91. С. 107–108.

поселиться в отдаленнейших местностях Сибири, чем прослужить одну кампанию на лучшем из русских судов»⁵¹.

Также негативно отзывался Финч о духовенстве, считая его «невежественным и полным ханжества»⁵². Да и в целом, британский посол усматривал в российском государстве «только грубую модель чего-то, что предполагается усовершенствовать со временем», невзирая на все старания, употребленные «на приведение России в настоящее положение, которое так близко связало ее с остальной Европой и придало ей такой вес в европейских делах»⁵³.

Если же говорить о восприятии британцами внешних атрибутов — описания природы или архитектуры и убранства дворца, то здесь они чаще всего были объективны. Лорд Форбс не скрывал своего восхищения русской столицей, которую он называл одним из лучших городов Европы. Это восхищение, по-видимому, произвело «сильное впечатление на умную и любознательную королеву Каролину (супругу царствующего монарха в Великобритании Георга II. — Т.Л.), пожелавшую увидеть Петербург»⁵⁴.

Описывая Петербург, Джейн Рондо отметила, что город «живописно расположен на прекрасной реке», дома и улицы в нем «очень хороши, однако мало обитаемы». Зимний дворец ей показался некрасивым. Во дворце много «маленьких комнат, дурно расположенных, и нет ничего замечательного в отношении архитектуры, живописи или мебелировки». Не лучшее впечатление произвел на англичанку и Летний дворец: он «еще меньше и во всех отношениях плох»⁵⁵.

Примечательно, что описания Москвы Джейн Рондо, в отличие от большинства путешественников, не оставила, зато отметила приглянувшиеся ей окрестности города, которые показались «прекрасными»: «леса, вода и засеянные поля составляют красивый пейзаж». Поблизости от Москвы она заметила множество монастырей, которые не произвели на нее большого впечатления: «они очень древни, но не имеют ничего красивого». В то же время англичанка подметила, что колокольни и главы некоторых церквей позолочены. Джейн предположила, что подобное убранство должно стоить очень дорого и что в монастырях, возможно, находятся «большие богатства».

Итак, как можно убедиться, жизнь при дворе императрицы Анны Иоанновны воспринималась британскими дипломатами весьма критически. Послы возмущались дороговизной жизни в столице,

---

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Там же.

⁵³ СИРИО. Т. 91. С. 111.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Письма леди Рондо... С. 2–3.

а также тем, что приходилось тратить значительные средства на наряды, необходимые для участия в многочисленных церемониях и празднествах при дворе. Их оценки русского народа, прежде всего высших слоев, с которыми им приходилось сталкиваться, отличались недоброжелательностью. Исключение составляли леди Рондо и лорд Форбс, которые отзывались о русских людях с большей долей симпатии. Что касается описания времяпрепровождения при дворе, то здесь дипломаты были более объективными, что не вызывало удивления, поскольку подобная информация собиралась ими по заданию своего правительства. Ведь именно на балах и других празднествах для послов появлялась возможность близко пообщаться с ближайшим окружением императрицы, узнать от придворных и фаворитов ценную информацию, служившую важным источником для их разведывательной деятельности, которую дипломаты прекрасно совмещали со своими профессиональными обязанностями. Как бы то ни было, но обращение к истории жизни послов при императорском дворе, отразившейся в их переписке с госсекретарем, обогащает представления наших современников не только об иностранных дипломатах, работавших в России, но также о быте и нравах, царивших при дворе, а значит, и об эпохе правления императрицы Анны Иоанновны в целом.

Список литературы

Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 350 с.

Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб.: Алетейя, 2019. 458 с.

Лабутина Т.Л. Великобритания и Россия на пути к восстановлению дипломатических отношений (1720–1731 гг.) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 59–70.

Лабутина Т.Л. Первый визит китайских послов в Россию в 1732 году (по описаниям британского посла) // Россия между Западом и Востоком: Традиции и перспективы развития диалога культур. М., Институт всеобщей истории РАН, 2021. С. 152–160.

Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник: 1998–1999. М., 1999. С. 77–100.

Поступила в редакцию
1 марта 2022 г.

И.Ю. Хрулева

**КОНФЛИКТ И/ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОЛОНИСТОВ И КОРЕННОГО
НАСЕЛЕНИЯ НОВОЙ АНГЛИИ В XVII ВЕКЕ**

I.YU. Khruleva

**CONFLICT AND/OR COOPERATION?
NATIVE-COLONIAL RELATIONS
IN THE 17th CENTURY NEW ENGLAND**

Аннотация. Колонии Новой Англии в американском национальном самосознании и исторической памяти неизменно воспринимаются как место зарождения государственности и культуры будущих Соединенных Штатов. Сосуществование с индейцами было важной составляющей жизни английских колонистов с самого момента основания поселений в Новой Англии. Культуры народов Новой Англии постепенно интегрировались, при этом одна из них заняла господствующее положение. Монография Г.В. Александрова «“Святые” и “дикари”: взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII веке» вносит значительный вклад в понимание природы и динамики этнокультурных процессов и взаимодействий в ранний период истории новоанглийского региона. Новизна современных исследовательских подходов подразумевает изучение не столько конфликта, сколько сотрудничества, взаимного экономического, политического и культурного влияния колонистов и индейцев друг на друга. Сосуществование европейцев с индейцами в этот период было, по-видимому, гораздо более тесным, чем готовы были признавать авторы источников. В этот период среди индейцев выработалось несколько механизмов, использовавшихся в попытках интегрироваться в колониальное со-

---

Хрулёва Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Khruleva Irina Yurievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-925-316-30-33; irinakhruleva@mail.ru

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

общество и сохранить хотя бы частично территориальную, политическую и культурную независимость от англичан. В первые десятилетия существования колоний отношения с индейцами были практически равноправными. Совершенно в новом свете представлены причины и предпосылки двух главных колониальных войн, которые вели английские колонисты с индейцами Новой Англии в XVII в., — Пекотской войны и войны короля Филиппа. Мотивы участников Пекотской войны были достаточно сложными, включали и политический, и экономический, и культурный аспекты. Прежде всего, противоречия между разными племенами и группами индейцев сыграли значительную роль в развитии конфликта, а позиции многих индейских групп могли временно совпадать с европейскими. Война короля Филиппа 1675–1676 гг. хотя и имела антиколониальный характер, однако в большей степени проискала из конфликта индейских племен и изменения экономической системы в регионе.

Ключевые слова: американские индейцы, Новая Англия, трансатлантический подход, колониальный период истории США, Пекотская война, война короля Филиппа.

Abstract. The New England colonies are consistently perceived in American national consciousness and historical memory as the birthplace of the statehood and culture of the future United States. Coexistence with Indians has been an important component of life for English colonists since the foundation of settlements in New England. The cultures of the peoples of New England gradually integrated and one of them took a dominant position. G.V. Alexandrov's monograph *"Saints" and "Savages": The Relationship between Colonists and the Indigenous Population of New England in the Seventeenth Century* significantly contributes to understanding the nature and dynamics of ethno-cultural processes and interactions in the early history of the New England region. The novelty of contemporary research approaches implies the study of cooperation rather than conflict, the mutual economic, political and cultural influence of colonists and Indians on each other. Coexistence between Europeans and Indians during this period seems to have been much closer than our sources' authors were willing to admit. During this time the Indians developed several mechanisms in an attempt to integrate themselves into the colonial community and to maintain at least part of their territorial, political and cultural independence from the British. In the early colonial decades, relations of the colonies with the Indians were almost equal. The causes and background of the two main colonial wars fought by English colonists with the New England Indians in the 17th century — the Pequot War and King Philip's War — are presented in an entirely new light. The motives of the participants in the Pequot War were quite complex, involving political, economic and cultural aspects. Above all, contradictions between different Indian tribes and groups played a significant role in the development of the conflict, and the positions of many Indian groups might temporarily overlap with those of Europeans. King Philip's war of 1675–1676, although anti-colonial in nature, stemmed more from the conflict between Indian tribes and changes in the regional economic system.

Key words: American Indians, New England, transatlantic approach, colonial period of US history, Pequot War, King Philip's War.

Развитие английских колоний в Новом Свете в XVII в. во многом определялось взаимоотношениями с коренным населением Северной Америки. Отношения эти, вопреки популярным представлениям, не сводились к конфликтам завоевателей и завоеванных, колонизаторов и аборигенов. Индейцы были для первых колонистов одновременно и торговыми партнерами, и союзниками, и источником постоянной опасности, и соперниками в борьбе за территорию, и объектом миссионерской деятельности, и «дьявольскими дикарями». Взаимоотношения этих двух групп, сложные и зачастую противоречивые, менялись по мере развития и расширения колоний.

Целью «пуританского эксперимента» в Северной Америке было объявлено возрождение истинной церкви и построение идеальных политических институтов на земле Новой Англии¹. Многие эпизоды освоения Новой Англии пуритане наделяли глубоким символическим смыслом. Две опустошительные эпидемии оспы, 1616–1619 и 1633–1634 гг., полностью уничтожившие население нескольких индейских деревень, по мнению пуритан, были знаком особого Божьего благоволения, пожелавшего очистить эти земли для своих «избранников»². В борьбе с враждебно настроенными индейцами, которые могли представлять угрозу «пуританскому эксперименту», оправдывались любые, самые жестокие, средства. При взятии одного из пекотских укреплений, по сообщению священника Коттона Мезера, «в течение немногим более одного часа пять или шесть сотен индейцев покинуло этот мир, который и так слишком долго терпел их существование»³.

Пуритане считали, что заняли землю Новой Англии, пользуясь правом «открытия». Еще готовясь к «великому исходу» в Америку, руководитель «пуританского эксперимента» Джон Уинтроп писал: «Что касается туземцев Новой Англии, они не владеют землей и не имеют постоянного местожительства, у них также нет рабочего скота, чтобы обрабатывать эту землю, и поэтому они не имеют никакого иного, кроме естественного, права на эти территории, и если мы им

¹ Подробнее о политических и религиозных новоанглийских взглядах пуритан XVII в. см., например: *Хрулева И.Ю.* Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М., 2002.

² *Winthrop J.* Reasons to be Considered for the Intended Plantation in New England (1629) // *Winthrop Papers*. 6 vols. Boston, 1929–1992. Vol. II. P. 125.

³ *Mather C.* *Magnalia Christi Americana*. In 2 vols / Ed. by K.B. Murdock. Vol. II. Cambridge (Mass.); London, 1977. P. 558.

оставим достаточно земли для их нужд, то сможем законно забрать всю остальную...»⁴.

Колонии Новой Англии в американском национальном самосознании и исторической памяти неизменно воспринимаются как место зарождения государственности и культуры будущих Соединенных Штатов. Однако колониальная история этого региона далеко не так однозначна. В ней сосуществовали демократия и теократия, свобода выражения своих взглядов и жесткие цензурные ограничения, достижения культуры и мрачные проявления суеверий. Исследование этих противоречий в общем контексте развития атлантического мира в раннее Новое время остается важной и актуальной научной задачей, решение которой необходимо для понимания того, как рождалась Британская Америка. Не менее важной представляется тема для современной американистики, поскольку, во-первых, основатели колоний Новой Англии превозносились в историографии как действительные основатели американской государственности, и, во-вторых, многие элементы колониальной идеологии и практики британцев, прежде всего, касающиеся их отношений с местным населением, были заимствованы другими колониями в Америке, что диктует необходимость обратиться к истокам создания будущих США.

Монография Г.В. Александрова «“Святые” и “дикари”: взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII веке»⁵ предлагает решение этой задачи в рамках одного из самых малоизученных в отечественной историографии вопросов — взаимоотношений колонистов и коренного населения Америки в первые пятьдесят лет существования Новой Англии. До появления настоящей монографии взаимодействие индейцев Новой Англии и английских колонистов на раннем этапе освоения европейцами Нового Света не становилось в отечественной историографии объектом фундаментального исследования, хотя отдельные его аспекты, в первую очередь, Война короля Филиппа, безусловно, изучались⁶.

---

⁴ *Winthrop J. General Considerations for the Plantation in New England (1629) // Winthrop Papers. 6 vols. Boston, 1929–1992. Vol. II. P. 137.*

⁵ *Александров Г.В. «Святые» и «дикари»: взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII в. М., 2021.*

⁶ *Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. СПб., 2005; Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М., 1963; Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. 1606–1642. М., 1978; Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630–1642. М., 1980; Хрулева И.Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М., 2002.*

История взаимодействий индейцев и колонистов в этом регионе не раз подвергалась пересмотру⁷. Исследователи представляли ее то как процесс насаждения европейской цивилизации, то как борьбу местных народов за национальное самоопределение, то как историю истребления беспомощных племен. В монографии Г.В. Александрова предлагается новый подход к данной проблеме: изучение не столько конфликта, сколько сотрудничества, взаимного экономического, политического и культурного влияния колонистов и индейцев друг на друга. Еще один аспект истории этих взаимоотношений, который часто недооценивается или вовсе игнорируется, — это влияние индейцев на развитие английских колоний в XVII в. Пришельцы не только кардинально изменили культуру коренного населения, но в процессе контактов сами восприняли некоторые ее составляющие, а необходимость выстраивать отношения с коренным населением повлияла на развитие политической структуры, общества и культуры колоний. Особенно часто об этом забывают именно применительно к Новой Англии. Согласно распространенной точке зрения, англичане, в отличие от французов, практически сразу вступили в конфликт с соседями-индейцами, Г.В. Александров же стремится доказать, что хотя конфликты, безусловно, случались, на протяжении значительной части этих первых десятилетий — периода становления колоний — отношения колоний с соседями-индейцами были гораздо более сложными и многогранными.

Сама цель работы, сформулированная автором, является новаторской для отечественной историографии и, во многом, для зарубежной: уйти от однобокого освещения индейской проблемы как истории конфликта и изучить эволюцию сотрудничества и культурного взаимодействия индейцев и колонистов. Эта сторона взаимоотношений двух групп долгое время игнорировалась историками, хотя бы потому, что основной блок нарративных источников этого периода ее почти не отражает. В основу исследования положено скрупулезное изучение целого ряда источников: и неоднократно рассмотренных в историографии (например, «История поселения в Плимуте» Уильяма Брэдфорда или «Журнал» Джона Уинтропа),

---

⁷ Более подробно см.: *Axtell J. The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America.* Oxford, 1986; *Bailyn B. Atlantic History: Concept and Contours.* Cambridge, Mass., 2005; *Cave A.A. The Pequot War.* Amherst, Mass., 1996; *Cave A.A. Lethal Encounters: Englishmen and Indians in Colonial Virginia.* Oxford, 2011; *Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675–1676.* Amherst, Mass., 1999; *Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest.* New York, 1976; *Lepore J. The Name of War: King Philip's War and the Origins of American Identity.* New York, 2009; *Levy B. Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution.* Philadelphia, 2009; *Newell M.E. Brethern by Nature.* New York, 2015.

и менее известных («хроники пленения», памфлеты, письма, описания индейских войн, отчеты миссионеров, географические карты)⁸. Автору удалось, основываясь на отрывочных сведениях из хроник, географических и этнологических данных и законодательстве колоний кропотливо и последовательно реконструировать картину межкультурного взаимодействия коренных жителей и колонистов Новой Англии. Кроме того, применение арсенала разнообразных методологических приемов — этноистории, имагологии, атлантического подхода, обращение к антропологическим подходам и методам — помогло автору проанализировать сложный материал, вписав его в широкий атлантический контекст.

Справедливо рассудив, что рассматривать двухсторонние отношения без хотя бы самого общего понимания специфики социально-политического устройства и культуры одной из сторон было бы некорректно, Г.В. Александров уделил значительное внимание анализу этноисторических и этнографических данных об индейцах Новой Англии, а также, в меньшей степени, Северной Америки в целом. В этом разделе рассмотрены как особенности быта индейцев, часто малознакомые даже историкам, изучающим колониальную Америку, так и специфика их политической организации. Автор подробно разбирает, например, вполне устоявшееся в отечественной исторической литературе понятие «племени» и показывает, что реальные политические образования коренных жителей Америки зачастую имели мало общего с привычными представлениями о них, характерными как для авторов источников, так и для современных историков. «Племя» далеко не всегда представляло собой единое политическое образование, отдельные небольшие группы семей были во многом автономны, и переход их между «племенами» был широко распространенным явлением. При этом переход из одного «племени», объединяющего множество таких небольших сообществ, не был

---

⁸ *Bradford W.* History of Plymouth Plantation. Boston, 1856; *Hubbard W.* A Narrative of the Indian Wars in New England. Stockbridge, Mass., 1803; *Moore M.* Memoirs of the Life and Character of rev. John Eliot. Boston, 1822; *Winthrop J.* The journal of John Winthrop, 1630–1649. Cambridge, Mas., 1996; *Eliot J.* The Christian Commonwealth: or, The Civil Policy Of The Rising Kingdom of Jesus Christ. London, 1659; *Cotton J.* An abstract Of The Laws Of New England As They Are Now Established. London, 1641; Records of the Colony of New Plymouth in New England. Boston, 1861. *Repr.*: New York, 1968. Records of the Colony of Rhode Island and Providence Plantation, in New England. Vol. 2 / Ed. by J.R. Bartlett. Providence, 1856; Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in New England. 1853 / Ed. by N. Shurtleff; The Colonial Laws of Massachusetts: Reprinted from the ed. of 1672, with the supplements through 1686. Boston, 1887; The Book of the General Laws for the People Within the Jurisdiction of Connecticut. Hartford, 1673. *Vaughan A.T.* Early American Indian Documents: New England treaties, Southeast, 1524–1761 // Early American Indian Documents: Treaties and Laws, 1607–1789. Vol. 19. Lanham, 2004.

связан с каким-либо кризисом идентичности. Точно так же автор уделяет особое внимание политическим функциям вождей-сахемов, справедливо отмечая их отличие от «военных вождей» европейской истории и ограниченность их реального влияния на подданных, необходимость опираться на авторитет, а не формализованные механизмы принуждения, а также на экономические, культурные и другие формы влияния. При этом власть сахема все равно была в значительной мере ограничена, и прямо приказывать своим «подданным» он мог в очень ограниченных пределах⁹.

Принципиальный вывод, который делает автор монографии в отношении роли индейцев в жизни новоанглийского общества, состоит в том, что индейцы не были «внешним фактором по отношению к колониальному обществу, а неотъемлемой его составляющей. С самого начала английские колонии включились, сами того не понимая, в политическую жизнь индейцев. Торговля не только определила экономическое развитие колоний, но и изменила существующую систему экономических связей внутри индейского общества. Между двумя культурами возникали многочисленные точки пересечения, они влияли друг на друга и в последующие несколько десятилетий оказались неразрывно связаны. Расширение колоний иногда приводило к катастрофическим трансформациям традиционного общества индейцев, но и сосуществование с индейцами модифицировало культуру колоний, все больше отдаляя ее от английской. На самом деле колонисты уже начали меняться, частично приняв индейскую методику ведения сельского хозяйства, — начав выращивать кукурузу»¹⁰.

Таким образом, Г.В. Александров обращает пристальное внимание на прежде практически игнорируемый сюжет — влияние индейской культуры на английские поселения — и аргументированно показывает, как предубеждение колонистов против индейцев способствовало тому, что информация о контактах с ними намеренно замалчивалась. На многочисленных примерах автор монографии демонстрирует, что индейская культура оказала значительное влияние на приемы обработки земли, на выбор места поселений, на складывание сети дорог в колониях, особенности экономических отношений, торговли и обмена, и на культуру англичан.

Рассуждая о двух, казалось бы, диаметрально противоположных образах американского индейца в сознании европейцев XVII в., Г.В. Александров приходит к парадоксальному выводу, что оба этих

---

⁹ Александров Г.В. Указ. соч. С. 53–54.

¹⁰ Там же. С. 100.

представления коренятся в первую очередь в идее неоспоримого превосходства европейской культуры: «Благородный дикарь — образ не менее унижительный, чем дикарь кровожадный, точно так же лишаящий индейцев активной роли в истории Америки, ставящий их в безусловно зависимое положение. Подобное отношение к индейцам неизбежно связано с экзотизацией представлений о коренных жителях Америки. Оно не только содержит очевидный элемент ориентализма, но и является неверным. Индейцы сыграли значительную роль в культурном, социальном и политическом развитии региона»¹¹.

Рассматривая механизмы «включения» в колониальное общество, которые индейцы использовали в стремлении сохранить дружественные отношения с колонистами, Г.В. Александров выделяет прежде всего принятие христианства и институт посредничества, отмечая, «что успех миссионерской деятельности в Новой Англии, в отличие от других регионов европейской экспансии, обеспечили сами индейцы, активно стремившиеся включиться в колониальное общество. Без их добровольного и активного участия радикальный проект Элиота, практически лишенный поддержки властей и широких слоев населения колоний, был бы обречен на провал»¹². Действительно, в совершенно новом свете в монографии представлена деятельность одного из первых представителей организованного оформленного миссионерства в Новой Англии Джона Элиота, связанная с его идеей создания так называемых «молельных городков». С целью привлечения в ряды христиан индейцев, Элиот в этих «городках» обучал грамоте, английскому языку и закону Божьему взрослых и детей; индейцев обязывали отказаться от ношения традиционной одежды и от национальных обычаев. Пожалуй, для самих обращенных индейцев важным оставался скорее административный (они занимали должности в самоуправлении), а не религиозный аспект «молельных поселений»: «“Апостол индейцев” выстраивал свою модель идеального общества, а его подопечные использовали созданную им систему в попытке влиться в колониальный социум»¹³.

В то же время Г.В. Александров делает интересное наблюдение, что сам Элиот и его ближайшие соратники-англичане, в отличие от многих миссионеров последующих веков, не ставили перед собой цели полностью ассимилировать индейцев и фактически уничто-

---

¹¹ Там же. С. 155.

¹² Там же. С. 245.

¹³ Там же. С. 169.

жить их культурную идентичность. Хотя в поселениях и обучали английскому языку, управление осуществлялось на местных наречиях, на них же читались проповеди¹⁴.

Справедливости ради следует отметить, что обращаясь к религиозным представлениям английских колонистов-пуритан, автор монографии порой несколько упрощает их. Например, он утверждает, что пуританам была присуща твердая уверенность в своей избранности. Однако на деле учение о предопределении осуждало подобную гордыню и, наоборот, поощряло сомнения в избранности, о чем свидетельствуют, в том числе, и дневники новоанглийских пуритан. Стереотип о «самоуверенных святых» опровергнут современной историографией, которая показала всю сложность религиозного чувства кальвинистов. Кроме того, нужно учитывать, что религиозным взглядам пуритан также была свойственна существенная динамика на протяжении XVII в.

Анализируя биографии и деятельность наиболее известных индейских переводчиков, проводников, торговцев, Г.В. Александров убедительно показывает, насколько значительной была их роль в развитии Новой Англии. Такая посредническая функция стала во многих случаях своеобразным социальным лифтом, позволявшим отдельным «посредникам» занять достаточно высокое положение в обществе как индейцев, так и колонистов¹⁵.

В четырех главах монографии Г.В. Александров демонстрирует динамику развития взаимоотношений индейских племен с колонистами. Опираясь на скрупулезное изучение доступных источников, он аргументировано доказывает, что до Пекотской войны 1636–1638 гг. и некоторое время после нее англичане и индейцы взаимодействовали как равноправные союзники или противники, причем англичане часто становились инструментом индейской политики, а не наоборот. Рассматривая заключенные в данный период договоры, автор, вопреки сложившемуся мнению, справедливо отмечает их равноправность. Заслуживает особого внимания вывод Г.В. Александрова о фундаментальных различиях между индейцами и английскими колонистами в правовой культуре и в понимании общественной структуры. Действительно, «договоры изначально понимались по-разному, и стороны прикладывали значительные усилия к соблюдению их условий, но каждая — в рамках своего мировоззрения. Колонисты этого не осознавали, и их представления о вероломстве индейцев к концу XVII в. лишь укрепились, став в ито-

---

¹⁴ Там же. С. 160–171.

¹⁵ Там же. С. 171–178.

ге одной из ключевых составляющих мифа о нецивилизованности индейцев, об их неспособности даже понять принципы взаимодействия в цивилизованном обществе. Этот миф, неявно приравнивающий индейцев к детям и умственно неполноценным, стал в итоге моральным оправданием жестокой политики правительства уже не колоний, но США по отношению к коренным жителям Северной Америки, последствия которой сказываются до сих пор»¹⁶.

Изменение характера взаимоотношений колонистов и индейцев Г.В. Александров относит к периоду, последовавшему за Пекотской войной, и приписывает его как появившемуся страху индейцев перед англичанами, так и колониальной экспансии выходцев из Массачусетса. Вместе с тем, в этот «межвоенный» период формы контактов колонистов с индейцами становились еще более разнообразными. Автор анализирует не только известные сюжеты, связанные с миссионерской деятельностью Дж. Элиота и институтом индейцев-посредников, но также аргументированно демонстрирует, что индейцы были неотъемлемой частью колониального общества и его экономической системы, постоянно находясь в английских городах и тесно взаимодействуя с колонистами. Обоснованным представляется и вывод о том, что только к 1670-м гг. обе стороны перешли от равноправных контактов «сосед–сосед» к отношениям «подданный–господин» и что попыткой пересмотреть сложившееся положение вещей и стала Война короля Филиппа 1675–1676 гг.

Новаторскими представляются также выводы Г.В. Александрова о причинах и характере двух рассмотренных в монографии войн. Пекотскую войну, например, автор обоснованно характеризует не как «столкновение европейской и индейской культур», а как внутренний индейский конфликт, в котором англичане были, скорее, одной из вспомогательных сил, задействованных боровавшимися группировками¹⁷. Противоречия между различными группами европейцев и индейцев, преследовавших свои интересы, существовали в этом регионе и раньше, но с вмешательством Массачусетса они обострились и вылились в открытый конфликт. Автор аргументированно высказывает свою точку зрения на природу Пекотской войны 1636–1638 гг., не соглашаясь с признанным авторитетом по истории американских индейцев Фрэнсисом Дженнингсом: «Конфликт культур, который видит в истории ранней Новой Англии Фрэнсис Дженнингс, на наш взгляд, был не столь выражен. Пекотская война была результатом слабо контролируемого расширения

---

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 128.

колонии Массачусетского залива. Вмешательство Массачусетса привело к эскалации конфликта, но в основе его лежали уже существующие противоречия между различными группами индейцев, причем многие из них во время войны поддержали англичан, что и обеспечило им победу над пекотами»¹⁸.

Указывая на основательную изученность Войны короля Филиппа 1675–1676 гг. в исторической литературе, Г.В. Александров в то же время обращает внимание на дискуссионный характер трактовки причин конфликта, подчеркивая, что споры ведутся по поводу того, являлась ли война антиколониальной и освободительной, и выдвигая собственную концепцию, согласной которой Война короля Филиппа носила двойственный характер. С одной стороны, она стала, возможно, первым в Новой Англии антиколониальным конфликтом, освободительной войной индейцев против колонизаторов. С другой стороны, многие союзники Филиппа руководствовались сиюминутными соображениями и стремились использовать войну для решения конкретных политических задач. Война закончилась победой колонистов во многом, как заключает автор, из-за вступления могавков Нью-Йорка в войну на стороне колонистов: «Неудача Филиппа была предопределена не военными успехами англичан, а скорее политикой самих индейцев. В ходе войны практически невозможно выделить одно сражение или вообще конкретное событие, после которого индейцы лишились всякой надежды на победу. Поражение Филиппа заключалось не в потере войск или территорий, а в утрате союзников»¹⁹.

Автор резонно рассматривает в числе последствий Войны короля Филиппа не только практически полное «исчезновение» индейцев с территории Новой Англии, но и потерю той самостоятельности и независимости от метрополии, которой пользовались колонии Новой Англии с момента своего основания²⁰. Действительно, «несмотря на упорство пуритан, победа над индейцами не принесла им особой выгоды, и в последующие годы они оказались в положении, напоминающем положение индейских сахемов в отношениях с самими пуританами до войны. Окрепшая Новая Англия, лишённая политической автономии, вынуждена была бороться за сохранение обретенной с таким трудом идентичности, оставаясь в рамках навязанной извне системы управления»²¹.

---

¹⁸ Там же. С. 244.

¹⁹ Там же. С. 229.

²⁰ Там же. С. 232–239.

²¹ Там же. С. 233.

Таким образом, автор монографии «Святые» и «дикари»: взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII в.» скорректировал наши представления о ранней истории новоанглийского региона, показав ее как историю местных индейских племен с участием сначала незначительного, а затем усилившегося нового фактора — английских поселений. Такой подход позволяет уйти от превалирующей до сих пор в историографии европоцентричной концепции развития колоний, когда европейцы с самого основания своих поселений рассматриваются как ключевые фигуры в истории региона. Немаловажно и то, что автор органично вписывает историю Новой Англии в более широкий трансатлантический контекст как отношений колоний с метрополией и с другими английскими, французскими и голландскими поселениями, так и взаимоотношений между индейскими племенами.

Список литературы

Александров Г.В. «Святые» и «дикари»: взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII в. М.: УРСС. 2021. 280 с.

Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. 567 с.

Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М.: Издательство АН СССР, 1963. 324 с.

Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. 1606–1642. М., Наука, 1978. 335 с.

Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630-1642. М.: Наука, 1980. 344 с.

Хрулева И.Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М.: Путь, 2002. 299 с.

Axtell J. The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. Oxford: Oxford University Press, 1986. 416 p.

Bailyn B. Atlantic History: Concept and Contours. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. 160 p.

Cave A.A. The Pequot War. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1996. 232 p.

Cave A.A. Lethal Encounters: Englishmen and Indians in Colonial Virginia. Oxford: Praeger, 2011. 216 p.

Drake J.D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675–1676. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 1999. 272 p.

Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism and the Cant of Conquest. New York: Norton, 1976. 392 p.

Lepore J. The Name of War: King Philip's War and the Origins of American Identity. New York: Random House, 2009. 368 p.

Levy B. Town Born: The Political Economy of New England from its Founding to the Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009. 360 p.

Newell M.E. Brethern by Nature. New York: Cornell University Press, 2015. 328 p.

Поступила в редакцию
6 февраля 2022 г.

О.В. Ларюшкин

**СМЕШАННЫЕ БРАКИ В СРЕДЕ МОСКОВСКОГО
КУПЕЧЕСТВА ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
(СЕРЕДИНА XVIII — СЕРЕДИНА XIX в.)**

O.V. Laryushkin

**MIXED MARRIAGES AMONG MOSCOW MERCHANTS OF
FOREIGN ORIGIN (MID-18th — MID-19th CENTURIES)**

Аннотация. История смешанных браков в России официально ведет начало с 1721 г. Предметом данного исследования является структура браков среди иностранцев, вступивших в московское гильдейское купечество в период с середины XVIII по середину XIX в. Заключение брака с представителями местного православного населения могло послужить фактором, способствовавшим обрусению бывших иностранных подданных. В то же время браки внутри этноконфессиональной среды должны были противодействовать этноконсолидационным процессам и обеспечивали сохранение национального самосознания у последующих поколений. В статье ставится задача определить, какая из тенденций преобладала у различных национальных групп, представленных в московском купечестве, причем данные тенденции рассматриваются отдельно по каждой национальной группе и изучаются в сравнении. Автором введен в научных оборот комплекс архивных материалов, представляющих источники по учету населения (данные ревизий), делопроизводственные материалы (дела о причислении в московское купечество) и источники церковного характера (метрические книги инославных церквей). Ввиду того что понятие «смешанный брак» включает в себя не только национальный аспект (вступление в брак лиц разных национальностей), но и конфессиональный (т.е. брак, где оба супруга были прихожанами разных церквей), то картина брачной структуры представлена с учетом обоих аспектов. На основании изученного материала делается вывод о том, что у купцов иностранного происхождения преобладали браки внутри этноконфессиональной среды, хотя к середине XIX в. тенденция заключения браков с представителями местного православного населения усиливалась. В то же время православное вероисповедание некоторых национальных групп (таких, как, например, цыгане) не являлось

Ларюшкин Олег Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института Российской истории РАН

Laryushkin Oleg Viktorovich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Institute of
Russian History, Russian Academy of Sciences

laryuschkin@yandex.ru

фактором, способствовавшим развитию браков с данной группой внутри московского купечества. У купцов французского происхождения национальное самосознание преобладало над вероисповедным, что выразилось и в том, что случаи их вступления в брак с единоверными итальянцами и поляками были редкими.

Ключевые слова: московское гильдейское купечество, смешанные браки, иностранцы в России, иноверцы, национальная группа, конфессии, вероисповедание.

Abstract. The history of mixed marriages in Russia officially dates back to 1721. The subject of this study is the structure of marriages among foreigners who joined the ranks of Moscow guild merchants in the period from the middle of the 18th to the middle of the 19th century. Entering into marriage with representatives of the local Orthodox population could serve as a factor contributing to the russification of former foreign subjects. At the same time, marriages within an ethno-confessional milieu were supposed to counteract processes of ethnic consolidation and ensure the preservation of national identity in subsequent generations. The article aims to determine which of the trends prevailed among the various national groups represented in the Moscow merchant class. These trends are considered independently for each national group and studied in comparison. The author introduces into scientific circulation a body of archival materials, which are sources on population statistics (data of revisions), office records (cases of admission to the Moscow merchant class) and sources of ecclesiastical nature (metric books of non-Orthodox churches). As the concept of “mixed marriage” encompasses not only the national aspect (the marriage of people of different nationalities), but also the confessional one (that is, marriage where both spouses were parishioners of different churches), the article analyzes the marriage structure in both aspects. On the basis of the studied sources, it is concluded that among merchants of foreign origin, marriages within the ethno-confessional milieu prevailed, although by the middle of the 19th century, the trend of marriages with representatives of the local Orthodox population had increased. At the same time, adherence to Orthodox religion of some national groups (such as, for example, the gypsies) was not a factor that contributed to the growth of marriages with representatives of this group in the milieu of the Moscow merchant class. Among merchants of French origin, national self-consciousness prevailed over religious self-consciousness, which was also reflected in the fact that cases of their marriage with Italians and Poles representing the same denomination were rare.

Keywords: Moscow guild merchants, mixed marriages, foreigners in Russia, non-Orthodox Christians, national group, confessions, religious denomination.

* * *

Проблема смешанных браков освещается в исследованиях по этнографии, социологии, антропологии и ряду других гуманитарных дисциплин, причем речь в них преимущественно идет о ситуации в современном мире. Гораздо слабее этот вопрос отражен в

исторических исследованиях, хотя его, естественно, затрагивают общие работы по истории различных этноконфессиональных общин¹. Институт брака в купеческой среде освещен в отечественной историографии². А.В. Ведяевым, в частности, изучена законодательная база, связанная с браками православных с представителями других конфессий в синодальный период³.

Деятельность первых западноевропейцев в составе московского купечества с середины по 80-е гг. XVIII в. исследована А.В. Дёмкиным⁴ и В.Н. Захаровым⁵. Различные аспекты жизни иностранцев, причисленных в московское купечество в период с середины XVIII до середины XIX в., в том числе их адаптация в местной среде, представляют область научных интересов автора данной статьи. По нашим подсчетам, сделанным на основе изучения опубликованных и

---

¹ Деметер Н.Г. История цыган — новый взгляд. Воронеж, 2000; Дёмкин А.В. Британское купечество. М., 1998; Денингдаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004; Егоров-Федосов В.М. Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки. М., 2005; Красножен М.Е. Иноверцы на Руси. Юрьев, 1900; Ларюшкин О.В. Греки в составе московского купечества (1782–1811 гг.): интеграция в русскую среду // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2014. № 3. С. 82–87; Он же. Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII — начале XIX вв. // Российская история. 2018. № 4. С. 121–127; Ржеуцкий В.С. Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция, XVIII–XX вв. М., 2003. С. 30–55; Курило О.В. Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М., 1996. С. 79–80; Сартор В. Свое и чужое. Приспособляемость и аккультурация немецких предпринимателей в России по мемуарным источникам // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы, XVI — начало XX века. М., 1999. С. 73–85; Немцы в Москве. Междунар. науч.-ист. конференция посвященная 850-летию Москвы. М., 1997; Московские немцы: Четыре века с Россией. М., 1999; Немцы в общественной и культурной жизни Москвы. XVI — начало XX вв. М., 1999; Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Цветаев Д.В. Положение протестантов в России до Петра Великого. М., 1883; и др.

² Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; Козлова Н.В. Семья и отношения рода московского купечества XVIII в. // Вестник РГНФ. 2002. № 4. С. 14–26; Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб., 2004; Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Ульянова Г.Н., Троицкая И.А. Ревизские сказки как источник в историографии 1970–2010-х гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II. История Русской православной церкви. 2016. Вып. 4. С. 129; Они же. Социальная и территориальная мобильность московских купцов по сказкам VIII (1833–1834) и X (1857–1858) ревизий // Вестник ПСТГУ. Серия II: История Русской православной церкви. 2017. Вып. 77. С. 95; и др.

³ Ведяев А.В. Смешанные браки в русской православной церкви в синодальный период // Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии: Теология. Философия. История. 2017. № 6. С. 203–219.

⁴ Дёмкин А.В. Купечество в России XVIII века. Формирование городских купеческих сообществ и торгово-промышленный отход. Очерки. М., 1996.

⁵ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле в XVIII в. М., 2005. С. 357–398.

архивных материалов⁶, за период с середины XVIII в. по 1860-е гг. в московское купечество было причислено более 2200 персон, не считая членов их семей.

От типа брака зависел сценарий протекания этнических процессов: обрусение, т.е. утрата национальной идентичности, или же сохранение и передачи национального самосознания последующим поколениям.

При написании данной статьи были привлечены материалы инославных церквей Москвы — Евангелическо-лютеранской церкви Св. Михаила⁷, католических церквей Св. Петра и Павла⁸ и Св. Людовика⁹, Армяно-григорианской церкви Св. Воскресения¹⁰. Основной проблемой при изучении и обработке данных является их фрагментарность. Только метрики ц. Св. Михаила сохранились наиболее полно применимо к периоду исследования. Этот пробел восполняется данными из других источников, таких, как 4-я и 5-я ревизии по московскому купечеству (1782, 1795 гг.)¹¹, включающие сведения о происхождении жен, а также материалы 9-й и 10-й ревизий¹², содержащие данные о вероисповедании в семье. В исследовании привлечены данные московского некрополя¹³. На памятниках женщин указывалась также их девичья фамилия. В деле о представлении московскими купцами из иностранцев свидетельств о вероисповедании за 1833 г. содержатся сведения о происхождении жен и об их вероисповедании¹⁴.

В допетровскую эпоху браки православных с иноверцами были запрещены церковью на основании 72 правила Шестого вселенского собора (680–681 гг.)¹⁵.

История смешанных браков в России официально ведет начало с 1721 г. Военнопленные шведы, направленные на службу в восточные губернии, обратились в Берг-коллегию с просьбой разрешить им жениться на православных. Сочувствуя шведам, Берг-коллегия

---

⁶ Материалы для истории московского купечества (далее — Материалы...). Т. 1–9. М., 1883–1889; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 291. Оп. 1; Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 2; Ф. 32; Ф. 397. 1. Д. 124; Оп. 2. Д. 55–60.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 2, 8, 10, 11, 18.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. 609. Оп. 2. Д. 1, 2, 4.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 6, 9.

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2050.

¹¹ Материалы... Т. 3, 4.

¹² Там же. Т. 8, 9.

¹³ Московский некрополь. Т. 1–4. СПб., 1908.

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2722.

¹⁵ Деяния вселенских соборов. Собор Константинопольский 3-й, вселенский шестой. Казань, 1871. С. 618.

направила их прошение в Синод. Последний удовлетворил просьбу и разрешил браки при условии, что супруг не будет обращать жену в свою веру, а дети их станут воспитываться в православии¹⁶. Именно на этом указе и базировалось всё последующее законодательство о смешанных браках в Российской империи.

Смешанные браки отвечали требованиям правительства и Церкви. Этим объясняется компромиссный характер мер, проводимых священниками «для увещания» вступающих в брак с иноверцами православных: 1) православного супруга увещевали «ради сочетания собой за лучшее отыскивать единоеверное лицо»; 2) если иноверец отказывался выполнить это условие, то его увещевали «о принятии ради большей супружеской твердости православной веры». Но и в случае отказа обеих сторон последовать увещаниям священника, последний обязан был венчать молодоженов¹⁷. Дети в таких браках крестились русскими священниками¹⁸.

Смешанные браки встречались в среде дворянства, которое раньше других сословий вступило в контакт с иностранцами. Среди остальных сословий такие браки были гораздо более редкими ввиду коммуникативного барьера. Д. Дальман заметил, что среди немцев в брак с православными вступали представители интеллигенции, в то время как в предпринимательской среде преобладали внутренние матримониальные связи (при этом нередким было вступление в брак двоюродных братьев и сестер, а родственный круг ограничивался 5–6 семьями)¹⁹. Д.З. Хайретдинов также замечает, что среди татар-купцов «смешанные браки были не столь частым явлением, ... как среди знати»²⁰.

Автором был выявлен состав семей у третьей части иностранцев (785), вступивших в московское купечество в указанный период. Упоминания о происхождении жен встречаются не часто, поэтому определять его приходится по ономастическим признакам, хотя такой метод не лишен погрешности. Если у немца жену звали, скажем, Матильда или Генриетта, то, вероятно, она была его соотечественницей, но такие имена встречались и среди уроженок Голландии, стран

---

¹⁶ Шевкуленко Д.А. Межнациональные отношения в России. Самара, 1999. С. 91–92; ПСЗ-1. Т. VI. С. 413–419. № 3814.

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 29.

¹⁸ Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 511; Курило О.В. Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). М., 1995. С. 79–80.

¹⁹ Dahlmann D. Lebenswelt und Lebensweise deutscher unternehmer in Moskau vom Beginn des 19 Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Deutsche in St. Petersburg und Moskau vom 18 Jahrhundert... Luneburg, 1994. S. 146–149.

²⁰ Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX в. Нижний Новгород, 2002. С. 63.

Скандинавии, Швейцарии. В данном случае это не играет важной роли, так как уроженцы этих стран были протестантами и ввиду своей малочисленности в Москве примыкали к лютеранской немецкой общине.

В определении национальности супруги и типа брака ономастические данные не всегда могут служить подспорьем: встречаются, имена одинаково распространенные и среди русского населения, и среди иностранцев (Александра, Анна, Елизавета и др.), и здесь без уточнений (указаний на вероисповедание, девичью фамилию) сложно вычислить происхождение. Но ответить на вопрос, была ли жена иностранкой или русской, возможно, приняв во внимание имена детей. Дети, у которых один из родителей был православным, автоматически крестились в православие, и упоминания среди них типичных иностранных имен были исключены.

Но в источниках по учету населения могли встречаться и русифицированные варианты иностранных имен (Фридрих — Федор, Доротея — Дарья), поэтому и здесь следует обращать внимание на иностранные имена детей, которые служат опровержением вероятности брака с православной.

В ряде случаев, 17 % (133 из 785), нам не удалось установить происхождение купеческих жен по вышеперечисленным признакам. Например, у Х.-Г. Краузе жену звали Дарья Иванова. Хотя такие имена могли встречаться только у православных, мы не рискуем делать однозначный вывод. На самом деле ее могли звать Доротея, дочь Иоганна, но составители ревизий для упрощения могли русифицировать имя. Аналогично обстоит дело с выявлением происхождения жены люксембургского уроженца Л. Сент-Жоржа Елизаветы Васильевны²¹. Такое имя было распространено как в отечественной, так и в зарубежной ономастике. Имена их детей (Осип, Елена, Анна) также не позволяют дать однозначный ответ.

Прежде чем анализировать ситуацию со смешанными браками в купеческой среде, необходимо определить первостепенность фактора национального происхождения и вероисповедания для данного исторического периода. Если бы речь шла о допетровской эпохе, то вероисповедание бесспорно играло решающую роль. Тем не менее, наблюдались примеры сохранения этничности у греков и цыган, которые были православными²². Французская община Москвы обосо-

---

²¹ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 47.

²² См. подробнее: *Ларюшкин О.В.* Греки в составе московского купечества (1782–1811 гг.)... С. 82–87; *Он же.* Московские купцы греческого происхождения: роль в торговой и общественной жизни города (70-е гг. XVIII в. — середина XIX вв.) // Материалы Междунар. науч.-практ. школы-конференции молодых ученых.

бляла себя от единовѣрных с ними итальянцев и поляков²³. Конфессиональная консолидация наблюдалась у лютеран, костяк которых был представлен немцами, и у мусульман, представленных татарами, персами и бухарцами.

Мы попробуем рассмотреть вопрос со смешанными браками с двух ракурсов: ориентируясь на национальную принадлежность, а затем — на конфессиональную.

Брачная структура у московских купцов иностранного происхождения в соответствии с национальными признаками

Идентификация происхождения жен купцов *греческого происхождения* затруднена рядом причин. Если у западноевропейцев для составления общей картины достаточно выявить иностранные имена жен и детей или встретить запись об их инославном вероисповедании, то практически у всех жен греков были типичные для русского населения имена и православное вероисповедание. Казалось, этого было бы достаточно, чтобы нивелировать поставленную проблему. Однако греческие купцы в Москве имели сплоченную общину, и присутствовала вероятность внутриобщинных браков. Происхождение их жен неизвестно почти в половине случаев (19 из 37).

В 10 случаях удалось выявить браки внутри общины. Жена купца 1-й гильдии И.Г. Хаджи-Коста, Екатерина Михайловна, была дочерью уроженца Санторини, «элина» Михаила Ангелеевича Карамаленко и уроженки Константинополя Фотинии Сергеевны²⁴. Жена К.П. Муцо, Елена, была дочерью нежинского лекаря Михайлы Иванова²⁵. С.Л. Раховиц-Калаорнев был женат на дочери грека Ивана Карамари²⁶. Супругой табачного фабриканта М.И. Бостанжогло была его соотечественница Елена Яковлевна, в девичестве Милиоти²⁷. А.П. Комазопуло, уроженец г. Филиппополя, состоял в браке со своей землячкой Меланией Дмитриевной²⁸. Жена уроженца Эпира Л.И. Палли, Каролина Степановна, также была гречанкой²⁹. Д.Е. Бернардаки с 1824 г. состоял в браке с Анной Егоровной, урожденной

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2019. С. 69–82.

²³ См. подробнее: *Ржеуцкий В.С.* Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция, XVIII–XX вв. М., 2003. С. 30–55 и др.

²⁴ Московский некрополь. Т. 3. С. 268.

²⁵ Материалы... Т. 4. С. 430.

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 478.

²⁷ *Фочкин О.В.* Городские легенды. М., 2015. С. 66.

²⁸ Московский некрополь. Т. 2. С. 76.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1277. Л. 37 Об.

Капури³⁰. Женой К.Н. Коди, причисленного из аккерманских купцов, была Елена Александровна Мутафогло, очевидно, гагаузского происхождения³¹. Отчество жены С.Д. Спиридонова, Елены Мануйловны, также предполагает ее греческое происхождение³².

Браков с русскими было выявлено чуть меньше — всего 8. Г.А. Янков был женат на Авдотье Кондратьевне, вольноотпущенной княжны А.М. Долгоруковой³³. Женой П.Ф. Драншева была дочь купца 2-й гильдии Семена Ширяева, Мария³⁴. Г.Ю. Венецианов, отец знаменитого живописца А.Г. Венецианова, был женат на Анне Лукьяновне, дочери купца Л.А. Калинина³⁵. И.К. Ленже состоял в браке с дочерью прапорщика Ефимова, Надеждой Ивановной. Е.И. Деларов был женат на дочери сержанта Охотской городской команды Михаила Толстоухова, Прасковье³⁶. Женой М.И. Гобровали была дочь калужского купца Данилы Потапова, Наталья³⁷.

В трех случаях удалось проследить браки следующих поколений у нежинских греков: сына Х.Д. Спиридонова, Николая, дочери К.Н. Коди, Надежды, и дочери Н.М. Почимади. Все трое состояли в браке с представителями русских фамилий (Золотарёва, Кобякова, Коломатина соответственно).

Итак, выборочная статистика показывает, что удельный вес браков внутри общины и с местными жителями был примерно одинаков, но уже со второго поколения, вероятно, преобладала тенденция заключения брака с представителями местного населения.

Цыгане также были православными и имели сплоченную общину. Семейно-родственные связи внутри общины проявлялись гораздо сильнее, чем у греков.

Автором была исследована группа цыган, состоявших в московском купечестве в конце XVIII — первой четверти XIX в., и был изучен вопрос о браках в их среде³⁸. Рассмотрев происхождение жен цыган и их детей по данным 5–7-й ревизий (1795–1815 гг.), удалось выявить лишь один брак с представительницей местного населения. Жена цыгана Демьяна Григорьева, Агафья Алексеева, была дочерью

---

³⁰ *Ελένη Τοπούζ*. Дмитрий Егорович Бенардаки. Судьбы человека и его захождения // Портал Московское общество греков. — URL: https://www.greekmos.ru/benardaki_dmitriy/

³¹ Московский некрополь. Т. 2. С. 56.

³² Там же. Т. 3. С. 150.

³³ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 367 - 367 Об.

³⁴ Материалы... Т. 3. С. 155.

³⁵ Там же. С. 30.

³⁶ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 3532, 6564.

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 442.

³⁸ *Ларюшкин О.В.* Московские купцы цыганского происхождения ... С. 121–127.

сержанта московского батальона Алексея Михайлова³⁹. Однако эта пара состояла не в купечестве, а в мещанстве. В остальных семьях браки заключались внутри цыганской среды.

* * *

Мы располагаем сведениями о 382 купцах *немецкого происхождения*, имевших семьи. Материалы метрической книги евангелическо-лютеранской церкви Св. Михаила позволяют установить происхождение невест за период с 1815 по 1834 г.⁴⁰

В 17 % случаях происхождение жен по ономастическим и другим признакам не установлено. В 69 % (265 человек) супруги были иностранками, из которых только у 40 % (154) выявлено германское происхождение. Брачные связи московских немцев были достаточно узкими даже во внутрисловных рамках. Г. Кригер был женат на дочери купца И. Груммерта, Елизабете-Луизе⁴¹. Дочь владельца химического завода П. Пеше, Елизавета, была замужем за купцом Я. Гейтманом⁴². Купец 1-й гильдии К. Амбургер состоял в браке с дочерью купца Лербала, Софией⁴³. Владелец оптического заведения Ф. Нейгебауер 30 сентября 1823 г. вступил в брак с дочерью ювелира Б. Феттера, Елизаветой-Доротеей⁴⁴. Купец 2-й гильдии Г. Генке 2 декабря 1815 г. женился на дочери купца И. Критча, Софии-Фридерике⁴⁵. И. Брезун в 1768 г. вступил в брак с дочерью пивовара из Ольдендорфа Марии-Елизавете Сик⁴⁶. Женой П. Альберса была дочь мастера золотых дел И. Мартенса. Гамбургский уроженец Г. Рейндорф был женат на дочери курляндского купца Е. Грунта, Анне. Женой И. Миленца из Мариенбурга была дочь портного мастера И. Шефлера, Софья. Фабрикант из Газенпота И. Эдельман 22 ноября 1820 г. вступил в брак с дочерью купца Х. Шульца, Марией-Софией⁴⁷. Купец 1-й гильдии К. Ниссен 28 декабря 1832 года женился на купеческой дочери Каролине-Луизе Паули⁴⁸. Галантерейщик К. Кригер состоял в браке с дочерью другого галантерейного торговца И. Эйхтмейера, Елизаветой⁴⁹. Богатый московский фабрикант Ф.М. Вогау

---

³⁹ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 8 Д. 59. Л. 663.

⁴⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

⁴¹ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 10; Материалы... Т. 3. С. 206.

⁴² ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 11.

⁴³ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 374.

⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 10.

⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 11.

в 1839 г. вступил в брак с дочерью владельца Болшевской мануфактурой Ф. Рабенека.

В ряде случаев зафиксированы браки немцев с представителями других национальностей, например, со шведками и датчанками, хотя их также можно считать внутриобщинными, ввиду малочисленности последних и тяготения к своим более многочисленным единоверцам. Кроме того, некоторые из них проживали в исконных землях с немецким населением, но за пределами германских государственных образований. Уроженец Мекленбурга К.Ф. Эрих состоял в браке с уроженкой Штральзунда М. Гейдеман⁵⁰. Оба супруга до вступления в брак состояли в купечестве 3-й гильдии и производили торговлю дамскими головными уборами. Содержатель гостиницы И. Копп из Гейдельберга 8 мая 1834 г. вступил в брак с дочерью торговца сукном уроженца Стокгольма А. Бекерса, Александрой⁵¹.

Довольно экзотичным может показаться брак О. Левенштейна, владевшего магазином модной одежды. Его жена Маргарита была дочерью биржевого маклера армянина А.М. Эларова. О фамилии Эларовых будет сказано ниже. Общим для супругов являлось католическое исповедание. Кроме того, О. Левенштейн был старостой католической церкви Св. Петра и Павла в Милютинском переулке⁵². Единственная их дочь, как и мать носившая имя Маргарита, вступила в брак с представителем известной русской предпринимательской фамилии — К.Н. Мамонтовым.

В четырех случаях жены купцов немецкого происхождения были британками. Жена купца 1-й гильдии И. Кунена была дочерью английского купца Т. Ахгелиса⁵³. Сын нарвского купца П. Сейдлера, Иоганн, состоял с 1819 г. в браке с дочерью купца 1-й гильдии Дж. Джаксона, Марией⁵⁴. Жена И. Фондерюхта, Жанетта Ватсон, судя по ономастике, была также англичанкой. В. Розенштраух женился на С.Ф. Гудчайльд. Она упомянута во введении к мемуарам ее свекра, И.А. Розенштрауха: «Ее девичья фамилия кажется английской, но... к моменту рождения Софьи семья уже обрусела и одновременно онемечилась. Родители невесты пользовались уважением в обществе, невзирая на то, что большого состояния они не имели... Софья была родной тетей жены М.П. Погодина, Елизаветы Васильевны Вагнер»⁵⁵.

⁵⁰ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 9. Д. 345.

⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

⁵² Соловьева А. Милютинский переулок, д. 13. — URL: <https://www.hse.ru/fundament/milyutinskiy/> (дата обращения 20.01.2021)

⁵³ Материалы... Т. 3. С. 207.

⁵⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

⁵⁵ Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля. Глава 3. Иоганн-Амвросий Розенштраух. М., 2015.

В ряде случаев (автору удалось насчитать 48, или 12 %) купцы немецкого происхождения вступали в брак с русскими невестами. Такие браки могли иметь место чаще всего, когда немец был обращенным в православие, но встречаются и смешанные в конфессиональном плане браки.

Женой А.Я. Тона была вольноотпущенная крестьянка прапорщика Д.А. Янькова — Мария Васильева. Из дела о вступлении А. Тона в купечество следует, что он родился в Москве. Его отец был лютеранином, а мать православной, и он был «крещен по матери в православие»⁵⁶.

Уроженец Гамбурга А. Пель состоял в браке с Марией Яковлевой, бывшей дворовой девкой именитых граждан П. и С. Гусятниковых⁵⁷.

Прусский уроженец В. Бекер вступил в брак с вольноотпущенной крестьянкой поручика П.В. Есипова, Василисой Козминой⁵⁸. Будучи ребенком, он был пленен в годы Семилетней войны, поступил в услужение к упомянутому Есипову, принял православие и на момент вступления в брак уже был полностью обрусевшим⁵⁹.

К. Отто, торговец фарфором и хрусталем, состоял в браке с дочерью белевского купца Ивана Добрышина, Маврой⁶⁰. Вероятно, православными были члены семьи купца 1-й гильдии пивовара И. Якобсона, на что указывает ономастика: жену звали Любовь Яковлевна, а дочерей Вера и Надежда. Кроме того, И. Якобсон и его сын Яков были похоронены на кладбище Симонова монастыря⁶¹, в то время как всех иноверцев (за редким исключением) хоронили на Иноверческом кладбище.

Прусский уроженец, владевший оптическим магазином, А.И. Кони, вероятно, был женат на представительнице местного населения — Аграфене Никитичне. Предположительный его родственник И. Кони был женат на дочери старооскольского купца Ермила Головина, Александре⁶². Г. Гейд состоял в браке с П.А. Крашенинниковой⁶³. Прусский уроженец А. Гезен вступил в брак с дочерью коллежского ассессора Л.А. Мартыновой. Е. Кларк был женат на дочери чиновника 9-го класса, А.А. Нарбековой⁶⁴. Женой К. фон Вендриха

---

⁵⁶ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 3108; Ф. 51. Оп. 8. Д. 41. Л. 564; Материалы... Т. 4. С. 65.

⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 53. Л. 730.

⁵⁸ Материалы... Т. 4. С. 125.

⁵⁹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2841.

⁶⁰ Материалы... Т. 6. С. 153.

⁶¹ Московский некрополь. Т. 3. С. 401.

⁶² ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2108.

⁶³ Материалы... Т. 8. С. 60.

⁶⁴ Московский некрополь. Т. 2. С. 47.

была дочь коллежского секретаря, А.Н. Бехтина. С.И. Витберг был женат на дочери штабс-капитана, Н.А. Бириулевой.

9-я и 10-я ревизии содержат сведения о вероисповедании купцов и членов их семей. Встречаются записи, свидетельствующие, что купец был иноверцем, а все его семейство — православное. Такое возможно, если жена была православной и, соответственно, дети могли воспитываться только в православии. Не исключено, что сама купеческая жена имела иностранные корни, либо была рождена в браке иноверца с православным. С одной стороны, это могло бы свидетельствовать о сохранении связи с прежней средой, несмотря на принятие православия. Но любой православный автоматически считался российским подданным, поэтому степень вероятности обрусения здесь была велика.

Мы располагаем сведениями о том, что в браке с православными женами состояли А. Эйхель, П. Шлейден, К. Гок, И. Левенсон, Г. Бой, Г. Эйкенрот, В.А. Кон, Ф. Зегер, Б. Фиргуф, Ф. Терне, Ф. Вейль, О. Фланден, Ф. Крейц, И. Шуберт.

В ряде случаев семейства купцов иностранного происхождения были полностью православными: семьи Ф. Шаффера, М. Штиси, Н. Штольца, А. Розенберга, Ф. Эмме, И. Тиль, Ф. Бирверта, Н. Ленгофа, К. Мангера, Л. Зармана, Д. Шлезингера, А. Гейтмана, А. Н. Крока, Д. Куна, В. Биргера, В. Нагуса, И. Кузеса.

Среди немцев, исповедовавших католичество, зафиксировано лишь 2 из 9 браков с православными (И. Томас, А. Гезен), остальные 7 (Ф. Бранденбург, А. Эйхтмеер, М. Доррер, К. Шольц, Е. Фуртвенглер, К. Оттен, Н. Гронау) были женаты на протестантках, вероятно, своих соотечественницах.

Рассмотрим теперь браки детей и внуков вступивших в купечество немцев.

Сын купца 1-й гильдии И. Форша, Франц, 27 апреля 1834 г. вступил в брак с дочерью содержателя благородного пансиона И. Горна, Анной⁶⁵. П. Крок, купец 1-й гильдии, внук Н. Крока, 23 января 1820 г. женился на дочери купца 3-й гильдии И. Герценбергера, Софии-Вильгельмине⁶⁶. Одна ее сестра, Елизабет-Мария, была замужем за Ф. Критчем⁶⁷, а другая, Вильгельмина-Луиза, в 1819 г. вступила в брак с булочником К. Виттом⁶⁸. Уроженец Гессен-Касселя Г. Кинен 2 мая 1816 г. женился на дочери И. Розенштрауха, Елизавете-Каролине⁶⁹.

---

⁶⁵ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 18.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 11.

⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

Дочери упомянутого выше купца Я. Гейтмана, рожденные в браке с купеческой дочерью Е. Пеше, Паулина и Доротея, вступили в брак с местными предпринимателями, но первая была замужем за представителем своей этноконфессиональной среды — ее мужа звали К. Отген⁷⁰, а вторая — за русским купцом, кандидатом коммерции Мясниковым⁷¹. Аналогичная ситуация наблюдается в семье Ф. Паули: одна из его дочерей, Филиппина, состояла в браке с купцом В. Капобусом⁷², а дочь Амалия в замужестве носила фамилию Столярова⁷³. Сын мебельного мастера К. Пика, Николай, был женат на дочери пивовара Ф. Даниэльсона, Генриетте⁷⁴. Дочь прусского уроженца Н. Бекера, Елизавета, была замужем за подполковником А.А. Нестеровым⁷⁵. В 1852 г. швед Э. Болин открыл филиал семейного ювелирного дела в Москве и женился на внучке И. Розенштрауха, Наталье, объединив два богатейших иностранных купеческих рода в Москве⁷⁶.

Дочь Л. Венке, Екатерина, состояла в браке с потомственным почетным гражданином А.В. Колобовым. Но сама она оставалась в «вере родителей», о чем можно заключить на основании записи о ее погребении на Иноверческом кладбище⁷⁷. Наталья, дочь купца Я. Белифельда, 5 февраля 1832 г. вышла замуж за Д.И. Островского⁷⁸. Людвиг-Георг, сын Ф. Даниэльсона и Катарины Гантер, 20 февраля 1834 г. вступил в брак с невестой православного вероисповедания, А.К. Половцевой⁷⁹.

Всего нами рассмотрено 20 купеческих немецких семей с наличием сведений о браке детей. Выясняется, что в 10 случаях дети вступали в браки с представителями своей этноконфессиональной среды, в 8 случаях — местных купеческих фамилий. В двух семьях (Паули и Гейтман) потомство вступало в брак и с немцами, и с русскими. Эти данные подтверждают тезис о том, что второе поколение немецких мигрантов было более адаптированным к местной среде, и каждый второй супруг(а) был русского происхождения, в то время как у первых поколений удельный вес таких браков колебался в диапазоне 14–31 % (первая цифра — достоверно выявленные браки

---

⁷⁰ Московский некрополь. Т. 1. С. 260.

⁷¹ Там же. Т. 2. С. 304.

⁷² ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 11.

⁷³ Московский некрополь. Т. 3. С. 161.

⁷⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2722. Л. 47.

⁷⁵ Московский некрополь. Т. 2. С. 330.

⁷⁶ Исторические происшествия в Москве ...

⁷⁷ Московский некрополь. Т. 2. С. 67.

⁷⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

⁷⁹ Там же.

с русскими, вторая цифра — с учетом браков, в которых не удалось установить происхождение жены).

* * *

Вопрос брачности во *французской общине* рассмотрен В.С. Ржеуцким. Историк замечает, что если «до конца XVIII в. мы не наблюдаем значительного смешения французского населения с местным», и «даже с другими иностранцами заключение брака есть скорее исключение, чем повсеместное правило»⁸⁰, то к XIX в. смешанные браки распространяются, и «большинство из них [французов по происхождению]... во втором или в третьем поколении полностью растворились в российском обществе»⁸¹.

Мы располагаем сведениями о браках 146 французов. Из них 80 % (118) составляли браки, в которых супруга была иностранкой. По девичьим фамилиям жен и упоминаниям о происхождении зафиксировано 42 % браков внутри этнической среды, хотя фактически их могло быть гораздо больше.

Ряду французских фамилий также были свойственны внутренние матримониальные связи не только в рамках национальной общины, но и в рамках сословия. В.С. Ржеуцкий приводит следующие примеры: купец 1-й гильдии Жан-Мари Готье-Дюфайе был женат на Жанне Годен, дочери содержателя «Англинского клоба» Ж.Л. Годена. Родившийся от этого брака Жан Готье породнился с книгопродавцем Ф. Куртеннером и унаследовал его дело, которое просуществовало более века⁸². Довольно нетипичный в возрастном плане брак наблюдался в семействе книгопродавца Франца Рисса. Его старший сын Федор был женат на купеческой вдове Марии Ламбертине Урбен, которая была старше его на 20 лет⁸³. А дочь Марии, Каролина, была отдана замуж за младшего сына Ф. Рисса, Карла. Дочь Ф. Рисса, Анна, состояла в замужестве за виноторговцем Ф. Депре.

Французы редко вступали в брак с представителями других национальных групп. Выявлено 8 купцов французского происхождения, женившихся на немках. М. Урбен был женат на Марии Францевне Брашал⁸⁴; А.И. Аллард — на Ульяне Филипповне Кайзер⁸⁵; Г. Изенбек — на Катарине-Шарлотте Крюгер⁸⁶; О. Дубле — на Варва-

⁸⁰ Ржеуцкий В.С. История французского землячества ... С. 20.

⁸¹ Егоров-Федосов В.М. Указ. соч. С. 136.

⁸² Ржеуцкий В.С. Французская колония в Москве ... С. 46.

⁸³ Материалы... Т. 6. С. 149.

⁸⁴ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 424.

⁸⁵ Там же. Л. 416.

⁸⁶ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 11.

ре Осиповне Фракман⁸⁷; Ж. Катуар — на дочери британского купца Дж. Леве, Анне; Н. Ивлиут — на уроженке Амстердама⁸⁸; дочь М. Урбена, Елиза, 7 января 1825 г. вступила в брак с датским уроженцем из г. Фленсбурга Х. Васмером⁸⁹; жена Т. Яра в девичестве носила фамилию Гамбст⁹⁰; Анна-Мария Кайзер — в девичестве Иленепетер⁹¹.

В 12 % (17 семей) происхождение купеческих жен не удалось установить. И всего в 11 случаях (8 %) брак был заключен с русскими, что было существенно ниже, чем у немцев.

Среди французов, причисленных в купечество до 1812 г., зафиксирован лишь один случай вступления в брак с русской девушкой. Купец 3-й гильдии Я.Я. Соловьев (до обращения в православие Росиньоль) был женат на вольноотпущенной девке Екатерине Васильевой. Но на момент проживания в Москве он уже полностью обрусел и не был членом французской общины.

В материалах 9-й и 10-й ревизий (1851, 1858 гг.) встречается ряд французских фамилий с указанием на то, что муж был католиком по вероисповеданию, а жена и дети — православные: семьи П. Борегара, А. Дютфуа, Ж. Дени, Ф. Пиколи, В. Пуаре, П. Лафона, Ж. Барранда, А. Бони, Ж. Ференбаха, А. Крампона⁹². Итак, к середине XIX столетия некоторая часть французов вступила в браки с представительницами местного населения, хотя на общем фоне такие случаи были довольно редкими.

Мы располагаем сведениями о 26 купцах *итальянского происхождения*, большая часть которых, 58 % (15 из 26), состояла в браке с иностранками. Но лишь у некоторых из них можно определить происхождение жен. В материалах метрических книг католической церкви Св. Петра и Павла фигурирует девичья фамилия жены С. Кампиони — Мария Роспини⁹³, очевидно, итальянки. Жена А. Гамботи, Екатерина Адамова, до замужества носила фамилию Тайлер, так что была, вероятно, англичанкой⁹⁴. Еще у двоих итальянцев девичьи фамилии жен были германоязычные. Супруга П. Контю, Анна Густавова, в девичестве носила фамилию Грезбек⁹⁵; жена И. Даццаро, Анна Лаврентьева, — в девичестве Вирт⁹⁶.

⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп.1. Д. 2722. Л. 66.

⁸⁸ Санкт-петербургские ведомости. 19 июня 1793 г. № 50. С. 1223.

⁸⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

⁹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2722. Л. 16.

⁹¹ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 4094.

⁹² Материалы... Т. 8, 9.

⁹³ ЦГА Москвы. Ф. 609. Оп. 2. Д. 4.

⁹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 390.

⁹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 135.

⁹⁶ Материалы... Т. 8. С. 233.

Двое итальянцев состояли в браке с французженками. Ж. Негри был женат на Шарлотте Дюлу (Duloup)⁹⁷, а Л. Треска — на дочери купца Ф. Депре, Луизе⁹⁸.

У жен 11 итальянцев неизвестны девичьи фамилии и отсутствуют указания на происхождение, но их имена и имена детей свидетельствуют об иностранном происхождении. Еще в 5 семьях происхождение жен не установлено ввиду того, что имена их были распространены как среди иностранцев, так и среди русского населения.

6 итальянцев состояли в браке с православными женами: П. Борелли, Дж. Амадио, Ю. Жионини, А. Шантини, А. Мацолли, П. Риеппи. Итак, удельный вес браков с русским населением у купцов итальянского происхождения колебался в диапазоне 23–42 %, что было ниже, чем у немцев, и гораздо выше, чем у французов.

Из 26 семей **британцев** выявлено 18 браков с иностранками (64 %), из которых в 6 семьях наблюдались браки внутри общины. Британского происхождения была жена основателя фарфорового завода Ф. Гарднера, Сарра Александровна; Р. Дэвис был женат на Кристине Гарлин (1763–1805)⁹⁹; В. Ватсон — на Марии, урожденной Тоул¹⁰⁰; Г. Леве — на Марии Форбс; Г. Макгиль — на Изабелле Мюрхэд¹⁰¹, Дж.С.Джаксон — на Елизавете Дункин¹⁰².

У 7 британцев происхождение жен установить не удалось, но их имена и имена детей свидетельствуют о браке внутри иностранной среды. Еще в 5 случаях имена жен и детей были распространены как среди иностранного, так и среди русского населения, и дать ответ о типе брака пока сложно.

А.В. Дёмкин и В. Сартор заметили в отношении британцев Петербурга, что они нередко вступали в браки с европейцами других национальностей, исходя из перспектив развития семейной коммерции¹⁰³. Около половины из них (44,3 %) вступало в смешанные браки¹⁰⁴. Московским британцам, представленным в купечестве, вероятно, были присущи те же тенденции.

У 4 британцев жены были, вероятно, немками. Нам неизвестна девичья фамилия жены Х. Вильсона, Марии Мартыновой, но в материалах 9-й и 10-й ревизии указано ее лютеранское исповеда-

---

⁹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 609. Оп. 2. Д. 4.

⁹⁸ Материалы... Т. 8. С. 161–162.

⁹⁹ Московский некрополь. Т. 1. С. 348.

¹⁰⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 6.

¹⁰¹ Московский некрополь. Т. 2. С. 216.

¹⁰² ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 11.

¹⁰³ Дёмкин А.В. Указ. соч. С. 32; Сартор В. Указ. соч. С. 80–81.

¹⁰⁴ Сартор В. Указ. соч. С. 80–81.

ние¹⁰⁵, а муж и дети были реформатами (англиканами). Аналогичную запись мы встретим в материалах тех же ревизий в отношении А. Колли и его жены Натальи Христиановны, урожденной Рейнгард¹⁰⁶. Дж. Шанкс был женат на Луизе, урожденной Шиллинг¹⁰⁷.

Уроженец Лондона А. Леве был женат на француженке Терезе Пишо¹⁰⁸, а их дочь Анна была замужем за французом Ж. Катуаром. Роза, дочь владельца торгового дома Ш. Ганеварда, вышла замуж за содержателя фабрики гобеленов англичанина М. Ботлера¹⁰⁹.

Трое британцев состояли в браке с православными женами, о чем свидетельствуют данные 9–10-й ревизий: Дж.С. Джексон, И. Морган, А. Пристлей.

Есть также сведения о браках потомков британских купцов. Сыновья Ф. и С.А. Гарднер, Петр и Николай, состояли в браке с представительницами местного населения: женой первого была Е.М. Костровицкая, а второго — А.К. Андреевская. Дочь И.Р. Пикерсгиля, Мария, была замужем за К. Столтенхофом, католиком по вероисповеданию¹¹⁰. Его сын, Роберт Пикерсгиль, был женат на А. Юнгст. Сын А. Колли, Генри, был женат на дочери итальянца С. Кампиони, Юлии.

В целом, для московских британцев, состоявших в купечестве, были характерны браки с европейцами, как внутри своей среды, так и вне ее, но преимущественно с немцами. Браки с русскими были редки.

Нами было выявлено 18 браков купцов **швейцарского происхождения**. 15 из них были женаты на иностранках (3 — на немках). В трех случаях имена жен были распространены как среди русских, так и иностранцев, но сведения о происхождении отсутствуют. Браки швейцарцев с представителями русской среды не выявлены.

Мы также располагаем сведениями о браках 9 **шведов**, 4 **бельгийцев**, 3 **датчан** и одного **североамериканца**. Выявлен только один брак среди этих малочисленных представителей национальных групп, в которых жена была православной, — это жена шведа Г. Модина, Александра Григорьевна¹¹¹.

Необычным может показаться брак шведского уроженца И. Шейермана. Его жена Елизавета Григорьева была «армянского вероисповедания»¹¹².

---

¹⁰⁵ Материалы. Т. 9. С. 118.

¹⁰⁶ Там же. Т. 8. С. 288.

¹⁰⁷ Там же. Т. 9. С. 153.

¹⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 11.

¹⁰⁹ *Ржеуцкий В.С.* Французская колония в Москве ... С. 46.

¹¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 6.

¹¹¹ Материалы... Т. 9. С. 53.

¹¹² Там же. С. 126.

Двое из 8 **голландцев** вступили в брак с британскими уроженками: женой И. Цшоха была дочь британского купца Томаса Ахгелиса¹¹³, а Е. Пельтцер состоял в браке с купеческой дочерью Анной Ивановной Пикерсгиль¹¹⁴.

* * *

Среди **армян** и **грузин** преобладали браки внутри общины (достоверно выявлено 13 из 22 браков). Р. Абрамян опубликовала Посемейный список армян Москвы за 1840 г.¹¹⁵, в котором было представлено 12 фамилий, состоявших в купечестве (Агамаловы, Аинцевы, Анановы, Аскархановы, Калантаровы, Пирадовы, Середниковы, Эдильхановы (три семьи), Эзовы (три семьи).

В некоторых случаях армяне имели семейно-родственные связи с западноевропейцами. А.М. Эларов, в отличие от своих соотечественников, был прихожанином не Армянской церкви Св. Воскресения, а римско-католической церкви Св. Петра и Павла. Он и его родственники были похоронены не на Армянском кладбище, а на Иноверческом¹¹⁶. Девичья фамилия его жены, Анны Фудоровны, — Якоб — была, вероятно, немецкого происхождения. В материалах ревизий упомянуто о ее лютеранском исповедании¹¹⁷. Потомки А. Эларова также европеизировались. Жену его сына Виктора звали Аделаида Морицевна. Одна дочь, Маргарита-Кристина, была выдана замуж за немца католического исповедания О. Левенштейна, а вторая, Агафья, — за архитектора итальянского происхождения П. Кампиони¹¹⁸.

Дочь армянина Н.О. Аскарханова, Маргарита, была замужем за естествоиспытателем, хранителем Зоологического музея университета, президентом московского Общества испытателей природы К. Ренаром¹¹⁹.

В московском купечестве в 1840–1860-е гг. временно состоял армянин католического исповедания Сабунжогли Котолик Хуказа¹²⁰. Жена его, Мария-Гертруда, урожденная Бендер, была, вероятно, не-

¹¹³ Там же. Т. 4. С. 479.

¹¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 6.

¹¹⁵ Абрамян Р. Посемейный список армян Москвы 1840 г. // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII науч. конференции. Москва, 26–28 янв. 2006 г. М., 2006. С. 117–120 [сост. по данным: ЦГА Москвы. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 202].

¹¹⁶ Московский некрополь. Т. 3. С. 386.

¹¹⁷ Материалы... Т. 9. С. 113.

¹¹⁸ Там же. С. 262.

¹¹⁹ Сорокин В.В. Переулки между Лубянской и Мясницкой // Наука и жизнь. 2000. № 6.

¹²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1622. Л. 18 Об.; Д. 2053. Л. 18; Д. 2564. Л. 26 Об.

мецкого происхождения. Ее имя фигурирует среди похороненных на Иновчереском кладбище¹²¹.

Итак, большей части армян были присущи браки внутри своей общины, хотя и браки с западноевропейцами в их среде уже не были редкостью.

* * *

Права евреев и мусульман в вопросе вступления в брак с православными были ограничены в большей степени, чем у инославных христианских конфессий. Только евангелическо-лютеранская церковь допускала браки своих прихожан с мусульманами или евреями, а в католичестве и православии такие браки были запрещены.

У вступивших в купечество мусульман, татар и бухарцев наблюдается многобрачие. Так, у татарина М. Абдулова было три жены¹²², у В. Акбулатова — две¹²³. На факт многоженства у купцов-татар в Москве обращал внимание Л.И. Розенберг¹²⁴.

Рассматривая браки 13 купцов *еврейского* происхождения, мы обнаружим, что у 6 из них жены были из той же среды. До 1860-х гг. евреи могли вступать в московское купечество только в случае принятия христианства (в том числе католичества или протестантизма). Но их жены могли исповедовать иудаизм. У вступившего в 1839 г. в купечество волынского еврея крещеного в православие, А. Цукермана, жена Брания «осталась в еврейском законе»¹²⁵. В материалах 9-й ревизии по купечеству фигурирует И.-В. Якобсон, который вместе с детьми был лютеранином, а жена его, Ребекка, была «еврейского закону»¹²⁶.

Вступивший в 1859 г. в купечество пружанский еврей Айзек Самихович Гольдберг был иудеем, как и его жена Гитля¹²⁷. Аналогично обстояло дело в семье торговца бронзовыми изделиями Арона Шнейдера.

В некоторых случаях жены евреев, как и их мужья, принимали православие. Жена Я. Уманского, Эсфирь, после принятия православия стала называться Софией Осиповной¹²⁸. В деле о вступлении в купечество Ю. Миллера в 1842 г. упомянута жена Зинаида Петровна,

¹²¹ Московский некрополь. Т. 3. С. 58.

¹²² Материалы... Т. 5. С. 100.

¹²³ ЦГА Москвы. Ф. 32 Оп. 4. Д. 646; Материалы... Т. 5. С. 233.

¹²⁴ *Розенберг Л.И.* Татары в Москве XVII — середине XIX вв. // Этнические группы в городах европейской части СССР (формирование, расселение, динамика, культуры). М., 1987. С. 24.

¹²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3205.

¹²⁶ Материалы... Т. 8. С. 276.

¹²⁷ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6040.

¹²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3788.

которую до принятия православия звали Целестина, и они были венчаны «по еврейскому обряду»¹²⁹.

Пять купцов еврейского происхождения состояли в браке с немцами. Уроженец Митавы еврей В. Лохман с женой Аннетой-Софией Напс были лютеранами¹³⁰. Жена владельца карандашной фабрики Г. Рубинштейна и мать известного пианиста-виртуоза Н. Рубинштейна, Калерия Христофоровна (в девичестве Левенштейн), была немкой из прусской Силезии. Торговец пушным товаром Б. Метшенер (в иудаизме Райх) в первом браке был женат на иудейке, о чем свидетельствует запись в 9-й ревизии о том, что его сын Генрих был «прижит в еврейском законе»¹³¹. Во втором браке женой Б. Метшенера была немка, лютеранка Елена-Каролина-Антуанетта (Боргеест)¹³². Крещеный в лютеранство И. Рабинович был женат на немке Иоганне Вульфсон¹³³. Немкой по происхождению была, вероятно, жена крещеного виленского еврея А. Якобсона, Анна-Луиза¹³⁴.

Брак с русскими женами наблюдался в двух случаях: у М.Е. Литвинова и И.Т. Евреинова, вступивших в купечество в 1780-е гг. и крещеных в православие¹³⁵.

Итак, у евреев, состоявших в московском купечестве, преобладали браки как внутри этноконфессиональной среды, так и с немцами. Браки с русскими были редки.

* * *

Из 12 **поляков** как минимум у половины (6) зафиксированы браки с русскими женами, которые ранее были дворовыми или вольноотпущенными девками. У вступившего в купечество «польской нации» Т.А. Куцакова жена Екатерина Федотова была дворовой девкой князя В.Д. Голицына¹³⁶. У Семена Петрова, состоявшего в услужении у помещиков Телегиных¹³⁷, жена Ирина Степанова была вольноотпущенной графа К.Г. Разумовского¹³⁸. У поляка К. Антонова, бывшего в услужении у генерал-майора П.А. Шишкина, жена Ефросинья Степановна также была вольноотпущенной Шишкина¹³⁹. Жена поляка Петра Иванова была им взята замуж «дому коллежского советника и

---

¹²⁹ Там же. Д. 3418.

¹³⁰ Материалы... Т. 8. С. 128.

¹³¹ Там же. С. 170.

¹³² ЦГА Москвы. Ф. 2099. Оп. 2. Д. 11.

¹³³ ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 2. Д. 644. С. 258 Об.

¹³⁴ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1829.

¹³⁵ Материалы. Т. 4. С. 115.

¹³⁶ Материалы... Т. 4. С. 720.

¹³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3. Д. 8343.

¹³⁸ ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 425.

¹³⁹ Там же. Л. 607.

кавалера П. Гадеина по отпусковой»¹⁴⁰. Рассмотренные персоны вступили в купечество в 1790-е гг., и у многих из них судьбы были схожи. Во время раздела Польши они поступали в услужение к российским офицерам, расквартированным в Польше, а после приезда в Россию освобождались и записывались в городское состояние. Поэтому и жены у них были тоже из дворовой прислуги или вольноотпущенных крестьянок.

В 1830–1850-е гг. в состав московского купечества вступило еще несколько поляков, но степень сохранения этничности у них была гораздо выше, чем у упомянутых выше их соотечественников. Нам неизвестна девичья фамилия жены А. Гивартовского, но по материалам ревизий он и его жена Аделаида Ивановна были католиками. Имена детей, рожденных в этом браке, также свидетельствовали об иностранном происхождении обоих супругов (сын Роберт, дочери Генриетта, Эмилия...).

У австрийца (вероятно, польского происхождения) П. Петровича, жена Элеонора-Елизавета была лютеранкой (вероятно, немка по происхождению), хотя сам он и его дочь Ангелия были православными¹⁴¹.

Происхождение жен трех купцов (К. Ядковского, И. Зенковича, В. Марецкого) нам неизвестно. У валаха Ф.И. Марарова жена Катерина Иванова была дочерью иностранца И. Главеина¹⁴².

У представленных в московском купечестве 7 малороссов, 5 крещеных персов, двух калмыков, двух турок и одного молдаванина жены были православного вероисповедания и русского происхождения, в основном, как следует из записей о вступлении в гильдию, вольноотпущенные крестьянки различных господ. Такие браки были типичны для военнопленных иностранцев, поступивших в услужение или нанятых в прислугу на добровольной основе.

Очевидно, последующие поколения, рожденных в браке польских выходцев, балканских народов, калмыков, киргизов, пленных русско-турецкой войны и персов, немцев, прибывших в качестве пленных Семилетней войны, уже не сохраняли этничность своих родителей.

Итак, в большинстве случаев (69 %, или 265 из 381), купцы иностранного происхождения заключали браки внутри своей среды. Особенно эта тенденция заметна среди французов (80 %, или 118 из 146), швейцарцев (83 %, или 15 из 18), а также у всех цыган и у восточных купцов, исповедовавших ислам. Браки с русскими были вы-

¹⁴⁰ Материалы... Т. 4. С. 182.

¹⁴¹ Там же. Т. 9. С. 125.

¹⁴² ЦГА Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 61. Л. 392.

явлены в 14 % (или 105 из 784). Относительно высокий удельный вес таких браков наблюдался среди купцов итальянского (23 %, или 6 из 26), греческого (23 %, или 9 из 37) происхождения. Малочисленные поляки, валахи, молдаване персы, турки в составе московского купечества также были женаты на православных.

Брачная структура в соответствии с вероисповедальными признаками

Памятуя о том, что вопрос вступления в брак в дореволюционное время был тесно связан с религиозной принадлежностью, для полноты картины следует также провести анализ по конфессиональным группам.

Материалы 9-й и 10-й ревизий (1851, 1858 гг.) позволяют определить конфессиональный состав московского купечества. В 10-й ревизии представлено 352 купца иностранного происхождения, из которых около четверти, 86 человек, были либо вдовыми и без детей, либо холостыми. Соответственно, остальные 266 купцов состояли в браке или были вдовыми, но с потомством.

Среди 266 персон у 212 (80 %) брак был заключен с единоверцами. Смешанный брак наблюдался у 54 человек (20 %).

В четырех случаях мужья, хотя и были иностранного происхождения, но исповедовали православие, а жены их были иноверками. Среди них упомянутый выше австриец П. Петрович (он с дочерью был православным, а жена — лютеранка). Поляк Г. Марецкий с детьми был православным, а жена его — католичкой. Семейство механика П. Бруккера было православным, но его сын Томас был женат на католичке¹⁴³. Сын страсбургского уроженца П. Дрейер вместе с детьми исповедовал православие, а его жена католичество. Последние два случая примечательны тем, что браки были заключены уже в Москве (в то время как Г. Марецкий и П. Петрович, вероятно, вступили в брак на родине).

Из 129 лютеран, состоявших в браке, у 100 (78 %) жены были их единоверками, а у 29 (22 %) — представительницами других конфессий.

В 14 случаях мужья исповедовали лютеранство, а их жены и соответственно дети — православие: это А. Гейтман, Ф. Зегер, Г. Эйкенрот, Л. Даниэльсон, К. Гок, О. Фланден, Г. Модин, Э. Вейль, Ф. Крейц, В. Юль, Ф. Терне, И. Шуберт, Г. Марк, Б. Фиргуф¹⁴⁴.

Немного меньше (11) представлено браков, в которых мужья были лютеранами, а жены католичками: Г. Проктор, К. Фирганг,

¹⁴³ Материалы... Т. 9. С. 125, 126, 222.

¹⁴⁴ Там же. С. 48, 50–54, 104, 153, 155, 220, 267, 271.

И. Кизлинг, К. Кач, К. Кригер, А. Вердан, К. Деккер, А. Беккер, Р. Шварц, Л. Бастид, Ж. Бюжард¹⁴⁵.

Купец лютеранского исповедания П. Бауер состоял в браке с англиканкой¹⁴⁶. Жена А. Анке, Эмма Васильева, возможно, также была англиканкой, хотя упомянута она как «реформатка». При этом ее муж исповедовал протестантизм лютеранского толка. Значит, она была представительницей другого ответвления протестантской церкви¹⁴⁷. Лютеранин И. Шейерман, как уже упоминалось выше, состоял в браке с прихожанкой армяно-григорианской церкви Елисаветой Григорьевой¹⁴⁸.

Мы располагаем данными о 13 браках купцов, исповедовавших протестантство англиканского образца. У троих жены были представительницами других конфессий: у Дж.-С. Джексона и И. Моргана — православные, а Х. Вильсон был женат на лютеранке¹⁴⁹.

19 из 68 (28 %) купцов, исповедовавших католичество, заключили браки с прихожанками других церквей. В 8 случаях их женами были лютеранки: Н. Гронау, Л. Буассонад, А. Лион, Ф. Миевр, А. Эларов, К. Шольц, Н. Готье-Дюфайе, Ф. Бранденбург. Зафиксирован один брак католика с прихожанкой англиканской церкви — брак Льва Катюара с Анной Леве¹⁵⁰.

В 10 случаях католики выбирали себе жен из православной среды: И. Ференбах, П. Лафон, А. Крампон, П. Сегино, К. Срочинский, П. Поцци, П. Борегар, Ж. Курти, И. Гутт, К. Оттен¹⁵¹.

Итак, сравнивая удельный вес смешанных браков среди купцов лютеранского и католического исповедания, мы не увидим большой разницы: у первых он составлял 22 %, у вторых — 28 %.

Материалы 10-й ревизии содержат сведения о браках русских купцов с иноверками. Всего выявлено 9 случаев, из которых 5 жен были лютеранками (у М.М. Горошкова — жена Анна Карлова; у его предположительного родственника М.М. Горошкова — жена Елизавета Иванова; у М.М. Кленина — Августа София, у Д.Г. Короткова — Констанция Иванова, у И.Киселева — Эмилия Яковлева), а у 4 купцов — католичками (у А.В. Щукина — жена Сусанна Иванова, у А.И. Посникова — Доротея-Адольфина, у П. Жукова — Софья Христианова, у А.М. Прокунина — Камилла-Викторина¹⁵²).

¹⁴⁵ Там же. 48–49, 52, 53, 93, 119, 154, 156, 225–226, 235.

¹⁴⁶ Там же. С. 53.

¹⁴⁷ Там же. С. 150.

¹⁴⁸ Там же. С. 126.

¹⁴⁹ Там же. С. 51, 52, 118.

¹⁵⁰ Там же. С. 48, 52, 106, 112, 113, 126, 150, 268–269, 268.

¹⁵¹ Там же. С. 49, 51, 54, 66–67, 105, 143, 149, 154, 254.

¹⁵² Там же. С. 5, 13, 49, 50, 58, 65, 111, 163.

Итак, браков, заключенных между православными мужьями и инославными женами было почти в три раза меньше, чем браков, в которых мужья были иноверцами, а жены православные (33). Это объясняется демографической ситуацией в среде купечества иностранного происхождения, в котором соотношение мужчин и женщин отличалось от местной среды.

Мы выяснили, что дети, рожденные в браках православного супруга и иноверца, воспитывались только в православии. В сведениях о купцах иностранного происхождения по материалам 9-й и 10-й ревизий мы не встретим исключений из этого правила. Но как обстояло дело в браках, в которых оба родителя представляли разные инославные конфессии? Если рассматривать этот вопрос применимо к последней четверти XVII в., то мы могли бы упомянуть наблюдение И. Давида: «Если кто берет в жены католичку, лютеранку или реформатку, то между супругами заключается соглашение, что... их дети мужского пола унаследуют религию отца, а женского — религию матери»¹⁵³. Но мы располагаем более поздними данными, датируемыми серединой XIX в. Существовали ли такие соглашения между супругами, нам неизвестно, но из 18 подобных семей зафиксировано лишь три случая, когда дети исповедовали веру матери, а не отца. Во всех случаях мужья были католиками, а жены и дети — протестантами (Ф. Бранденбург, К. Оттен, Н. Готье-Дюфайе¹⁵⁴). В остальных случаях дети исповедовали веру отца. Пять глав семейств с детьми были католиками, а их жены протестантками (могли быть указаны и как реформатки): К. Шольц, П. Барден, Н.Н. Гронау, Ф.К. Миевр, А.М. Эларов. В двух семействах мужья и дети были англиканами (Х. Вильсон и А. Колли), а жены — лютеранками¹⁵⁵. В 6 семьях (А. Вердан, М. Мольяр, К. Деккер, К. Кач, К. Кригер, П. Бауер¹⁵⁶) зафиксированы браки мужей-протестантов с женами католичками. Дети И. Якобсона исповедовали протестантскую веру отца, а их мать была «еврейского закона»¹⁵⁷. Очевидно, что в большинстве таких браков вопрос о вероисповедании детей решался в пользу отца.

Смешанные в этноконфессиональном плане браки к середине XIX столетия уже не были редкостью в среде московского купечества. Но активной ассимиляции купечества иностранного происхождения не происходило. Удельный вес браков с местным

---

¹⁵³ Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/irji_sovr.php (дата обращения 12.05.2017)

¹⁵⁴ Материалы... Т. 9. С. 150, 254, 268–269.

¹⁵⁵ Там же. Т. 8. С. 58, 127–128, 136, 142, 144, 288; Т. 9. С. 48.

¹⁵⁶ Там же. Т. 9. Т. 9. С. 48, 53, 60, 93, 119, 154.

¹⁵⁷ Там же. Т. 8. С. 276.

населением колебался в диапазоне от 14 до 31 %, в то время как удельный вес браков внутри иностранной среды мог составлять от 69 до 86 %. Единство вероисповедания с русским населением для представителей одних национальных групп (например, греков) способствовало вступлению с ними в брак, в то время как православные цыгане заключали браки исключительно в своей среде. Католическое исповедание некоторой части немцев не влияло на выбор невест из лютеранской среды. Купцы французского происхождения, проживавшие в Москве до 1812 г., вступали в браки внутри своей общины, в то время как их единоверцы итальянского происхождения активно вступали в брак с местным населением. Но уже к середине XIX в. можно было насчитать 10 купеческих французских фамилий, породнившихся с русскими. Браки купцов армяно-григориан с лютеранами внутри купеческой среды еще раз свидетельствуют о том, что Москва XVIII–XIX вв. была важным, узловым торговым перекрестком между Западом и Востоком, что находило отражение в брачно-родственных связях.

Список литературы

Абрамян Р. Посемейный список армян Москвы 1840 г. // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII научной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. С. 117–120.

Аксёнов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии. М.: Наука, 1988. 188 с.

Ведяев А.В. Смешанные браки в Русской Православной Церкви в синодальный период // Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии: Теология. Философия. История. 2017. № 6. С. 203–219.

Дёмкин А.В. Британское купечество. М.: ИРИ, 1998. 249 с.

Дёмкин А.В. Купечество в России XVIII века. Формирование городских купеческих сообществ и торгово-промышленный отход. Очерки. М.: [б/изд.], 1996. 20 с.

Денингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. 502 с.

Егоров-Федосов В.М. Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки. М.: Волслов, 2005. 372 с.

Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле в XVIII в. М.: Наука, 2005. С. 357–398.

Козлова Н.В. Семья и отношения родства московского купечества XVIII в. // Вестник РГНФ. 2002. № 4. С. 14–26.

Красножен М.Е. Иноверцы на Руси. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900. 23 с.

Курило О.В. Очерки по истории лютеран в России. (XVI–XX вв.). М.: ИЭА, 1995. 182 с.

Ларюшкин О.В. Греки в составе московского купечества (1782–1811 гг.): интеграция в русскую среду // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 82–87.

Ларюшкин О.В. Московские купцы греческого происхождения: роль в торговой и общественной жизни города (70-е гг. XVIII в. — середина XIX вв.) // Материалы международной научно-практической школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды». М.: ИРИ РАН, 2019. С. 69–82.

Ларюшкин О.В. Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII — начале XIX вв. // Российская история. 2018, № 4. С. 121–127.

Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2004. 608 с.

Немцы в Москве. Международная научно-историческая конференция, посвященная 850-летию Москвы. М.: Общественная Академия наук российских немцев, 1997.

Московские немцы: четыре века с Россией. М.: Фабрика офсетной печати, 1999. 356 с.

Ржеуцкий В.С. История французского землячества в России в XVIII — начале XIX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2003. 25 с.

Ржеуцкий В.С. Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция, XVIII–XX вв. М.: Наука, 2003. С. 30–55.

Розенберг Л.И. Татары в Москве в XVII — середине XIX вв. // Этнические группы в городах европейской части СССР (формирование, расселение, динамика, культуры). М.: Московский филиал Географического общества СССР, 1987. С. 16–26.

Сартор В. Свое и чужое. Приспособляемость и аккультурация немецких предпринимателей в России по мемуарным источникам // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы, XVI — начало XX века. Материалы международной конференции. М.: ГИМ, 1999. С. 73–85.

Соловьёва А. Милютинский переулок, д. 13. — URL: <https://www.hse.ru/fundament/milyutinskiy/> (дата обращения 20.02.2021)

Ульянова Г.Н., Троицкая И.А. Ревизские сказки как источник в историографии 1970–2010-х гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История Русской православной церкви. 2016. Вып. 4. С. 129. С. 118–135.

Ульянова Г.Н., Троицкая И.А. Социальная и территориальная мобильность московских купцов по сказкам VIII (1833–1834) и X (1857–1858) ревизий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 77. С. 94–109.

Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2003. 29 с.

Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX вв. Нижний Новгород [б/изд.], 2002. С. 63.

Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. 182 с.

Цветаев Д.В. Положение протестантов в России до Петра Великого. СПб.: [б/изд.], 1890. 67 с.

Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М.: Университетская типография, 1890. 782 с.

Шевкуленко Д.А. Межнациональные отношения в России. Самара: Самарский университет, 1999. 191 с.

Dahlmann D. Lebenswelt und Lebensweise deutscher unternehmer in Moskau vom Beginn des 19 Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Deutsche in St. Petersburg und Moskau vom 18 Jahrhundert bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Lüneburg: Inst. Nordostdt. Kulturwerk Lüneburg, 1994. S. 146–149.

Ελένη Τολούζ. Дмитрий Егорович Бенардаки. Судьбы человека и его захоронения // Портал Московское общество греков. — URL: https://www.greekmos.ru/benardaki_dmitriy/ (дата обращения 20.02.2022)

Поступила в редакцию
22 февраля 2022 г.

М.Г. Алмазов

НИКОЛАЙ II И ПОДАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 1905 г.

M.G. Almazov

NICHOLAS II AND SUPPRESSION OF THE MOSCOW ARMED UPRISING 1905

Аннотация. Предметом исследования в статье является участие Николая II в руководстве деятельностью российского правительственного аппарата в ходе подавления Московского вооруженного восстания 1905 г., целью — выявление реального вклада императора в борьбу с революционным выступлением. В историографии эта тема, несмотря на усилия ряда исследователей, не получила комплексного рассмотрения. В данной статье впервые на основе делопроизводственной документации (докладные записки) и материалов личного происхождения (дневники, мемуары, письма) делается попытка определить степень информированности императора о событиях в Москве и факторы, от которых она зависела. Было установлено, что основным вкладом Николая II в разгром восстания стало принятие 13(26) декабря 1905 г. решения об отправке подкреплений в Москву. Автор пришел к выводу, что информация о ходе вооруженного выступления, поступавшая к императору, имела специфический характер: будучи неплохо осведомленным об основных событиях «мятежа», монарх имел завышенное представление о численности полицейских и солдат в Первопрестольной столице и противостоявших им революционеров. Это было обусловлено кризисным положением административной и военной власти в Москве, в результате чего руководство города часто получало недостоверные сведения; стремлением московского руководства представить обстановку в Первопрестольной в более благоприятном для себя свете перед санкт-петербургским начальством; имевшей место передислокацией вооруженных сил (массовая отправка боеспособных солдат на Дальний Восток вследствие отсутствия подготовленных резервов и т.д.). Возможно, сыграли свою роль и придворные интриги. Сказалась и такая черта руководящего стиля Николая II, как стремление возложить решение конкретных задач на от-

---

Алмазов Михаил Григорьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Almazov Mikhail Grigor'evich, PhD Candidate in History, Assistant Professor, Department of the History of Russia in the Nineteenth – Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-925-686-05-73; vnm128@mail.ru

ветственных исполнителей, а за собой оставить лишь общий контроль над ситуацией. В результате император не отправил войска в Москву во время возмущения в Ростовском полку 2–4 (15–17) декабря (что могло бы предотвратить восстание) и принял решение о посылке Семёновского полка, лишь когда пик выступления, унесшего жизни многих москвичей, был пройден.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., московский генерал-губернатор, дворцовый комендант, председатель Совета министров, Семёновский полк, Д.Ф. Трепов, Ф.В. Дубасов, С.Ю. Витте.

Abstract. The article examines Nicholas II's participation in Russian government during suppression of the Moscow armed uprising in 1905 and his contribution to this process. In historiography, this topic, despite the efforts of a number of scholars, has not been comprehensively studied. For the first time, on the basis of clerical documents (staff reports) and personal sources (diaries, memoirs, letters), the author attempts at determining the degree of the emperor's awareness of the events in Moscow and the factors on which it depended. Nicholas II's major contribution to the defeat of the uprising was the decision to send reinforcements to Moscow on 13 (26) December 1905. The author concludes that the information regarding the progress of the armed uprising, which the emperor received, was of a specific nature. While being well informed about the main events of the "revolt", the emperor had an exaggerated idea of the number of police officers and soldiers in the first capital and the number of revolutionaries opposing them. This was due to the crisis of administrative and military power in Moscow, which often resulted in getting unreliable information by the city's government. It was also determined by the desire of this government to present the situation in Moscow to St. Petersburg authorities in a favorable light for themselves and by the relocation of the armed forces (the sending of combat-ready soldiers to the Far East due to the lack of trained reserves, etc.). Perhaps court intrigues also played a role. The decision making was also affected by such a feature of Nicholas II's administrative style, as entrusting specific tasks to those in charge and retaining the overall control of the process for himself. As a result, the emperor did not send the troops to Moscow during the insurrection in the Rostov regiment on 2–4 (15–17) December, which might prevent the uprising, and decided to employ the Semenovskiy regiment when its peak had passed and many Muscovites had been dead.

Keywords: Revolution of 1905–1907, Governor-General of Moscow, palace commandant, Chairman of the Council of Ministers, Semyonovskiy regiment, D.F. Treпов, F.V. Dubasov, S.Yu. Witte.

* * *

Предметом исследования в данной статье является участие императора Николая II в процессе подавления Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. Данная тема не получила подробного освещения в историографии: историки, как правило, фактически разделяли мнение о пассивности монарха в эти дни и решающей роли С.Ю. Витте в высылке подкреплений московскому

генерал-губернатору Ф.В. Дубасову¹. Так, Н.Н. Яковлев в свое время лишь упоминал об одобрении Николаем II карательных мер администрации Первопрестольной столицы².

Наиболее развернутую попытку анализа роли царя в разгроме Декабрьского восстания предприняли В.Н. Сторожев и А.И. Куксин. В.Н. Сторожев на основании анализа дневниковых записей монарха сделал выводы о «своеобразии реагирования Николая на явления действительности» и о том, что «он многого не знал, а многое знал лишь превратно» (однако конкретных фактов, демонстрирующих, почему взгляд царя на политические события был своеобразным, а его знания о них — недостаточными и превратными, он не привел)³. А.И. Куксин, напротив, высказал мысль о хорошей осведомленности Николая II о ходе событий в Москве (в качестве аргумента он привел лишь факт получения императором докладных записок от управляющего МВД П.Н. Дурново, без анализа их содержания)⁴.

С.В. Тютюкин в исследовании, посвященном 100-летию юбилею революции 1905–1907 гг., отмечал интерес императора к событиям Декабрьского восстания, приводя в качестве примера запись в его дневнике от 11 (24) декабря о «страшном побоище между войсками и революционерами»; при этом он фиксировал роль императора и великого князя Николая Николаевича в решении вопроса об отправке подкреплений, но пальму первенства по традиции отдавал Витге⁵.

Между тем вопрос о том, на основании каких факторов Николай II распорядился выслать подкрепления московским властям и что повлияло на оперативность принятия данного решения, остается открытым. Поэтому комплексное изучение вклада последнего российского императора в процесс разгрома Декабрьского восстания позволяет пролить свет на такие принципиально важные в ракурсе исследования российской истории начала XX в. проблемы, как эффективность механизма управления в чрезвычайных условиях революции, возможность самодержца действительно контролировать работу ведомств, особенности стиля руководства Николая II.

---

¹ Шатина Н.В. Местный административный аппарат самодержавия в борьбе с Первой русской революцией (На примере Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 116; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 363.

² Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 170.

³ Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и приложений / Под ред. Н. Н. Овсянникова. М., 1919. С. 73.

⁴ Куксин А.И. Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века (1904–1913 гг.) (по материалам Московского военного округа). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 125–126.

⁵ Первая революция в России. С. 369, 372.

Впервые монарх обратился к вопросу о присылке подкреплений в Москву 3(16) декабря 1905 г., когда военный министр А.Ф. Редигер представил ему телеграмму и рапорт командующего войсками Московского военного округа (далее — МВО) генерала от инфантерии Н.Н. Малахова от 2(15) декабря, касавшиеся бунта, вспыхнувшего в этот день во 2-м Ростовском гренадерском полку, в ходе которого большая часть солдат отстранила офицеров от командования и выдвинула ряд требований, в основном касавшихся улучшения условий службы нижних чинов⁶. Дальнейшие действия императора рассматривались в историографии⁷, однако без постановки вопроса о степени его осведомленности о событиях в Москве (без чего сложно понять их адекватность ситуации). Для выяснения этого нужно рассмотреть содержание посланий Н.Н. Малахова. В телеграмме генерал извещал военного министра о «мятеже», вспыхнувшем в Ростовском полку, причем указывал, что восставшие нижние чины вооружились, «но оружием не действовали», а остальной гарнизон, по циркулировавшим слухам, был готов к вооруженному выступлению. В рапорте также указывалось, что солдаты полка сосредоточились в казармах, находившихся под надзором часовых, избранных руководителями «бунта», причем, по данным командующего МВО, нижние чины не собирались «прибегать к насилию» в случае обеспечения их безопасности. Верной командованию оставалась пулеметная рота, солдаты которой, правда, «не могут сохранить пулеметы в своих руках». По мнению Малахова, движение имело чисто «политическую подкладку». Генерал также сообщал военному министру «имеющиеся еще не проверенные сведения» о возможности присоединения к повстанцам четырех полков московского гарнизона и высказывал опасение по поводу «вероятной организованной революционной пропаганды в войсках». Ввиду вышеперечисленного, а также малочисленности воинских сил в Москве, Малахов запрашивал присылки «не менее двух гвардейских пехотных полков и одной артиллерийской бригады»⁸.

Таким образом, из данных сообщений император мог узнать, что московское военное начальство допустило бунт в одном из полков, не сумело его подавить и опасается выступления еще четырех

---

⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 516; Первая революция в России. С. 516

⁷ Шатина Н.В. Указ. соч. С. 116; Sanders J. The Moscow uprising of December 1905. New York, 1987. P. 702, 710.

⁸ Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г. Ч. 1. М., 1955. С. 613–614

полков и «вероятной организованной пропаганды в войсках» (большого командование войсками Первопрестольной столицы было, видимо, не в состоянии сообщить из-за неэффективности попыток наладить сбор сведений о революционном брожении в гарнизоне и борьбу с ним)⁹, причем оставшуюся верной пулеметную роту оно так и не смогло эффективно использовать. Содержавшиеся в отчете Малахова сведения о малочисленности войск в Москве носили слишком общий характер, чтобы вызвать серьезное беспокойство царя. Дело в том, что Николай II и его окружение были не в курсе динамики укомплектованности личным составом частей, расквартированных в Первопрестольной столице. По данным штаба МВО, только в пехотных полках числилось: на 1(14) октября — 10 491 человек, а на 25 ноября (8 декабря) — 7075 человек¹⁰. Видимо, руководство страны отдавало себе отчет в том, что состояние гарнизона Первопрестольной изменилось к худшему вследствие массовой демобилизации после завершения русско-японской войны 1904–1905 гг.¹¹, но всё равно не представляло реального положения, на которое оказывали влияние и другие проблемы (достаточно высокая доля новобранцев, забракovaných по состоянию здоровья войсковыми комиссиями¹², отправка боеспособных военнослужащих на усиление действующей армии на Дальний Восток вследствие отсутствия подготовленных резервов¹³, использование значительной части нижних чинов (от 650 до 800 человек на полк) на нестроевые надобности (хлебопеки, кашевары, каптенармусы и т.д.), обучение новобранцев и несение караулов по городу¹⁴). Видимо, по этой причине возмущение в Ростовском полку не обеспокоило монарха: он не обмолвился о нем в дневнике, а в письме матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, охарактеризовал бунт ростовцев как «глупейший»¹⁵. При этом, судя по тем же записям, царь остро переживал «беспорядки» в армии, выступал сторонником их немед-

⁹ РГВИА. Ф. 13495. Оп. 1. Д. 183. Л. 201 об.; РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 326 об., 334; Высший подъем... С. 607. См. также: Мельников А.Б. Революционное движение в московском гарнизоне в период Декабрьского вооруженного восстания // Исторические записки. Т. 49. М., 1954. С. 269; Sanders J. Op. cit. P. 667–668.

¹⁰ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1114. Ч. 2. Л. 46; Оп. 1. Д. 576. Л. 308.

¹¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 302; Революция 1905 года и самодержавие. М.; Л., 1928. С. 32.

¹² РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 217. Л. 3.

¹³ Из истории московского вооруженного восстания. Документы и материалы. М., 1930. С. 46.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1113. Л. 27 об., 29.

¹⁵ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2: 1905–1918. Ч. 1: 1905–1913. М., 2013. С. 73; Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Фёдоровной (1894–1917). М., 2018. С. 569.

ленного и жесткого подавления, а также противодействия революционной пропаганде в воинских частях¹⁶.

Необходимо учитывать, что в это время Николай II при прочтении докладных записок управляющего МВД П.Н. Дурново узнавал о не менее серьезных событиях в других регионах империи: о подготовке в Санкт-Петербурге вооруженного восстания и «Финансового манифеста», открытом выступлении крестьянского населения Лифляндской и Эстляндской губерний против помещиков-немцев, повсеместных солдатских волнениях и т.д.¹⁷

Следует учитывать и такую черту стиля руководства царя, как стремление возложить разрешение конкретных вопросов на ответственных за это исполнителей, а за собой оставить общий контроль над ситуацией. Так, по мнению императора, непосредственной разработкой и претворением в жизнь мер по борьбе с революцией должен был заниматься правительственный аппарат во главе с председателем Совета министров С.Ю. Витте¹⁸. Естественно, что массовые «беспорядки, последовавшие за выходом Манифеста 17 октября 1905 г., воспринимались Николаем II как следствие недостаточной решительности власти (так, он писал матери 10(23) ноября, что «никто у нас не привык брать [ответственность] на себя»)¹⁹.

Этими факторами и объясняется реакция Николая II на информацию, сообщенную Малаховым. Император наложил резолюцию, в которой предложил военному министру переговорить с главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа (далее ПВО) великим князем Николаем Николаевичем на предмет, «возможно ли оказать помощь отсюда» (из Санкт-Петербурга. — М.А.). Предложил царь и способ покарать «мятежников»: «арестовать зачинщиков-вольноопределяющихся» и затем расстрелять их по приговору военного суда, поскольку «действие будет потрясающее»²⁰. Таким образом, Николай II передавал решение вопроса о подкреплениях в руки своего двоюродного дяди, а московское военное начальство (к заявлениям которого скорее всего он отнесся критически) недвусмысленно призывал к жестким самостоятельным действиям. Итог данного повеления известен: великий князь Николай Николаевич, опасавшийся ослабления гарнизона

---

¹⁶ Дневники императора Николая II. С. 67, 70; Переписка императора Николая II... С. 559–560.

¹⁷ Высший подъем... С. 54–60.

¹⁸ Переписка императора Николая II... С. 558, 564.

¹⁹ Там же. С. 557–558, 560, 567.

²⁰ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.

Санкт-Петербурга²¹, категорически отказался посылать войска в Москву, предложив Редигеру отправить вместо них шефа Ростовского полка — великого князя Михаила Александровича, что было в свою очередь отклонено императором под предлогом слабого здоровья брата²². В результате, по признанию Редигера, «относительно посылки войск в Москву тогда ничего не было решено», а царь, видимо, успокоился после получения телеграммы от Малахова, что «бунт» в Ростовском полку (имевший скорее экономическую, чем политическую «подкладку») прекратился, «войска кричат «ура» державному вождю»²³. Между тем санкционированный императором отказ главнокомандующего войсками ПВО от посылки подкреплений в Москву сыграл роль в принятии московскими революционерами, преувеличивавшими распространенность революционных настроений среди солдат московского гарнизона, решения начать 7(20) декабря новую всеобщую стачку, перешедшую 9–10(22–23) декабря в вооруженное восстание (что могло бы, как представляется, быть предотвращено прибытием в Первопрестольную столицу свежих и верных императору частей)²⁴.

Среди мемуаристов самый развернутый рассказ о действиях Николая II по подавлению Декабрьского «мятежа» оставил С.Ю. Витте. В двух рукописных очерках 1909 и 1911 гг. (содержащих противоречивые сведения) он утверждает, что император подключился к решению данной проблемы только с подачи московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова (по версии 1909 г. якобы напрямую обратившегося в «Царское Село») и самого премьера, чьего содействия запросил глава Москвы. Согласно Витте, он связался по телефону с дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым, обрисовав тяжелое положение власти в Первопрестольной столице и поставив вопрос об отправке подкреплений Дубасову. Затем комендант перезвонил премьеру (когда это точно произошло, из

---

²¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 300–301, 400; Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 516; Sanders J. Op. cit. P. 710.

²² Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 516–517. См. также: Шатуна Н.В. Указ. соч. С. 116; Sanders J. Op. cit. P. 702.

²³ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 517; Революция 1905 года и самодержавие. С. 178; Высший подъем... С. 618–619; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 134–135. Видимо, известие о прекращении «бунта» оказало настолько успокаивающее действие на Николая (с 5(18) декабря занятого руководством Особым совещанием о выборах в Государственную думу), что он не претворил в жизнь своего первоначального замысла: отставки престарелого Малахова с поста командующего войсками МВО (возможно, что, отказавшись от идеи сделать военачальника генерал-адъютантом, царь решил обдумать его последующую судьбу) (Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 517).

²⁴ Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington, 1985. P. 127–128.

текста мемуаров понять невозможно: в очерке 1909 г. Витте указывает, что это случилось «к вечеру», а сам он звонил днем, в версии 1911 г. — «в самом коротком времени», из чего можно заключить, что и звонок председателя Совета министров был совершен вечером) и передал просьбу императора «уговорить» великого князя Николая Николаевича послать войска в Москву. При разговоре с премьером главнокомандующий войсками ПВО, как следует из воспоминаний, предсказуемо занял решительную позицию не отправлять из Петербурга ни одной части, как вдруг его адъютант, «уже когда было за полночь», представил собственноручную записку Николая II, в которой последний «просил» двоюродного дядю о снаряжении военной экспедиции в Москву. Таким образом, несмотря на упоминание того факта, что Николай II самостоятельно отдал распоряжение великому князю, из текста следует, что именно его (текста) автор был главным инициатором принятого решения. В рассматриваемых фрагментах Витте не скупится и на уничижительные выпады в адрес царя, якобы отдававшего неадекватные распоряжения (в очерке 1911 г. премьер специально отмечает, что монарх просил его «уговорить» Николая Николаевича (аттестуя этот приказ как «странный»), а в направленной великому князю записке содержался глагол «прошу»)²⁵.

Несмотря на подтверждение ряда приведенных фактов данными других источников (например, сведения о переговорах Витте и Николая Николаевича содержатся в дневнике генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и ПВО Г.О. Рауха)²⁶, информация, сообщаемая главой Совета министров, вызывает много вопросов, и прежде всего — о действиях императора в период с 7(20) до 13(26) декабря (поскольку премьер повествует о переговорах с Треповым и великим князем накануне отправки Семёновского полка в Москву, произошедшей 14(27) числа).

Настрой Николая на решительную борьбу с революционным движением в целом, на наш взгляд, подтверждается рядом свидетельств. А.Ф. Редигер сообщал, что 12(25) декабря, во время праздника лейб-гвардии Финляндского полка, шефом которого был цесаревич Алексей, император взял сына на руки и пронес его вдоль фронта, взяв, по собственному признанию, за образец изображение Николая I, выносившего великого князя Александра Николаевича перед солдатами лейб-гвардии Павловского полка в день восстания

²⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 179; Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 300–301, 401–402.

²⁶ Дневник Г.О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 6. С. 90.

декабристов на Сенатской площади²⁷. Главноуправляющий Его Императорского Величества канцелярией по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, барон А.А. Будберг, также выступавший в роли неофициального советника императора, 15(28) декабря после доклада по делам своего ведомства по предложению монарха обсуждал с ним ситуацию в империи²⁸. Наконец, анализ переписки царя с матерью тоже позволяет сделать вывод об искренней обеспокоенности монарха ростом революционного движения²⁹.

Для того чтобы понять, почему столь важное решение было принято монархом спустя несколько дней после начала баррикадных боёв в Москве, нужно выяснить круг принимаемых им лиц, которые могли сообщить сведения о ситуации в городе, и степень информированности императора по данному вопросу.

Впервые император был информирован о событиях «московской революции» 10(23) декабря. В своем дневнике он упомянул о приеме дворцового коменданта Трепова и о том, что «много занимался»³⁰. Согласно камер-фурьерскому журналу, в этот день Николай принимал Трепова два раза — «с докладом» в 7 часов и экстренно в полночь³¹. Судя по всему, в дневниковой записи император имел в виду первую аудиенцию, данную дворцовому коменданту, после которой он «занимался» с представленными бумагами. Известно, что 10 числа Трепов передал Николаю II доклад министра юстиции С.С. Манухина о положении в Москве, включавший донесение прокурора Московской судебной палаты В.Ф. фон Клугена. Из данного документа царь мог узнать, что 9(22) декабря положение в Москве было «тревожное» в связи с распространением забастовки; произошло столкновение манифестантов с полицией у дома генерал-губернатора и «толпы в 2000 человек» с войсками на Страстной площади, причем оба конфликта завершились победой правительственных сил. В телеграмме Клугена, включенной в доклад, также сообщалось о строительстве членами «боевой дружины» «баррикад и проволочных заграждений» на Садовой и Тверской улицах, а также о нападениях на войска, которые отвечали выстрелами. Доносил прокурор о разгоне митинга в саду «Аквариум» (8-го числа), о взрыве Охранного Отделения (при этом говорилось об одном убитом и двух раненых сотрудниках) и об осаде дома И.И. Фидлера, отмечая, что

---

²⁷ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 550.

²⁸ ГА РФ. Ф. 859. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–11 об.

²⁹ Переписка императора Николая II... С. 557–558, 563–564, 567, 569–570, 572.

³⁰ Дневники императора Николая II. С. 75.

³¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 537.

осажденные «сдаются»³² Также в этот день в Департаменте полиции МВД была составлена записка, содержание которой, возможно, также было доложено императору. В ней рассказывалось об успешной осаде дома Фидлера (с указанием числа захваченных дружинников), взрыве Охранного отделения и о столкновениях правительственных сил и революционеров на Тверском бульваре и на Страстной площади (причем говорилось лишь о ружейной «стрельбе», но не об открытии по обывателям артиллерийского огня)³³.

Но зачем Николаю понадобилось принимать Трепова в полночь? Очевидно, дворцовый комендант сообщил ему какие-то экстренные сведения, полученные из Москвы. Подобное предположение подтверждается упоминанием самим Николаем в письме матери от 15(28) декабря, что «в первую ночь» восстания ему докладывали из Москвы о числе убитых и раненых «до 10 000 человек»³⁴. Можно допустить, что поводом для экстренного визита Трепова к царю стало доведение до его сведения информации о ходе столкновений в Москве войск и полиции с революционерами в течение 10(23) декабря, которую генерал-губернатор Ф.В. Дубасов сообщил управляющему МВД П.Н. Дурново по телефону (а впоследствии записал для памяти). Данное донесение вице-адмирала буквально дышало оптимизмом: извещая главу внутриведомственного ведомства о «бое пехотном и артиллерийском», Дубасов докладывал о полном поражении «толп», наступавших «по направлению к дому Генерал-Губернатора и Градоначальника» и об успешном разрушении баррикад артиллерией. Подытоживал свое сообщение руководитель Первопрестольной уверением, что «войска работают превосходно, с примерной стойкостью», и рекомендацией известить императора, «что всё обойдется благополучно»³⁵. Последним сообщением, направленным Дубасовым управляющему МВД в этот день, стала телеграмма, в которой генерал-губернатор находил «более целесообразным дать сведения о положении на завтра утром»³⁶.

Вечером 11(24) декабря Николай II дважды принимал Трепова (до очередного доклада 15(28) декабря П.Н. Дурново, фактически

³² Высший подъем... С. 663.

³³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 2450. Т. 2. Л. 61–61 об. Также 10(23) декабря в Департамент полиции поступили донесения агентов из Москвы о ходе уличных боев и циркуляции слухов о массовом недовольстве в войсках (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 85, 87, 88). Однако у нас нет никаких данных, что эти сведения были включены в записки, составлявшиеся для царя или председателя Совета министров.

³⁴ Переписка императора Николая II... С. 569.

³⁵ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции. М., 2017. С. 45–46.

³⁶ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 88.

превратившегося в главного информатора императора об обстановке в стране). Первая аудиенция состоялась в 7 часов (с «плановым» докладом)³⁷. Сложно сказать, обсуждал ли царь с дворцовым комендантом события в Москве. Можно лишь предположить, что последний довел до сведения монарха сообщение, переданное московским генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым управляющему МВД П.Н. Дурново по телефону в час дня. Вице-адмирал докладывал о расположении баррикад «на новых и старых местах», их беспрепятственном строительстве, вызове в наряд по поддержанию порядка в городе всего гарнизона, собственном смутном представлении о том, «что будет дальше», но при этом заявлял, что революционеры «считают свое дело проигранным»³⁸.

Вторая аудиенция была дана Трепову в 11 часов, на этот раз — вместе с великим князем Николаем Николаевичем³⁹. В дневник царь занес информацию именно об этом приеме: «Принял Николашу и Трепова»⁴⁰. По всей видимости, поводом к созыву совещания послужило сообщение Дубасова, сделанное им управляющему МВД Дурново по телефону в 8 часов вечера, в котором генерал-губернатор заявлял, что в Москве «дело скверно», «кольцо баррикад всё суживается», а «борьба» власти с «мятежом» «становится бессильной», в связи с чем глава города просил у руководителя внутриведомственного ведомства ходатайствовать перед великим князем Николаем Николаевичем о присылке «бригады пехоты»⁴¹. Вероятно, с подачи Трепова, которому Дурново передал содержание телефонного разговора с Дубасовым, на совещании оказался и великий князь Николай Николаевич (в течение дня генерал-губернатор уже связывался с ним по телефону и отправил ему курьерским поездом личное письмо, которое «августейший» главнокомандующий войсками гвардии и ПВО получил 12(25) декабря)⁴².

Сведения о положении в Москве, которые император мог получить от дворцового коменданта, как представляется, можно реконструировать по записке, составленной в этот день в Департаменте полиции и направленной С.Ю. Витте⁴³. В ней сообщалось о стол-

³⁷ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 538 об.

³⁸ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 49.

³⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 219 / 2728. Д. 21. Л. 538 об., 545.

⁴⁰ Дневники императора Николая II. С. 75.

⁴¹ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 49.

⁴² РГИА. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 89. Л. 1 об. – 2 об.

⁴³ В сборнике «Высший подъем революции 1905–1907 гг. в России» приводится неверная датировка данного документа: 15(28) декабря (С. 687). Обращение к материалам фонда Департамента полиции позволило корректно определить время составления записки (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 93).

кновениях боевых дружин с полицией и войсками, строительстве повстанцами баррикад и обстреле последних «ружейным и артиллерийским огнем», причем указывалось, что революционеры понесли огромные потери в отличие от правительственных сил, в рядах которых насчитывалось лишь несколько убитых и раненых. Несмотря на это, согласно составителям записки, дружинники «в революционном фанатизме» к вечеру 11 декабря «усилили постройку баррикад», стремясь прервать сообщения между районами города. Но московские власти, как отмечалось в документе, уже успели распорядиться о необходимых мерах: градоначальник приказал сжечь ночью эти укрепления. Завершал записку пассаж о намерении генерал-губернатора Дубасова ввести со следующего дня военное положение «с целью объединить действия в руках одного общего начальника»⁴⁴. В пользу предположения об ознакомлении Николая II с данными, изложенными в рассмотренном выше документе, свидетельствует запись в его дневнике после упоминания о приеме Трепова и великого князя: «Вчера в Москве произошло настоящее побоище между войсками и революционерами. Потери последних большие, но точно не могли быть выяснены»⁴⁵. Воспроизведение императором этих фактов позволяет также сделать вывод, что на данном совещании продолжалось выяснение хода событий в предыдущий день восстания и в частности — уточнялись боевые потери революционеров (что было важно для получения представления императором о масштабах «мятежа»). По всей видимости, также обсуждалась возможность оказания помощи московским властям войсками ПВО, что должно было встретить возражения со стороны великого князя Николая Николаевича, доказывавшего опасность отправки какой-либо части из Санкт-Петербурга. Вероятно, главнокомандующий ПВО также поставил императора в известность о предстоявшей отправке 16-го пехотного Ладожского полка из Варшавского военного округа, так как формально он был отправлен «по Высочайшему повелению»⁴⁶.

За период с 12(25) декабря мы можем составить точное представление об объеме информации о московских событиях, получаемой императором, так как с этого числа в фонде дворцового коменданта сохранились докладные записки о них, оставленные самим Треповым или Дурново. 12(25) числа из сводки событий в Санкт-Петербурге и Москве, подготовленной дворцовым комендантом на основе сведений, полученных от управляющего МВД, Николай II узнал о разгроме типографии И.Д. Сытина (руководствуясь дан-

⁴⁴ Высший подъем... С. 687.

⁴⁵ Дневники императора Николая II. С. 75.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2603. Л. 237.

ными, представленными московским градоначальником бароном Г.П. Медемом, Дурново и Трепов пребывали уверенности, что она полностью разрушена, а «все находившиеся в оном [здании] погибли»), постепенном спаде накала баррикадных боев (в документе специально указывалось, что «открытых столкновений» дружинников с полицией и войсками не было, революционеры перешли к тактике нападений на отдельных солдат и городских и фактически отказались от обороны выстроенных баррикад). Также в данной записке упоминалось о распоряжениях, отданных Дурново московскому градоначальнику, о «разгроме» «парка конно-железных дорог, что около Яузы» (видимо, речь шла о Покровском парке конно-железных дорог), где, по сведениям Медема, «забаррикадировались» 3 тысячи рабочих (очевидно, барон сообщил Санкт-Петербургскому начальству непроверенную информацию: одним из центров революционного движения в период Декабрьского восстания был Миусский трамвайный парк, о чем Медем доложил генерал-губернатору Дубасову уже 13(26) декабря⁴⁷), и о принятии «той же меры» в отношении студенческого общежития» на Малой Бронной улице⁴⁸.

13(26) числа Трепов доложил Николаю II известие, сообщенное никем иным, как С.Ю. Витте, — о принятии конференцией 29 железных дорог (органом, объявившим с 7(19) декабря проведение железнодорожной стачки) решения о прекращении забастовки «ввиду громадных жертв, понесенных в Москве», причем отмечался далеко не всеобъемлющий характер стачки, в стороне от которой остался ряд железнодорожных узлов. О положении в Москве в этой докладной записке говорилось, что «баррикады снимаются», но вокзалы (за исключением Николаевского) по-прежнему находятся в руках «мятежников»⁴⁹. Судя по записям в камер-фурьерском журнале, Николай II принял Трепова в 4-м часу дня и половине 11-го часа вечера⁵⁰, что позволяет скептически отнестись к вышеупомянутому свидетельству Витте о дневном звонке в Царское Село, содержащему в очерке 1909 г.

Учитывая вышеизложенное, вполне обоснованными представляются впечатления императора о событиях в Первопрестольной столице за 12–13 числа, зафиксированные им на страницах дневника: «В Москве после крупных столкновений начались мелкие стычки и внезапные нападения на войска. Потери всё еще не выяснены»⁵¹.

---

⁴⁷ Высший подъем... С. 686–686.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 35–35 об.

⁴⁹ Там же. Л. 36.

⁵⁰ Там же. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 554 об.

⁵¹ Дневники императора Николая II. С. 75.

Таким образом, 10–13(23–26) декабря 1905 г., в разгар Декабрьского вооруженного восстания, император Николай II постоянно получал о нем информацию, что, казалось бы, позволяет согласиться с мнением А.И. Куксина, и выражал обеспокоенность ситуацией (не ограничивавшуюся простым интересом к событиям). Однако дошедшие до него сведения в целом имели односторонний характер: царю докладывали о громадных потерях революционеров (до 10 000 человек), постепенном затухании борьбы с их стороны и успехах правительственных сил. Об объективно существовавших трудностях, с которыми столкнулась московская власть (малочисленность войск и полиции, не позволявшая взять под контроль огромный город с полутораmillionным населением), монарху не сообщали в сколько-нибудь целостной форме. В подобной ситуации император не мог не прийти к заключению о вполне благополучных перспективах борьбы с московской «революцией», выражая заинтересованность главным образом численностью убитых дружинников, что должно было помочь ему составить более верное представление о потенциале революционного движения. Таким образом, более близкой к истине представляется догадка В.Н. Сторожева, хотя, как было показано выше, «многое», о чем император не знал или имел превратное представление, имело весьма конкретную привязку: численность военно-полицейских сил и погибших революционеров. Если же говорить о своеобразии восприятия монархом московских событий, то следует вновь отметить стремление Николая II доверить разрешение конкретных вопросов ответственным за них лицам, а самому сохранить лишь общий контроль над их деятельностью: император так и не выразил желания переговорить с Дубасовым напрямую.

С чем была связана односторонность информации, получаемой главой государства?

Прежде всего, малая численность правительственных сил в Москве (так, городских, на момент восстания находившихся при исполнении служебных обязанностей, насчитывалось 1865 человек⁵², а пехотинцев, непосредственно участвовавших в «деле» против революционеров, — 1350 штыков⁵³) и их дезорганизованность (в ряде полицейских участков городские и околоточные оказались фактически в осаде из-за строительства баррикад⁵⁴) приводила к плохой

---

⁵² Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции / Публикация И.В. Говорова // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 183.

⁵³ Высший подъем... С. 751.

⁵⁴ «Дежурные» дневники московского градоначальства. 25 сентября — 2 января 1906 г. // Материалы по истории революции 1905–1907 гг. / Под ред. И.С. Лесковой, Э.С. Коган. М., 1967. С. 117–119.

осведомленности местных властей о численности и боевом потенциале своих противников. В условиях использования дружинниками тактики партизанской войны (манёвренных действий небольшими группами) это крайне затрудняло формирование у московского начальства адекватного представления о реальных возможностях революционеров и побуждало многократно преувеличивать их. Не только в приведенных донесениях в МВД, но и в переписке друг с другом руководители московской администрации оперировали астрономическими цифрами в отношении численности дружинников: достаточно привести донесение Медема Дубасову от 13(26) декабря, будто в Миусском трамвайном парке сосредоточилось 2000 рабочих (в то время как на следующий день его обороняли от войск около 13 человек)⁵⁵. Подобные представления были широко распространены и в московском обществе: один домовладелец 12(25) декабря уверял Е.Я. Кизеветтер (жену известного историка и деятеля конституционно-демократической партии), что ему «известно из самого достоверного источника» о гибели 8000 революционеров (хотя, судя по дневнику этой же свидетельницы событий, в равной мере по городу циркулировали толки об огромных потерях в рядах войск)⁵⁶.

Не все московские руководители страдали подобной «гигантоманией» цифр: генерал-губернатор Дубасов (в вышеприведенных донесениях) и исправлявший должность губернатора В.Ф. Джунковский либо не сообщали в Петербург конкретных цифр, либо докладывали о незначительных потерях в «мятежных» рядах (глава губернии сообщал сестре Е.Ф. Джунковской, состоявшей при великой княгине Елизавете Фёдоровне, находившейся в то время в Царском Селе, о гибели всего 50 дружинников⁵⁷).

Однако вне зависимости от того, докладывали ли эти руководители в Петербург о массовом истреблении революционеров или нет, они, то ли в силу плохой осведомленности, то ли из стремления представить свои действия в более выгодном свете, изображали в донесениях борьбу с революционерами в оптимистичном ключе. Из вышеприведенных сообщений Дубасова по тональности выбиваются лишь телеграмма от 10(23) декабря, свидетельствующая о его затруднениях в плане характеристики ситуации, письмо великому князю Николаю Николаевичу с просьбой о присылке подкреплений

---

⁵⁵ Высший подъем... С. 678; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 194.

⁵⁶ Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. Вып. V. М., 1994. С. 341.

⁵⁷ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1913 гг. М., 2018. С. 189; Записки графини Е.Л. Камаровской // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. Документальные свидетельства. С. 91.

и телефонный разговор с П.Н. Дурново вечером 11(24) числа, в ходе которого глава Москвы открыто демонстрировал тревогу. Однако уже на следующий день, беседуя с управляющим МВД, он деловито сообщал о принятых мерах: «превосходном» действии «стражи», которая «разобрала баррикады», о «деятельной» разработке плана взятия студенческого общежития на Малой Бронной (осуществленного на следующий день)⁵⁸, о захвате «60 членов боевой дружины в Богородске». Присылки подкреплений генерал-губернатор уже не требовал (видимо, удовлетворившись извещением, что в Москву выслан Ладожский полк) и лишь просил «дать» ему для организации следственных действий одного из ведущих специалистов в области политического сыска — П.И. Рачковского. Единственно, глава Москвы сообщал, видимо, в ответ на переданный Дурново запрос императора, что «привести в известность потери трудно». Подобная информация в сочетании с другими переданными им известиями вряд ли могла вызвать у адресатов серьезное беспокойство⁵⁹. Очевидно, что такие сообщения должны были оказывать на императора успокаивающее действие, особенно на фоне сложной обстановки во всей империи.

Сыграла роль и упоминавшаяся выше неосведомленность руководства страны о реальной численности московского гарнизона. Этим объясняется искреннее удивление, которое она вызвала у командира лейб-гвардии Семёновского полка полковника Г.А. Мина и генерал-лейтенанта барона Г.К. Штакельберга, прибывших в Первопрестольную столицу вместе с подкреплениями 15(28) декабря⁶⁰.

Наконец, поведение одного из самых доверенных лиц императора в 1905–1906 гг., дворцового коменданта Д.Ф. Трепова, также вызывает вопросы. Явно фантастические сведения о численности уничтоженных дружинников, доложенные Николаю II 10(23) декабря, Трепов, по свидетельству Е.Ф. Джунковской, активно сообщал придворной публике в Царском Селе, заверяя, что получил их от Дубасова⁶¹. Согласно записи в дневнике известного мыслителя-неославянофила А.А. Киреева, близкого к придворным кругам, подобную информацию дворцовый комендант распространял и позднее (сам Киреев квалифицировал ее не иначе, как «несомненно, вздор») ⁶². И после того, как император справедливо усомнился в колоссальной

---

⁵⁸ Высший подъем... С. 682.

⁵⁹ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 51.

⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 15; РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 365.

⁶¹ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т. 1. С. 189.

⁶² Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 гг. М., 2010. С. 110.

цифре убитых революционеров, Трепов продолжал сообщать об их громадных потерях в ходе баррикадных боев. Дочь члена ЦК партии «Союз 17 октября» графиня Е.Л. Камаровская записала в дневнике со слов своей подруги М. Степановой, чей дядя, полковник М. П. Степанов, состоял при великой княгине Елизавете Фёдоровне, о сообщении дворцовым комендантом царю, что было «убито сегодня (какого конкретно числа, автор дневника не указала. — М. А.) до 3 т[ысяч] революционеров и до 5 т[ысяч] — взято арестовано» (в итоге это оказалось в разительном противоречии с данными, сообщенными Джунковским)⁶³. Подобная настойчивость могла бы быть объяснена беспокойством за жизнь царя и безопасность в империи, страхом перед ростом революционного движения. Однако этому противоречит сообщение Е.Ф. Джунковской в письме брату о злорадном настроении дворцового коменданта⁶⁴. Данное свидетельство (в достоверности которого нет веских причин усомниться) приобретает особое значение в свете хорошо известных фактов политической биографии Трепова за 1905 г.: последовательно демонстрируемой враждебности во второй половине года по отношению к земским съездам, организации вместе с братом Владимиром, И.Л. Горемыкиным и А.В. Кривошеиным кружка, деятельность которого была направлена против Витте и его политической программы (вскоре после своего назначения управляющим МВД к этому сообществу примкнул П.Н. Дурново)⁶⁵. Не исключено, что под влиянием данных факторов Трепов в декабрьские дни развернул бурную деятельность по информированию придворных кругов о «московской революции», по свидетельству Е.Ф. Джунковской, злорадно приговаривая, что «доигрались земцы»⁶⁶. Вполне возможно, что дворцовый комендант под влиянием товарищей по политическому кружку пытался дискредитировать представителей либеральной общественности, проложивших дорогу «смуте», и Витте, сделавшего ставку на сотрудничество с ними. При этом, естественно, нельзя исключать и случайности подобной линии поведения: так, В.И. Гурко свидетельствовал об особой эмоциональности Д.Ф. Трепова, а

⁶³ Записки графини Е.Л. Камаровской. С. 91.

⁶⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т. 1. С. 189.

⁶⁵ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. 2-е изд. М., 2006. С. 483; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 399–402, 453–454; Любимов Д.Н. Русское смутное время. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. 1902–1906. М., 2018. С. 313–314; Либеральное движение в России. 1902–1905. М., 2001. С. 523–525.

⁶⁶ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т. 1. С. 189.

цифра в 10 000 убитых революционеров фигурировала и в мемуарах начальника канцелярии МВД Д.Н. Любимова⁶⁷. Безусловно, окончательное решение данного вопроса зависит от выявления новых источников. Но, так или иначе, настойчивое завышение численности погибших революционеров главным докладчиком дел императору в декабрьские дни укрепляло в монархе уверенность в благополучном исходе «московской смуты».

Почему Николай II все-таки распорядился ночью с 13(26) на 14(27) декабря отправить войска в Москву? Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно выяснить, какую информацию о московских событиях император получил 13 числа.

После 11 часов утра царь принимал военного министра Редигера с обычным докладом⁶⁸. Генерал доложил Николаю II телеграмму от командующего войсками МВО Малахова, отправленную 11(24) и полученную в Военном министерстве 12(25) декабря (из-за временного прекращения действия московского телеграфа), о катастрофическом положении московского гарнизона (согласно ей, возможно было выделить лишь по 13 рот пехоты 24-рядного состава для действий против «мятежников» и охраны разных объектов, а кавалерия и артиллерия находились «в наряде» бессменно)⁶⁹. И хотя в дневнике Николай II ни словом не обмолвился о приеме Редигера⁷⁰, видимо, впервые полученные четкие данные о непростом положении, в коем оказались войска в Москве, произвели на него впечатление: на телеграмме Малахова исправлявший должность начальника Главного штаба генерал-майор А.А. Поливанов в тот же день наложил резолюцию, содержащую распоряжение запросить в Управлении военных сообщений Главного управления Генерального штаба сведения о прибытии в Москву 16-го Ладожского пехотного полка, отправленного из Царства Польского 12(25) декабря⁷¹.

К вечеру 13 числа в Москве стало известно, что в ближайшее время Ладожский полк прибыть не сможет из-за забастовки на Московско-Брестской железной дороге, вследствие чего Дубасов в 21 час 10 минут обратился с телеграммой непосредственно к императору. В.Н. Сторожев поставил в один ряд факты ее получения в Царском Селе и принятия решения о посылке Семёновского полка в Москву, однако не воссоздал контекста этих событий и воздержался от анализа содержания телеграммы, ссылаясь на то, что текст не был де-

---

⁶⁷ Гурко В.И. Указ. соч. С. 400; Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 353.

⁶⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 554; Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 545, 550.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 191.

⁷⁰ Дневники императора Николая II. С. 75.

⁷¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 191.

шифрован⁷². Н.В. Шатина привела содержание послания в диссертации, посвященной истории борьбы московской администрации с революционным движением 1905–1907 гг., однако тоже не ставила вопрос, почему именно эта телеграмма сыграла решающую роль в истории отправки подкреплений в Москву⁷³. Между тем в «решительной телеграмме» (как ее охарактеризовал В. Н. Сторожев, не раскрывая ее содержания) Дубасов извещал Николая II о задержке прибытия Ладожского полка в Москву и «убедительно просил» срочно выслать из Санкт-Петербурга бригаду пехоты; в противном случае, по его заверению, «положение делается тяжелым»⁷⁴. Получив эту телеграмму, Николай II, уже извещенный о малочисленности московского гарнизона, должен был сделать вывод, что его необходимо в ближайшее время усилить войсками, расквартированными именно в северной столице. По всей видимости, обсуждение послания Дубасова и стало предметом экстренной встречи императора с дворцовым комендантом в 22 часа 30 минут (примерно час с небольшим должен был потребоваться для доставки и получения телеграммы из Москвы на Высочайшее имя, ее дешифровки, донесения Трепову и т.д.). Можно утверждать с высокой долей вероятности, что в результате обсуждения сложившейся ситуации в Москве Николай II и повелел составить «записочку» великому князю Николаю Николаевичу об отправке подкреплений из числа частей, представлявшихся императору в Царском Селе, которую должны были доставить во дворец главнокомандующего войсками гвардии и ПВО на Петербургской стороне как раз за полночь⁷⁵. Косвенным подтверждением того, что Николай II принимал итоговое решение под влиянием новых сведений о состоянии московского гарнизона, является сообщение им матери в письме от 15(28) декабря, что «Дубасов настоятельно просил о помощи, потому что московский гарнизон совсем измучился» и что генерал-губернатор «надеется с прибытием двух свежих полков быстро раздавить революцию»⁷⁶.

Любопытно, что, несмотря на получение информации о тяжелом состоянии московского гарнизона, император, видимо, продолжал считать не менее важной причиной просьбы о присылке подкреплений (а быть может, и решающей) нераспорядительность московского

---

⁷² Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 73.

⁷³ Шатина Н.В. Указ. соч. С. 129.

⁷⁴ Революция 1905 года и самодержавие. С. 181.

⁷⁵ О записке царя на имя великого князя упоминает и Г.О. Раух в воспоминаниях, написанных в эмиграции (ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об.). Впрочем, в дневнике, синхронном описываемым событиям, о записке нет ни слова (Дневник Г.О. Рауха. С. 90).

⁷⁶ Переписка императора Николая II. С. 569.

военного начальства, в которой он убедился во время бунта в Ростовском полку. Так, он сообщал матери: «...начальство очень вяло, а главное — Малахов очень стар»⁷⁷.

При этом есть основания полагать, что рассказ, изложенный в мемуарном очерке С.Ю. Витте 1911 г. также имел отношение к действительности, поскольку премьер ночью с 13 на 14 декабря на самом деле находился во дворце великого князя Николая Николаевича. Можно предположить две версии развития событий. Либо Николай II и Трепов по каким-то причинам поручили Витте донести до великого князя волю императора (что представляется сомнительным, так как председателя Совета министров в этот день не было в Царском Селе; царю же было намного удобнее обратиться к двоюродному дяде по телефону или посредством отправки посланца с «записочкой»), либо обеспокоенный Дубасов все-таки обратился к премьеру по телефону, в итоге чего сам Витте связался с Треповым и сообщил о просьбе московского генерал-губернатора. По всей видимости, дворцовый комендант, тесно общавшийся с царем в эти дни, участвовавший в совещании с ним и великим князем Николаем Николаевичем 11(24) декабря и знавший намерения монарха, изложил премьеру мнение Николая II по этому поводу (тем паче, что ранее оно было зафиксировано в резолюции на докладе Малахова о бунте в Ростовском полку). Затем Витте позвонил великому князю, добился согласия на аудиенцию и отправился к нему, причем, по словам премьера, это произошло около 10 часов вечера⁷⁸. Между тем ознакомление Николая II с телеграммой Дубасова во время приёма Трепова в 22 часа 30 минут как раз должно было кардинально изменить мнение царя по вопросу оказания помощи московским властям, результатом чего стала отправка «записочки» на имя великого князя (Витте, который не знал о совещании императора с Треповым, данный шаг фактически трактует как иррациональный).

В эмигрантской мемуарной литературе возникали альтернативные версии принятия решения об отправке подкреплений в Москву: решающее значение приписывалось либо всеподданнейшему докладу С.Ю. Витте (Г.О. Раух)⁷⁹, либо уговорам П.Н. Дурново (данное представление отстаивали бывшие подчиненные главы МВД Д.Н. Любимов и А.В. Герасимов)⁸⁰. Ни одна из этих версий не

---

⁷⁷ Там же

⁷⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 401.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об. Этого же мнения Раух придерживался и в декабре 1905 г. (Дневник Г.О. Рауха. С. 90).

⁸⁰ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 351–352; Герасимов А.В. На лезвии с террористами // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 192.

имеет под собой достаточных оснований: Николай II в период с 8 по 14 декабря не принимал ни Витте, ни Дурново⁸¹; управляющий МВД действительно сыграл роль в отправке войск в Москву, но не Семёновского, а Ладожского полка, обратившись с отношением о необходимости посылки подкреплений в Первопрестольную столицу к военному министру Редигеру⁸². 12(25) декабря Дурново получил телеграмму от Дубасова о необходимости оказания московской администрации военной помощи⁸³, но предпринял ли он какие-либо шаги на этот раз — неизвестно.

Помимо принятия решения о посылке подкреплений в Москву Николай II практически не участвовал в руководстве подавлением Декабрьского восстания. 15(28) декабря он одобрил предложение управляющего МВД о предании захваченных революционеров военному суду⁸⁴, в чем, видимо, определенную роль сыграл А.А. Будберг, заявивший царю, что в Москве «нужно действовать еще интенсивнее» (чем в Прибалтике. — М.А.), так как «нужен пример на всю Россию»⁸⁵. Впрочем, Дубасову в скором времени удалось добиться фактической отмены этого решения⁸⁶. Также 17(31) декабря Николай II повелел запретить носить военный мундир и лишить пенсии отставного генерал-майора П.В. Аверьянова — одного из лидеров забастовавших городских служащих⁸⁷.

Таким образом, по вопросу, имеющему особую важность для исхода Декабрьского вооруженного восстания в Москве, — о присылке местным властям военных подкреплений из Санкт-Петербурга — император Николай II долго не мог принять определенного решения вследствие, прежде всего, своей плохой осведомленности о состоянии гарнизона Первопрестольной столицы и характере революционного движения (монарх получал сведения об очень больших потерях дружинников). Причины неполноты знаний царя об обстановке в Москве были достаточно серьезными: недостаточная информированность о происходившем самих московских властей вследствие слабости административного аппарата, их стремление представить положение и собственные действия в более благоприятном свете, чем это было в действительности, недостатки в организации военной силы (отправка большей части гарнизона на Дальний Восток

---

⁸¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 525–554.

⁸² РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 184.

⁸³ Высший подъем... С. 676.

⁸⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 93. Л. 12.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 859. Оп. 1. Д. 11. Л. 11 об.

⁸⁶ Революция 1905 года и самодержавие. С. 41–42.

⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 8.

из-за отсутствия подготовленных резервов, использование значительной части солдат на нестроевые нужды и т.д.), возможно, борьба в правительственных верхах, заставлявшая ее участника дворцового коменданта Д.Ф. Трепова сообщать царю сведения, которые могли бы скомпрометировать С.Ю. Витте.

В декабрьские дни ярко проявилась такая черта стиля руководства Николая II, как стремление возложить решение текущих политических задач на исполнителей: представляя обстановку в Москве со слов Трепова и П.Н. Дурново и не воспринимая ее как критичную, он не считал нужным вмешаться в ход событий и запросить сведения о ситуации в Москве лично (хотя вплоть до 13(26) декабря не был удовлетворен сообщенными ему сведениями о потерях в рядах революционеров), хотя и «держал руку на пульсе». Возможно, в оттягивании Николаем принятия решения об отправке войск сыграло роль и нараставшее на протяжении 1905 г. его недовольство действиями представителей властного аппарата, которых он упрекал в безынициативности и уступчивости. В целом, во время Московского восстания рельефно проявился негативный эффект от отсутствия «объединенного правительства»: решение вопросов военного характера зависело не от Совета министров, члены которого могли бы выработать согласованные меры для противостояния «мятежу» и добиться претворения их в жизнь, а от императора, получавшего неполную информацию и прислушивавшегося к мнению санкт-петербургских военных (глава ПВО великий князь Николай Николаевич выступал как сила, практически не подконтрольная Военному министерству). В результате решение о подкреплениях было принято лишь 13(26) декабря, после того как в результате «энергичных мер» московских властей, принятых в условиях слабости собственных силовых ресурсов, уже погибли сотни москвичей.

Список литературы

Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. 2-е изд. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 733 с.

Куксин А.И. Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века (1904–1913 гг.): По материалам Московского военного округа. Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГПУ, 2001. 230 с.

Мельников А.Б. Революционное движение в войсках московского гарнизона в период Декабрьского вооруженного восстания // Исторические записки. Т. 49. М., 1954. С. 265–298.

Первая революция в России. Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.

Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний / Под ред. Н. Овсянникова (Материалы по истории пролетарской революции. Сборник 3-й). М.: Государственное издательство, 1920. С. 60–207.

Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией (На примере Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский государственный историко-архивный институт, 1989. 227 с.

Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М.: Госполитиздат, 1957. 549 с.

Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1985. IX, 334 p.

Sanders J. The Uprising of December 1905. New York: Garland, 1987. 886 p.

Поступила в редакцию
25 февраля 2022 г.

М.В. Ходяков, Сунь Ичжи

ЧУМА В МАНЬЧЖУРИИ: РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ ЭПИДЕМИИ НА КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В 1910–1911 гг.

M. V. Khodyakov, Sun Yizhi

PLAGUE IN MANCHURIA: RUSSIAN PUBLIC OPINION ON THE EPIDEMIC ON THE CHINESE EASTERN RAILWAY IN 1910–1911

Аннотация. Эпидемия чумы в Маньчжурии и полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги в 1910–1911 гг. была предметом изучения специалистов различного профиля на протяжении многих лет. Вместе с тем в отечественной литературе откровенно слабо была представлена точка зрения китайских ученых на причины распространения и ход эпидемии, на участие в ее локализации китайских медиков. Общественное мнение, которое нашло отражение в российской прессе и на заседаниях Государственной думы, также не в полной мере представлено в существующих исследованиях. С целью восполнить историографический пробел авторы обратились к материалам медицинских отчетов начала XX в., документам Российского государственного исторического архива, стенографическим отчетам Государственной думы, периодической печати, воспоминаниям китайского медика — «борца с чумой» доктора У Ляньдэ. В результате анализа данных ма-

---

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Khodyakov Mikhail Viktorovich, Doctor in History, Professor, Head of the Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University

+7-812-328-94-47; m.khodyakov@spbu.ru

Сунь Ичжи, лаборант-исследователь кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Sun Yizhi, Research Assistant, Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University

+7-960-268-27-86; yizhisun961203@gmail.com

Исследование выполнено за счет средств проекта РНФ № 22-28-01350 «Колонизация Дальнего Востока и Маньчжурии в правительственных документах, публицистике и периодике России и Китая 1894–1920 гг.»

The study was supported by the research grant N 22-28-01350 “Colonization of the Far East and Manchuria in Russian and Chinese Government Documents, Journalism and Periodicals, 1894–1920” of the Russian Science Foundation.

териалов авторы пришли к выводу о том, что эпидемия чумы 1910–1911 гг., унесшая жизни более 100 тыс. человек на северо-востоке Китая и на КВЖД, не была неожиданностью для российских медиков. Локальные вспышки чумы фиксировались ими и ранее. Однако то, что произошло осенью 1910 г., застало врасплох администрацию всех уровней, как в России, так и в Китае. К стремительному распространению чумы от российского Забайкалья до южных провинций Китая привело отсутствие системы противочумных организационных мер и обученного медицинского персонала. Призывы сибирской группы депутатов Государственной думы выступить на борьбу с чумой «всем миром» были встречены без большого энтузиазма. Российская пресса также пыталась акцентировать внимание на острой проблеме. На страницах газет на рубеже 1910–1911 гг. регулярно появлялась информация о гибели в Маньчжурии тысяч людей. В конечном итоге в результате огромного напряжения сил медиков, привлечения серьезных финансовых ресурсов, прежде всего российских, эпидемия была остановлена. На территорию России чума не проникла.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, борьба с чумой, эпидемия, общественное мнение, Маньчжурия, санитарные меры, китайские медики

Abstract. The plague epidemic in Manchuria and the Chinese Eastern Railway right-of-way in 1910–1911 has for many years been a subject of study by scholars in various fields. At the same time, the views of Chinese researchers on the causes of the spread and course of the epidemic, and on the participation of Chinese medics in its localization, were poorly presented in the Russian literature. Public opinion, which was reflected in the Russian press and sessions of the State Duma, is also not fully covered in studies. In order to fill the historiographic gap, the authors examine medical reports of the early twentieth century, documents of the Russian State Historical Archive, stenographic reports of the State Duma, periodicals and memoirs of the Chinese physician, “fighter against plague”, Wu Lien-teh. They conclude that the plague epidemic in 1910–1911, which took the lives of more than 100,000 people in northeast China and Chinese Eastern Railway area, was not unexpected for Russian medical experts, who had recorded local outbreaks of plague before. However, what occurred in the autumn of 1910 took the administration at all levels, both in Russia and China, by surprise. The absence of a system of anti-plague organizational measures and trained medical personnel resulted in the rapid spread of plague from Russian Transbaikalia to the southern provinces of China. Calls from a Siberian group of deputies to the State Duma to fight against the plague all together were met with little enthusiasm. The Russian press also tried to focus on this urgent problem. Thousands of deaths in Manchuria were announced regularly on the pages of newspapers at the turn of 1910–1911. It was due to the tremendous effort on the part of medical workers and substantial financial resources, mainly Russian, that the epidemic was finally brought to a halt. The plague did not penetrate into Russian territory.

Keywords: Chinese Eastern Railway, plague control, epidemic, public opinion, Manchuria, sanitary measures, Chinese medics.

Введение

Об эпидемии чумы 1910–1911 гг., унесшей жизни свыше 100 тыс. человек в Маньчжурии и полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), написано немало. Первыми результаты вспышек болезни на восточных окраинах империи зафиксировали российские медики. В частности, старшим врачом строительного управления доктором М.И. Полетикой еще в 1904 г. было опубликовано приложение к общему медицинскому отчету по постройке КВЖД¹, в котором говорилось о санитарных мерах, принимавшихся администрацией дороги по борьбе с чумой. После начала очередной эпидемии, разразившейся осенью 1910 г., медицинскими работниками были подготовлены обзорные публикации о зарождении и развитии эпидемии², которые впоследствии использовались в трудах историков медицины³. Работа в данном направлении не прекращается до сегодняшнего дня⁴.

Не обошли стороной проблему и западные исследователи⁵. При всем многообразии литературы, посвященной эпидемии чумы в Маньчжурии, обращает на себя внимание несколько обстоятельств. Прежде всего, отечественные авторы весьма скупо описывали участие в ликвидации этого бедствия иностранных

---

¹ Полетика М.И. Чума в Инкоу и его окрестностях. Приложение к общему медицинскому отчету по постройке Китайской Восточной железной дороги. СПб., 1904.

² Касторский Е.С. Эпидемия легочной чумы на Дальнем Востоке 1910–1911 гг. и меры борьбы с нею. Иркутск, 1911; Бозуцкий В.М. Эпидемия чумы в Харбине и его окрестностях в полосе отчуждения КВЖД. 1910–1911 гг. Медицинский отчет о деятельности противочумного бюро. Ч. 1–2. Харбин, 1911; Хмара-Борщевский Э.П. Чумные эпидемии на Дальнем Востоке и противочумные мероприятия управления КВЖД. Харбин, 1912.

³ Блохина Н.Н. Борьба с эпидемией чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг. // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2010. № 5. С. 60–63; Хохлов А.Н. Эпидемия чумы в Харбине в 1910–1911 гг. // Общество и государство в Китае: 42-я научная конференция. Т. XLII, ч. 3. М., 2012. С. 160–175.

⁴ Ратманов П.Э. Медицинское обеспечение строителей Китайской Восточной железной дороги // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2008. № 6. С. 53–56; Ратманов П.Э. Из истории борьбы русских врачей с эпидемией чумы в Маньчжурии в 1899 г. // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. 2009. № 14. С. 146–149; Ратманов П.Э. Маньчжурская чума 1910–1911 гг. в газетных карикатурах (часть 1) // История медицины 2017. Т. 4. № 2. С. 161–173; Ратманов П.Э. Маньчжурская чума 1910–1911 гг. в газетных карикатурах (часть 2) // История медицины 2017. Т. 4. № 3. С. 280–291; Ратманов П.Э., Уотши С., Чаевски Е. Польские врачи в Харбине (первая половина XX в.) // История медицины 2019. Т. 6. № 2. С. 93–108.

⁵ Chernin E. Richard Pearson Strong and the Manchurian epidemic of pneumonic plague, 1910–1911 // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1989. N 44. P. 296–319; Summers W.C. The Great Manchurian Plague of 1910–1911: The Geopolitics of an Epidemic Disease. New Haven, Conn., 2012.

специалистов. Исключение в данном отношении представляет собой книга советского и французского профессоров-медиков, опубликованная еще в начале 1970-х гг.⁶ Несмотря на то что работа была рассчитана на широкий круг читателей, в чрезмерно критических тонах повествовала о мерах по борьбе с чумой, предпринимавшихся царским правительством, она представляет научный интерес и сегодня.

Заметим, что многие авторы, писавшие о чуме в Маньчжурии и на КВЖД, обходили молчанием вклад китайских специалистов в дело локализации эпидемии. Единственная в своем роде статья, которая отчасти меняла ситуацию, была опубликована несколько лет назад⁷. В ней предпринята попытка показать вклад китайского доктора У Ляньдэ в разработку эффективных противочумных мероприятий, которые позволили взять под контроль развитие масштабной эпидемии чумы. Однако авторы публикации ограничились оценкой общего санитарного состояния дел в Маньчжурии, отметив лишь, что приглашенный центральным правительством Цинской династии выпускник Кембриджского университета 1905 г. доктор У Ляньдэ (Wu Lien-Teh, Wu Liande), являвшийся в тот период вице-президентом Военно-медицинской школы в Тяньцзине, прибыл в Харбин 11(24) декабря 1910 г. с чрезвычайными полномочиями для организации борьбы с эпидемией чумы⁸. Указание на то, что спустя четверть века, в 1935 г., «за исследования легочной чумы и особенно роли сурков-тарбаганов в ее передаче» доктор У Ляньдэ, «борец с чумой», был номинирован на Нобелевскую премию по медицине и физиологии, мало что добавляет к общеизвестным фактам.

В настоящей статье авторы, опираясь на материалы РГИА, в фондах которого отложились документы об участии представителей властных структур России в противочумных мероприятиях на КВЖД, а также на стенографические отчеты заседаний Государственной думы, периодическую печать рассматривают отношение российского общества к масштабной эпидемии. При этом особое внимание уделяется роли китайских медиков в реализации санитарных мероприятий в полосе отчуждения дороги.

---

⁶ Мартиневский И.Л., Молляре Г.Г. Эпидемия чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг. (героический подвиг русских и французских врачей в борьбе с ней). М., 1971.

⁷ Чжан Ц., Лю Я., Ратманов П.Э., Чжан Ф. Легочная чума в Северо-Восточном Китае в 1910–1911 годах и вклад доктора У Ляньдэ в борьбу с эпидемией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2018. Т. 13. Вып. 2. С. 207–214.

⁸ Там же. С. 209.

Китайский медицинский персонал в борьбе с чумой

Все ключевые работы У Ляньдэ были опубликованы на английском языке⁹. Но сведений о его вкладе в дело борьбы с чумой значительно больше в исследованиях, увидевших свет в Китае. В китайской историографии высоко оценили его деятельность в Харбине¹⁰. С точки зрения развития медицинской науки самым большим вкладом доктора У является быстрое определение источника чумы, введение в практику действующей и в настоящее время медицинской маски, ее обязательное ношение врачами при контакте с пациентами, а также начало кремации трупов погибших от чумы.

Сообщения о заболеваемости чумой на КВЖД стали поступать министру финансов (который ведал делами дороги в части ассигнования кредитов и надзора за их расходованием) уже в октябре 1910 г., в момент обнаружения первых заболевших¹¹. Тогда же заметки о распространении эпидемии начала публиковать российская пресса¹². Главным источником распространения чумы считался Фуцзядянь, располагавшийся вне полосы дороги и, следовательно, не попадавший в сферу контроля российской администрации. Численность населения города, по оценкам российских чиновников, составляла не менее 55 тыс. чел.¹³ Китайские ученые-медики во главе с У Ляньдэ

---

⁹ *Wu Lien-Teh. Investigations into the relationship of the tarabagan (Mongolian marmot) to plague // The Lancet. 1913. N 182 (4695). P. 529–535; Wu Lien-Teh. Note on the histology of some of the lesions found in pneumonic plague // The Journal of Pathology and Bacteriology. 1914. N 19. P. 1–32; Wu Lien-Teh, Ebersson F. Transmission of pulmonary and septicaemic plague among marmots // The National Medical Journal of China. 1916. N 2 (3). P. 6–13; и др. Подробный список научных работ У Ляньдэ см.: 陈雪薇 Чэнь Сюэвэй. 伍连德研究：经验 认同 书写 У Ляньдэ яньцзю: цзинянь, жэньгун, шусе (Изучение У Ляньдэ: опыт, идентификация, писание). Сингапур, 2014. С. 191–193. Воспоминания У Ляньдэ опубликованы на английском и китайском языках, см.: *Wu Lien-Teh. Plague Fighter: The Autobiography of a Modern Chinese Physician. Cambridge, 1959; 伍连德 У Ляньдэ. 鼠疫斗士——伍连德自述 Шуй доуши — У Ляньдэ цзишу (Борец с чумой — воспоминания У Ляньдэ): в 2 т. Чанша, 2011–2012.**

¹⁰ 孟九成 Мэн Цзюйчэн. 伍连德在哈尔滨 У Ляньдэ цзай Хээрбин (У Ляньдэ в Харбине). Харбин, 2018; 焦润明 Цзяо Жуймин. 清末东北三省鼠疫灾难及防疫措施研究 Цинмо дунбэй саньшэнь шуи цзайнань ци фани цоши яньцзюй (Чумная катастрофа в трех провинциях Северо-Востока в конце династии Цин и исследование по противочумной политике). Пекин, 2011; 礼露 Ли Лу. 发现伍连德——诺贝尔奖候选人华人第一人 Фасянь У Ляньдэ — Нобэйэрцзянь хоусюаньжэнь хуажэнь дибижэнь (Поиск У Ляньдэ — первый китаец — номинант Нобелевской премии). Пекин, 2010; 王哲 Ван Чжэ. 国士无双伍连德 Гоши ушуан У Ляньдэ (Неповторимый выдающийся ученый У Ляньдэ). Фучжоу, 2007 и др.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 730. Л. 76, 89–90 об., 113–113 об., 125–125 об.; и др.

¹² Новая жизнь. 1910. 16 окт., 17 окт., 28 окт.; Новый край. 1910. 25 окт., 29 окт.

¹³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Часть II. Заседания 39–73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.). СПб., 1911. Стлб. 207.

полагали, что чума началась на севере, в России и на российско-китайской границе¹⁴, а ее быстрое распространение в южном направлении было связано с непродуманной политикой русской администрации на местах, направленной на изгнание китайских рабочих (а не их изоляцию), а также с тем, что Россия вовремя не приостановила сообщение на КВЖД¹⁵. Популярная газета «Харбинский вестник» информировала своих читателей о том, что общественное управление совместно с китайским коммерческим обществом в Харбине «пригласило на борьбу с чумой в Фуцзянь двух врачей китайской национальности, окончивших курс медицинских наук в зарубежных университетах»¹⁶. Врачи были приглашены на оклад жалованья 250 руб. в месяц. Проезд и страхование жизни брало на себя общественное управление Фуцзяня. Для размещения больных организовывались два изоляционных барака. Восемь санитарных попечителей должны были заниматься улучшением санитарного состояния Фуцзяня. На борьбу с чумой даотай¹⁷ Юй обещал отпустить 10 тыс. руб. из казенных средств¹⁸.

Важную роль в деле борьбы с чумой играли китайские санитарные попечители. Правда, эту миссию они выполняли не по доброй воле, а по принуждению (под угрозой штрафа в 300 руб.). Несмотря на это, их работа в локализации эпидемии оказалась чрезвычайно важна: они были обязаны дважды в день осматривать все дома своего участка, выясняя у владельцев домов или квартирантов количество больных. Наиболее верным признаком болезни в доме считалось желание квартирантов переселиться на новое место¹⁹.

Отношение местного населения к врачам было противоречивым. Доктор М.И. Полетика, работавший на КВЖД с начала 1890-х гг., утверждал, что китайцы «... охотно пользуются нашими медицинскими средствами и сами легко обращаются за помощью; совершенно не доверяя своим китайским врачам, они верят нам...»²⁰ Однако сам У Ляньдэ отмечал, что до его прибытия в Харбин русские врачи в целом не сразу поняли, что происходит. В том числе, они считали, что ношение маски является «проявлением трусливости и непрофессионализма»²¹.

¹⁴ Воспоминания У Ляньдэ. Т. 1. С. 41.

¹⁵ Цзяо Жуймин. Чумная катастрофа в трех провинциях Северо-Востока в конце династии Цин и исследование по противочумной политике. С. 191.

¹⁶ Харбинский Вестник. 1910. 21 нояб.

¹⁷ Наместник губернатора.

¹⁸ Харбинский Вестник. 1910. 21 нояб.

¹⁹ Касторский Е.С. Эпидемия легочной чумы на Дальнем Востоке. С. 17.

²⁰ Полетика М.И. Чума в Инкоу. С. 47.

²¹ Воспоминания У Ляньдэ. Т. 1. С. 20.

В медицинском отчете доктора В.М. Богуцкого о деятельности противочумного бюро в Харбине отмечалось, что местное население чуждалось предлагаемых санитарных мер и относилось враждебно «как к русским врачам, так и к их советам и указаниям»²². Известно, что население Фуцзядяна по сути отвергло услуги российских врачей, объясняя это не только тем, что они не знают китайского языка, но и тем, что санитарная комиссия и городское самоуправление «... просили даотая Юй отказаться от русской врачебной помощи», поскольку они уже якобы направили телеграфные сообщения китайским врачам, хорошо знавшим европейскую медицину, в мукденскую, пекинскую и тяньцзинскую больницы²³.

Газета «Речь», характеризуя ход эпидемии в Фуцзядяне и Харбине, сообщала в начале января 1911 г. о прибытии из Пекина для борьбы с чумой восьми врачей-китайцев, одного француза, одного англичанина и 12 студентов Тяньцзинского университета: «Во главе отряда стоял врач-китаец, учившийся у Мечникова. Свою организацию китайцы устроили по образцу харбинской, имелась прекрасно оборудованная лаборатория...»²⁴. В действительности, согласно воспоминаниям У Ляньдэ, в Харбин до 7 января приехали следующие врачи: 24 декабря 1910 г. доктор У Ляньдэ с его помощником Линь Цзяжуй (林家瑞), 2 января 1911 г. — ведущий профессор Бэйянского медицинского училища (北洋醫學堂) француз Gérald Mesny (11 января умер от чумы из-за отказа от ношения маски), 4 января — китайские врачи Лян (梁), Лэй (雷) и Сыту (司徒), 6 января — доктор Gibb и Фан (方) и 10 студентов старшего курса из Бэйянского военно-медицинского училища (北洋軍醫學堂). Позже, 18 января, прибыли доктора Graham Aspland и Stenhouse и 3 студента, 26 января — отряд из 14 врачей, а 28 января — доктор Хоу (侯) и 10 студентов старшего курса из Бэйянского военно-медицинского училища. Именно эти медики стали костяком в борьбе с эпидемией чумы в Фуцзядяне²⁵.

Ряд китайских исследователей полагает, что причиной отказа местных жителей от услуг русских врачей стали радикальные действия русской администрации Харбина по отношению к китайцам. Так, в середине декабря 1911 г. МИД Цинского правительства получило сведение о том, что русские солдаты в Харбине, борясь с эпидемией, якобы расстреляли более 10 китайцев²⁶. В харбинском районе

---

²² Богуцкий В.М. Эпидемия чумы в Харбине. С. 1.

²³ Новая жизнь. 1910. 25 нояб.

²⁴ Речь. 1911. 7 янв.

²⁵ Воспоминания У Ляньдэ. Т. 1. С. 28.

²⁶ Цзяо Жуймин. Чумная катастрофа в трех провинциях Северо-Востока в конце династии Цин и исследование по противочумной политике. С. 191.

Мацзягоу (馬家溝) русские будто бы сожгли китайские дома, а в русском районе Харбина власть блокировала китайские здания, не обращая внимание на то, что у жителей этих домов не было еды и воды. Только с помощью местного китайского коммерческого общества жители остались живы²⁷. Такие действия администрации существенно снижали доверие китайцев к российским медикам.

Заседание русских врачей, состоявшееся в Харбине 30 января 1911 г., в тот момент, когда эпидемия шла на спад, развенчало один из мифов, который прочно утвердился в русском общественном сознании. Речь шла о мерах, принимаемых в отношении «низшего санитарного персонала» и использовании в этом качестве китайского населения. Доктор Г.И. Малов, рассказывая о положении дел на своем участке и «дурном поведении санитаров», подчеркнул, что ныне он оставил у себя только лучших русских санитаров в качестве инструкторов, «остальных заменил китайцами», и после этого дело с нижшим персоналом «надо считать вполне налаженным». Китайских санитаров он характеризовал с самой лучшей стороны, считая их «аккуратными, исполнительными, трезвыми и достаточно чистоплотными»²⁸. Доктор Кухтерин привел случай из своей практики, когда ему пришлось «совершенно отказаться от русских санитаров», и результат оказался положительным. Ветеринарный врач В.Е. Хуциев говорил о невысокой производительности труда санитаров-китайцев, но при этом о подчиненных ему санитарах отзывался одобрительно. Помощник главного врача КВЖД доктор Э.П. Хмара-Борщевский тогда же высказал отрицательное отношение к русским санитарам. Те из них, кто умер от чумы, за редким исключением характеризовались им не иначе, как «пьяницы и мародеры». Для того, чтобы сберечь жизнь русских санитаров, он предлагал всех их уволить²⁹.

Чума и российское общественное мнение

В начале 1911 г. вопрос об эпидемии чумы рассматривался в Государственной думе. На вечернем заседании 19 января 1911 г. было озвучено обращение группы депутатов Думы к министру внутренних дел: «Приняты ли Правительством необходимые меры для борьбы с чумной эпидемией и для предупреждения ее дальнейшего распространения в Сибири и вообще в пределах Империи?»³⁰. Однако выступить перед депутатами пришлось министру финансов В.Н. Кокцову. Он указал на то, что «нам грозит весьма существенная опас-

²⁷ Там же.

²⁸ *Богуцкий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине. С. 220.

²⁹ Там же. С. 220–227.

³⁰ Государственная дума. Стлб. 192.

ность» со стороны территории, по которой пролегла КВЖД. Одновременно с этим министр успокаивал депутатов, отмечая: «Чума не составляет вовсе нового явления в Китае вообще и в Манчжурии в частности, она возникает периодически и, можно сказать, едва ли проходит два или три года рядом без возникновения этих случаев»³¹.

В.Н. Коковцов рассказал и о больших затратах правительства на санитарные мероприятия: «Мы не жалели средств, не жалели не только на принятие непосредственных мер по оздоровлению, дезинфекции, организации врачебного надзора, но мы не жалели средств на организацию наиболее существенного приема, прежде всего рекомендуемого врачебной практикой, я разумею изоляцию и обсервацию. Тысячи китайцев были взяты из китайского поселка на станцию Манчжурия, были взяты на обсервацию, помещены в особые помещения, устроенные и отведенные Китайской ж. д., приняты были на наше содержание и отпущены были только тогда, когда заболевания в их среде прекратились»³².

Без сомнения, борьба с эпидемией требовала значительных финансовых расходов. Уже к началу января 1911 г. на противочумные мероприятия было затрачено около 260 тыс. руб.³³ Ежемесячные расходы, которые требовались на следующие полгода, оценивались министром финансов в 75–80 тыс. руб., а вместе с убытками от прекращения передвижения по КВЖД китайского населения — 110–120 тыс. руб. Всего на борьбу с эпидемией предполагалось потратить около 1 млн руб.³⁴ Финансовые расчеты В.Н. Коковцова оказались близки действительности. Правление Общества КВЖД, оценивая свой вклад в дело 6-месячной борьбы с эпидемией чумы в 1910–1911 гг., обозначило расходы, которые оно понесло: 1 369 109 руб. Из этой суммы 1 200 тыс. руб. были покрыты из остатков кредитов, ассигнованных по смете департамента железнодорожных дел, а остальные 169 103 руб. были возмещены из доходов по эксплуатации железной дороги³⁵.

Цинское правительство накануне своего падения также планировало потратить огромные средства на борьбу с чумой. Однако вместо предполагавшихся для этих целей 4 млн 700 тыс. лянов

---

³¹ Там же. Стлб. 198.

³² Там же. Стлб. 204.

³³ Согласно данным Международной конференции по борьбе с чумой, проведенной в Мукдене в апреле 1911 г., в Харбине с начала эпидемии до 20 января было потрачено 125 тыс. руб. См.: *Цзяо Жуймин*. Чумная катастрофа в трех провинциях Северо-Востока в конце династии Цин и исследование по противочумной политике. С. 204.

³⁴ Государственная дума. Стлб. 211.

³⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 728. Л. 10.

оно смогло выделить из таможенных налогов лишь 600 тыс. лянов. Для покрытия остальной суммы пришлось прибегнуть к внешним займам³⁶.

Выступавший с трибуны Государственной думы представитель Саратовской губернии граф А.А. Уваров, характеризуя действия российских властей по борьбе с эпидемией, заметил, что «... у нас чума существует в Европейской России почти в постоянной форме»³⁷. При этом он обращал внимание на то, что Министерство внутренних дел, в обязанности которого входило наблюдение за ходом эпидемий и борьба с ними, ничего не сделало для того, чтобы «уничтожить эту заразу» в Китае и не дать ей перекинуться в пределы России³⁸.

Особый интерес среди выступлений депутатов, прозвучавших 19 января 1911 г. при обсуждении мер по борьбе с эпидемией, представляли речи членов Сибирской парламентской группы: Ф. Н. Чиликина (от Амурской области), А.А. Войлошникова (от Забайкальской области), А.И. Шило (от Приморской области), В.И. Дзюбинского (от Тобольской губернии). Войлошников, например, оценивая меры правительства по борьбе с эпидемиями чумы, заметил, что наше правительство в этом вопросе «... всегда запаздывало, и эпидемия захватывала его врасплох, неподготовленным. Мероприятия велись крайне нецелесообразно, я бы сказал, прямо скверно»³⁹. Обращая внимание на условия жизни широких масс населения, депутат подчеркнул: «Санитарные условия Забайкальской обл., в частности у нас, казаков, в самом отвратительном состоянии. И на это ни Правительство, ни местная администрация ровно никакого внимания не обращают»⁴⁰.

Шило настаивал на том, что российское правительство должно принять все меры, направленные на ликвидацию чумы в Маньчжурии, даже «за чертой наших владений». Следуя опыту японцев, предъявивших китайскому правительству «категорическое представление», надлежало, по его мнению, решиться на аналогичный шаг, предупредив великого соседа о том, что Россия сама примет необходимые меры для обуздания эпидемии⁴¹.

Дзюбинский выступил с конкретным предложением, которое было направлено на то, чтобы Государственная дума наряду с при-

---

³⁶ Цзяо Жуймин. Чумная катастрофа в трех провинциях Северо-Востока в конце династии Цин и исследование по противочумной политике. С. 204.

³⁷ Государственная дума. Стлб. 215.

³⁸ Там же. Стлб. 216.

³⁹ Там же. Стлб. 222.

⁴⁰ Там же. Стлб. 224.

⁴¹ Там же. Стлб. 234–235.

нятием практических мероприятий по борьбе с чумой «возможно шире» поставила и научное изучение данного вопроса «путем посылки научной экспедиции» на Дальний Восток. Он полагал, что данная мера будет иметь не только общегосударственное, но и «чисто местное значение»⁴².

Все выступившие по данному вопросу представители Сибирской группы Государственной думы обращали внимание парламентариев на то, что борьба с чумой не является чисто местным делом — опасность может грозить любой пограничной территории, особенно учитывая скорость распространения эпидемии по железной дороге.

Российское правительство предпринимало серьезные усилия для того, чтобы изменить ситуацию к лучшему на всем протяжении КВЖД, а не только на ее западном участке. В январе 1911 г. «Правительственный Вестник» сообщал, что для борьбы с чумой только в Харбин было направлено 16 врачей, 10 студентов-медиков, 54 фельдшера и 194 санитары. Управление дорогой тогда же ходатайствовало об увеличении в Харбине численности медперсонала: дополнительно врачей — 16, студентов-медиков — 10, фельдшеров — 40 человек. В целом на КВЖД (в том числе в Заамурском округе) в тот момент имелось 66 врачей и 210 фельдшеров. С началом эпидемии к ним присоединились 8 врачей, 84 фельдшера, 10 студентов-медиков Томского университета и 246 санитаров. Помимо этого, исполняющий обязанности начальника Заамурского округа ходатайствовал о направлении в округ 6 врачей и 50 фельдшеров⁴³. Однако вербовка медицинских кадров для работы в Китае оказалась делом непростым. По данным правления Общества КВЖД, врачи не только запрашивали высокое жалованье (1 тыс. руб. в месяц), но также «подъемные» и «проездные» деньги (1 тыс. руб.). Кроме того, они стремились застраховать свою жизнь на значительные суммы (до 20 тыс. руб.)⁴⁴. Не случайно, что ни один из сибирских городов не позаботился о том, чтобы командировать в Харбин своих врачей для практической подготовки и ознакомления с эпидемией и противочумными мерами. Там работал и знакомился с постановкой дела только один врач из далекого Муромы, командированный на КВЖД муромским земством⁴⁵.

Гибель тех, кто выполнял свой профессиональный долг, вызвала всплеск эмоций. Так, на кончину врача М.А. Лебедевой в январе 1911 г. и телеграмму членов харбинского противочумного бюро,

---

⁴² Там же. Стлб. 235–236.

⁴³ Правительственный Вестник. 1911. 18 янв.

⁴⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 728. Л. 15.

⁴⁵ Новое время. 1911. 27 февр.

направленную по этому поводу в Дмитровскую земскую управу, последовал ответ председателя управы с выражением соболезнований родным и коллегам в связи с утратой человека, который «всегда самоотверженно и с любовью приходил на помощь страждущему населению»⁴⁶. Общество врачей Уссурийского края, выслушав доклад доктора В.А. Хавкина о борьбе с эпидемией в Харбине, почтило память своих коллег, «погибших на поле брани»: Менье, Лебедевой, Михеля, Беляева и еще 17 сотрудников, которым пришлось работать в чрезвычайно тяжелых условиях⁴⁷.

В последующие годы въезд китайских рабочих в Россию неизменно ставил вопрос о необходимости медицинского контроля и профилактических мер, направленных на предотвращение эпидемических заболеваний⁴⁸.

Заключение

Распространение эпидемии от Забайкалья до южных провинций Китая стало результатом несвоевременной, запоздалой организации комплекса противочумных мер, включая прививки населению. Несмотря на значительные средства, выделенные для борьбы с чумой, остро ощущался недостаток медицинского персонала, особенно врачей. В этих условиях общественное мнение в России не могло обойти стороной вопросы, связанные с распространением эпидемии. Проблема обсуждалась на различных уровнях власти, в том числе в ходе единственного заседания Государственной думы, которое было посвящено мерам по предотвращению проникновения чумы в пределы империи. Однако ни мрачные прогнозы, звучавшие с трибуны Таврического дворца, ни эмоциональные выступления представителей Сибирской парламентской группы не изменили ситуацию: большая часть депутатов отнеслась к происходящему на восточных окраинах страны и в полосе отчуждения КВЖД почти равнодушно. Только российская пресса подогрела интерес к происходящей там эпидемии, регулярно публикуя заметки апокалиптического содержания. В конечном итоге даже российские врачи, которые регулярно проводили в Харбине заседания и совещания противочумного бюро, в начале февраля 1911 г. обратились с телеграммами в газеты «Новое время», «Речь», «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Русские ведомости» и др. с информацией о том, что сведения о «харбинской чуме» сильно преувеличены и пагубно сказываются на торговле. К

⁴⁶ *Богущий В.М.* Эпидемия чумы в Харбине. С. 220.

⁴⁷ Там же. С. 223.

⁴⁸ *Ходяков М.В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России.* 2017. № 1. С. 7–30.

тому времени усилиями медицинского персонала опасность дальнейшего развития эпидемии была устранена.

Список литературы

Блохина Н.Н. Борьба с эпидемией чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг. // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2010. № 5. С. 60–63.

Касторский Е.С. Эпидемия легочной чумы на Дальнем Востоке 1910–1911 гг. и меры борьбы с нею. Иркутск: Тип. М.П. Окунев, 1911. 115 с.

Мартиневский И.Л., Молляре Г.Г. Эпидемия чумы в Маньчжурии в 1910–1911 гг. (героический подвиг русских и французских врачей в борьбе с ней). М.: Медицина, 1971. 216 с.

Ратманов П.Э. Из истории борьбы русских врачей с эпидемией чумы в Маньчжурии в 1899 г. // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. 2009. № 14. С. 146–149.

Ратманов П.Э. Маньчжурская чума 1910–1911 гг. в газетных карикатурах (часть 1) // История медицины. 2017. Т. 4. № 2. С. 161–173.

Ратманов П.Э. Маньчжурская чума 1910–1911 гг. в газетных карикатурах (часть 2) // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 280–291.

Ратманов П.Э. Медицинское обеспечение строителей Китайской Восточной железной дороги // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2008. № 6. С. 53–56.

Польские врачи в Харбине (первая половина XX в.) // История медицины. 2019. Т. 6. № 2. С. 93–108.

Хмара-Борщевский Э.П. Чумные эпидемии на Дальнем Востоке и противочумные мероприятия управления КВЖД. Харбин: Новая жизнь, 1912. 396 с.

Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.

Хохлов А.Н. Эпидемия чумы в Харбине в 1910–1911 гг. // Общество и государство в Китае: 42-я научная конференция. Т. XLII, ч. 3. М.: Институт Востоковедения РАН, 2012. С. 160–175.

Чжан Ц., Лю Я., Ратманов П.Э., Чжан Ф. Легочная чума в Северо-Восточном Китае в 1910–1911 годах и вклад доктора У Ляньдэ в борьбу с эпидемией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2018. Т. 13. Вып. 2. С. 207–214.

Chernin E. Richard Pearson Strong and the Manchurian epidemic of pneumonic plague, 1910–1911 // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1989. No 44. P. 296–319.

Summers W.C. The Great Manchurian Plague of 1910–1911: The Geopolitics of an Epidemic Disease. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2012. 202 p.

Wu Lien-Teh, Ebersson F. Transmission of pulmonary and septicaemic plague among marmots // The National Medical Journal of China. 1916. N 2 (3). P. 6–13.

Wu Lien-Teh. Investigations into the relationship of the tarabagan (Mongolian marmot) to plague // The Lancet. 1913. N 182 (4695). P. 529–535.

Wu Lien-Teh. Note on the histology of some of the lesions found in pneumonic plague // *The Journal of Pathology and Bacteriology*. 1914. N 19. P. 1–32.

Wu Lien-Teh. *Plague Fighter: The Autobiography of a Modern Chinese Physician*. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1959. 596 p.

王哲 [Ван Чжэ]. 国士无双伍连德 [Гоши ушуан У Ляньдэ] [Неповторимый выдающийся ученый У Ляньдэ]. Фучжоу: 福建教育出版社 [Образовательное изд. Фуцзяни], 2007. 312 с.

礼露 [Ли Лу]. 发现伍连德——诺贝尔奖候选人华人第一人 [Фасянь У Ляньдэ — Нобэйэрцзян хоусюаньжэнь хуажэнь дигьижэнь] [Поиск У Ляньдэ: первый китаец — номинант Нобелевской премии]. Пекин: 中国科学技术出版社 [Китайское изд. технических наук], 2010. 305 с.

孟九成 [Мэн Цзюйчэн]. 伍连德在哈尔滨 [У Ляньдэ цзай Харбин] [У Ляньдэ в Харбине]. Харбин: 哈尔滨出版社 [Изд. Харбина], 2018. 346 с.

伍连德 [У Ляньдэ]. 鼠疫斗士——伍连德自述 [Шуи доуши – У Ляньдэ цзишу] [Борец с чумой – воспоминания У Ляньдэ]: в 2-х тт. Чанша: 湖南教育出版社 [Образовательное изд. Хунани], 2011–2012. 348+320 с.

焦润明 [Цзяо Жуймин]. 清末东北三省鼠疫灾难及防疫措施研究 [Цинмо дунбэй саньшэнь шуи цзайнань ци фани цоши яньцзюй] [Чумная катастрофа в трех провинциях Северо-Востока в конце династии Цин и исследование по противочумной политике]. Пекин: 北京师范大学出版社 [Изд. Пекинского педагогического университета], 2011. 298 с.

陈雪薇 [Чэнь Сюэвэй]. 伍连德研究：经验认同书写 [У Ляньдэ яньцзю: цзинянь, жэньтун, шусе] [Изучение У Ляньдэ: опыт, идентификация, писание]. Сингапур: 新加坡国立大学中文系 [Факультет китайского языка Сингапурского государственного университета], 2014. 205 с.

Поступила в редакцию
4 февраля 2022 г.

О.С. Березкина

**КАК ЧИСТИЛИ ПАРТИЮ:
ПРОВЕРКА НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
ЯЧЕЕК РКП(Б) В 1924–1925 гг.**

O.S. Berezkina

**HOW THEY PURGED THE PARTY:
INSPECTION OF NON-PRODUCTION
CELLS OF THE RKP(B) IN 1924–1925**

Аннотация. Проверка непроизводственных ячеек РКП(б) в 1924–1925 гг. явилась фактической чисткой партии, затронувшей значительную часть ее состава. Проверка началась сразу после окончания общепартийной дискуссии, в которой сторонники Л.Д. Троцкого потерпели поражение, и стала определенным методом борьбы с оппозицией, получившей существенную поддержку именно в непроизводственных ячейках. Одновременно чистка превратилась и в своего рода исследование партии, показала качественный состав как проверяемых, так и проверяющих, отразила взгляды и взаимоотношения, постановку партийной работы на местах. Мероприятие 1924–1925 гг. недостаточно исследовано в научной литературе. В данной статье ставится задача воссоздать общую картину чистки на основе стенографических отчетов пленумов Центральной контрольной комиссии РКП(б), а также ряда других источников. Аспект борьбы с оппозицией нашел наибольшее выражение на первом этапе проверки в 1924 г., когда жестко исключались из партии «чуждые» элементы. Позднее, при сохранении этой направленности, на первый план выходили явления, противоречившие «партийной этике», — пьянство, растраты, исполнение религиозных обрядов, моральное разложение, «пассивность» и пр. Документы демонстрируют специфику отношений «центр–места», когда на местах «провертройки», дезориентированные двойственными указаниями «центра», старались максимально исключать из партии, а вышестоящие органы и ЦКК занимались восстановлением коммунистов в рядах РКП(б). Чистка проходила в атмосфере нагнетания страха перед проверкой, во

Березкина Оксана Степановна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Berezkina Oksana Stepanovna, PhD Candidate in Political Science, Associate Professor, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-903-735-52-31, os-berezkina@yandex.ru

многих случаях приобретала характер карательной акции. Проверка обнажила низкий уровень политической грамотности большинства членов партии, разнородный социальный состав РКП(б), влияние нэповской атмосферы на коммунистов и т.п. В «провертройки» поступала «масса доносов» на проверяемых членов партии, а в ходе «ударной» проверочной работы тройки далеко не всегда подвергали эти заявления тщательной проверке, во многих случаях исключения были несправедливыми. Проверка стала своего рода «зеркалом» партии нэповских лет, а также высветила серьезные проблемы, с которыми она неизбежно должна была столкнуться в дальнейшем.

Ключевые слова: проверка непроизводственных ячеек, чистка партии, Центральная контрольная комиссия, «провертройки», состав партии, оппозиция, нарушения моральных норм, внутривнутрипартийная жизнь.

Abstract. The inspection of non-production cells of the RKP(b) in 1924–1925 was de facto purge of the Party, which affected a significant part of its members. It began soon after the end of the all-party discussion, in which L.D. Trotsky's supporters were defeated, and became a method for fighting the opposition, which found much support in non-production cells. At the same time, the purge also was a kind of examination of qualitative composition of both examinees and their examiners. It revealed attitudes, relationships and progress of the local party work. The 1924–1925 event has not been sufficiently studied. This article aims to reconstruct the general picture of the purge on the basis of the verbatim reports of the plenums of the Central Control Commission of the RKP(b), as well as a number of other sources. The aspect of the struggle against the opposition found its greatest expression during the first stage of the purge in 1924, when “alien” elements were harshly excluded from the Party. Later, while this focus was retained, phenomena contrary to “party ethics” came to the fore, that is, drunkenness, embezzlement, performance of religious rites, moral decay, “passivity”, etc. The documents demonstrate the peculiarity of “centre-local” relations, when the local “check-up troikas”, disoriented by the ambiguity of instructions from the “centre”, tried to expel as many as possible members from the Party, while the higher bodies and the Central Control Commission were readmitting former Communists to the ranks of the RKP(b). The purge took place in an atmosphere of fear and often took on the character of a punitive action. It exposed the low level of political literacy of the majority of Party members, the heterogeneous social composition of the RKP(b), the impact of the New Economic Policy on the Communists, etc. The “check-up troikas” received a “mass of reports” on the party members, and during their “shocking” inspection work troikas did not always subject these allegations to thorough scrutiny, and in many cases dismissals were unfair. The inspection proved to be a kind of “mirror” of the party in the NEP period, and also revealed the serious problems which the party was inevitably going to have to face later.

Keywords: Inspection of Non-Production Cells, Party Purge, Central Control Commission, “check-up troikas”, Party composition, opposition, violations of moral standards, inner-party life.

Проверка непроизводственных, т.е. вузовских и учрежденческих, ячеек РКП(б) в 1924–1925 гг. стала вторым массовым мероприятием подобного рода после генеральной чистки партии 1921 г. (перерегистрация коммунистов в 1919 г., связанная с предстоявшей мобилизацией в ряды Красной Армии, не имела характера чистки, хотя были уклонившиеся от перерегистрации и таким образом выбывшие из партии). Проведение чистки в 1924–1925 гг. было осуществлено непосредственно после окончания общепартийной дискуссии 1923 г. и осуждения в январе 1924 г. на XIII партконференции троцкистской оппозиции, обвиненной в «мелкобуржуазном уклоне»¹.

Начавшаяся с весны 1924 г. чистка партийных рядов в значительной степени была отзвуком происходившей борьбы, поскольку проверке подверглись непроизводственные ячейки, существенная часть которых голосовала за оппозицию. По официальным данным, в эпицентре борьбы, Москве, из 72 вузовских ячеек за ЦК проголосовали 32, а за оппозицию — 40, причем количество членов партии, проголосовавших за ЦК, составило 2790 человек, а за оппозицию — 6594 человека, т.е. в два с лишним раза больше. В рабочих ячейках ситуация была иной: из 413 рабочих ячеек за ЦК проголосовали 346, за оппозицию — 67². По подсчетам современных авторов, доля ячеек, в том числе рабочих, голосовавших за оппозицию, была более существенной, но версия о принципиально иной картине голосования и крупномасштабной фальсификации данных по рабочим ячейкам на настоящий момент документально не подтверждена³. Следовательно, прежде всего непроизводственные и особенно вузовские ячейки рекомендовали себя как «чрезвычайно ненадежные», что имело для них политические последствия. Фактически, как отмечает С.А. Павлюченков, была проведена чистка всего студенческого и преподавательского состава вузов⁴. Студенческая чистка, предполагавшая отчисление «чуждых» элементов и пролетаризацию состава студентов, шла практически одновременно с проверкой партийных ячеек.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. Т. 3. М., 1984. С. 152–159.

² Бубнов А. ВКП(б). М.; Л., 1931. С. 729.

³ Hincks D. Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. N 1. P. 137–151; Резник А.В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб., 2017. С. 222–224; Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба в РКП(б)–ВКП(б) (1920-е — начало 1930-х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 56.

⁴ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 329.

Уже в первых числах апреля 1924 г. Е.А. Преображенский в письме Е.М. Ярославскому утверждал, что начавшаяся партийная проверка связана с борьбой с оппозицией, приводя при этом ряд обоснований: выбор времени чистки сразу после окончания дискуссии, прямые намеки партийных руководителей об «обрубании хвоста» оппозиции, чистка в первую очередь оппозиционных ячеек, негласный характер проверки, несправедливость исключений из партии⁵. На XIII партсъезде в мае 1924 г. Преображенский открыто и с возмущением заявил, что чистка партии явилась «определенным методом борьбы с оппозицией», когда исключали формально не за поддержку оппозиции, а как «карьериста, шкурника, склочника», в то время как на самом деле проверка была направлена против организаций, которые выносили оппозиционные решения⁶. Следствием подобной практики стало, в частности, самоубийство секретаря Л.Д. Троцкого М.С. Глазмана, несправедливо исключенного из партии и признанного постфактум «честным товарищем»⁷. Были и другие случаи самоубийств в ходе чистки, о чем писал в своих воспоминаниях В. Серж: «Исключенные из партии за то, что выступали в поддержку “нового курса”, молодые люди стрелялись... Кривая самоубийств ползет вверх. Центральная контрольная комиссия собирается на чрезвычайное заседание»⁸.

Тем не менее, существовали и другие серьезные мотивы для проверки непроизводственных ячеек, связанные с крайне неоднородным составом «пролетарской» партии, многочисленными нарушениями партийной дисциплины, морально-этическими проступками, с особенностями общей и политической культуры коммунистов, степенью и характером их участия в партийной жизни, с вопросами управления партией, функционирования ее руководства в центре и на местах. Начавшись по горячим следам политической борьбы, чистка 1924–1925 гг. превратилась также и в исследование деятельности партийных ячеек, вскрыла целый пласт внутрипартийных проблем, дала картину качественного состава РКП(б), психологии, взглядов, нравов ее членов, а также отразила общую атмосферу послереволюционных лет. Анализ отмеченных аспектов представляет,

---

⁵ Морозова Т.И., Шишкин В.И. «Политику внутри партии... я считаю началом растрачивания ленинского наследия». Переписка Е.М. Ярославского и Е.А. Преображенского о чистке непроизводственных ячеек РКП(б) 1924 г. // Исторический архив. 2016. № 5. С. 100–103.

⁶ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 192–193.

⁷ Второй Пленум Центральной Контрольной Комиссии РКП(б) созыва XIII съезда партии. Стенографический отчет. 3–5 октября 1924 г. М., 1924. С. 139.

⁸ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / Пер. с фр. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М., 2001. С. 236.

на наш взгляд, не менее актуальную научную задачу, нежели проблематика внутрипартийной борьбы.

Историографию проверки непроизводственных (вузовских и учрежденческих) ячеек 1924–1925 гг. едва ли можно назвать обширной. В ряде ключевых работ советского периода, посвященных истории партии, борьбе с оппозициями, а также формированию и деятельности ЦКК–РКИ, она не упоминалась либо упоминалась в общем плане (с точки зрения итоговых цифровых данных, официальных установочных положений, позитивных оценок «важного опыта»), не являясь объектом специального исследования⁹. В современных обобщающих работах по истории Коммунистической партии, советской политической системы эпохи НЭПа этой чистке также не уделяется существенного внимания¹⁰. Стоит отметить новые исследования И.А. Анфертьева, в которых достаточно подробно рассматривается чистка деревенских ячеек 1925 г., а также формирование и методы работы ЦКК и контрольных комиссий на местах¹¹. Факты оппозиционной борьбы 1923–1924 гг., вопросы исключения из партии в ходе последовавшей чистки анализирует А.В. Резник, делая вывод, что исключения оппозиционеров были значительно сокращены в результате успеха подававшихся апелляций¹². Иной характер имеет публикация В.П. Вилковой, акцентирующей внимание на «зубодробительной политике» по отношению к оппозиционерам во время чистки весной 1924 г., в том числе по национальному принципу (исключение евреев)¹³.

В ряде современных работ чистка 1924–1925 гг. рассматривается на материалах отдельных регионов, уделяется внимание «не-

⁹ Москаленко И.М. ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов. М., 1973; Она же. Органы партийного контроля в период строительства социализма. М., 1981; Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. 1921–1929 гг. М., 1969; Краснов А.В. ЦКК–РКИ в борьбе за социализм (1923–1934 гг.). Иркутск, 1973 и др.

¹⁰ Измолик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010; Павлюченков С. Указ. соч.; История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. А.Б. Безбородов. М., 2013; Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000; Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000 и др.

¹¹ Анфертьев И.А. Модернизация Советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б)–ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. М., 2020; Он же: Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е годы. Критический анализ. М., 2020.

¹² Резник А.В. Конфликтовать и контролировать: к изучению практик политической борьбы оппозиции в РКП(б) в 1923–1924 годах // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 1(24). С. 175–185.

¹³ Вилкова В.П. «Атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив. 2008. № 2. С. 130–176

здоровым» явлениям в партии — нарушениям морально-этических норм, «хозобрастанию», пьянству и др. В диссертации и монографии Т.А. Абраковой, написанных на материалах Нижегородской губернии, раскрывается роль местной контрольной комиссии в партийных чистках, включая проверку 1924–1925 гг.¹⁴ В работе В.А. Ускова рассматривается деятельность контрольных комиссий в 1920-е гг. на материале Тамбовской и некоторых других центральных губерний¹⁵. В диссертации В.А. Санникова анализируется деятельность органов партийного контроля на материалах Москвы, в том числе затрагивается их роль в проведении чистки 1924–1925 гг.¹⁶ Можно также отметить работы В.Н. Гузарова и Д.А. Андреева, в которых исследуется проходившая параллельно партийной проверке студенческая чистка 1924 г. с точки зрения проблемы регулирования социального состава вузов¹⁷.

Среди трудов советологов — политических эмигрантов из СССР следует выделить работу А.Г. Авторханова, упоминавшего чистки партии, в том числе проверку 1924–1925 гг., под углом зрения создания диктаторской системы со всеобщим политическим контролем и лидерством И.В. Сталина¹⁸. Дискуссию 1923–1924 гг. и ее связь с последовавшей чисткой затрагивает британская исследовательница К. Мерридейл¹⁹. В работах Ш. Фицпатрик акцентируется проблема классового происхождения, всплывавшая при чистках государственных учреждений и университетского студенчества²⁰. М. Фокс обращает внимание на внутрипартийную борьбу 1923–1924 гг., при-

---

¹⁴ Абракова Т.А. Органы партийно-государственного контроля в системе губернской власти в 1923–1929 гг. (на материалах Нижегородской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999; Она же. Советское общество 20–30-х годов XX века: опыт политического контроля (На материалах партийной контрольной комиссии). Нижний Новгород, 2005.

¹⁵ Усков В.А. Контрольные комиссии РКП(б)–ВКП(б): замысел и опыт партийно-государственного управления в СССР. 1920-е гг. Тамбов, 2011.

¹⁶ Санников В.А. Органы партийного контроля в политической системе СССР в 1920-е — первой половине 1930-х годов (на материалах Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2020.

¹⁷ Гузаров В.Н. Коммунистическая перестройка Томского технологического института (1920–1925 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 322. № 6. С. 149–154; Андреев Д.А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 45–61.

¹⁸ Авторханов А.Г. Технология власти. М., 1991.

¹⁹ Merridale C. Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital, 1925–1932. New York, 1990.

²⁰ Fitzpatrick Sh. The Problem of Class Identity in NEP Society // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Bloomington, Indianapolis, 1991. P. 12–33; Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001. С. 174–207.

ведшую к массовой чистке в Институте Красной профессуры и пролетаризации вуза²¹. П. Конекни, наоборот, отходит от парадигмы внутривнутрипартийной борьбы и рассматривает студенческую чистку 1924 г. в Ленинграде преимущественно в рамках общих проблем высшего образования и отношений «центр–места»²². Специализированные работы посвящены в большей мере студенческой чистке, в то время как собственно партийная проверка 1924–1925 гг. остается недостаточно изученной. Следует отметить статью израильского историка И. Халфина, посвященную партийной чистке Ленинградского коммунистического университета в 1924 г., в которой автор делает вывод, что студентов-оппозиционеров старались не исключать из партии, а «перетянуть» на сторону большинства ЦК, обстановка в Ленинграде была достаточно лояльной²³. В 2019 г. была переиздана известная работа советолога Т. Ригби о Коммунистической партии, в которой проверка 1924–1925 гг. упоминается вполне «традиционно» — как сконцентрированная на тех организациях, где было наибольшее число сторонников Л.Д. Троцкого²⁴.

В целом можно заключить, что проверка непроизводственных ячеек 1924–1925 гг. затрагивалась преимущественно в контексте анализа контрольных партийных структур и политической борьбы, тщательнее изучены отдельные случаи (чистка в конкретных регионах и учреждениях), в гораздо меньшей степени описаны общий ход и результаты чистки, недостаточное внимание уделено ее «неполитическим» аспектам, имеющим важное значение для анализа состояния партии в эпоху НЭПа. В данной статье ставится задача воссоздать общую картину партийной проверки на основе мало привлекавшихся другими исследователями стенографических отчетов пленумов ЦКК 1924–1925 гг., на которых подробно обсуждались вопросы чистки партии. Отчетные доклады руководства ЦКК, дискуссии на пленумах содержат значительный объем информации, цифровой материал и яркие свидетельства о проведенном по всей стране мероприятии. Привлечены также материалы издания «Известия ЦК РКП(б)», стенографические отчеты партийных съездов и некоторые другие источники.

---

²¹ Fox Michael S. Political Culture, Purges and Proletarianization at the Institute of Red Professors, 1921–1929 // The Russian Review. 1993. Vol. 52. N 1. P. 20–42.

²² Конекни П. Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad // Europe-Asia Studies. Vol. 46. 1994. N 4. P. 617–635.

²³ Халфин И. В поисках оппозиции: чистка 1924 г. в Ленинградском коммунистическом университете им. Г.Е. Зинovieва // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск, 2018. С. 398–420.

²⁴ Rigby T.H. Communist Party Membership in the U.S.S.R. 1917–1967. Princeton, New Jersey, 2019.

Прежде всего, обратимся к общим сведениям о проверке. По докладу Е.М. Ярославского к 1 сентября 1925 г. проверка непроизводственных ячеек была закончена всюду, за исключением шести организаций (Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Узбекистанской, Калмыцкой, Туркменистанской и Казахстанской). В обозначенных организациях проверка должна была окончиться в октябре 1925 г., с тем чтобы все итоги к декабрьскому XIV партсъезду были подведены полностью. По данным на декабрь 1925 г. за весь период чистки были подвергнуты проверке около 230 тыс. членов непроизводственных ячеек, что в начале чистки составляло треть, а в конце — 23% членов партии (с начала проверки численность партии значительно выросла, процент исключенных рассчитывался исходя из примерно 217 тыс. проверенных)²⁵. Было отмечено, что проведенная чистка имела большое значение не только в смысле очищения партийных рядов, но и в смысле «выявления целого ряда недостатков, недочетов и достижений нашей партии», на основе которых должны были быть приняты организационные меры.

Наиболее явные отзвуки политической борьбы видны в стенограмме пленума ЦКК октября 1924 г., подводившего итоги первого этапа чистки (обобщались данные по Москве, Ленинграду, Пензе и Белоруссии). В самом начале обсуждения Е.М. Ярославский, приводя впечатляющие данные о восстановлении местными контрольными комиссиями и ЦКК исключенных из партии, заявил, что никакого уклона против оппозиции в ходе чистки не было, что «не только цифрами нельзя доказать», но и самые горячие сторонники оппозиции признали отсутствие такого мотива у проверяющих²⁶. В то же время в ходе своей речи Ярославский дважды «саморазоблачился»: так, отвечая на заявления оппозиции о резком снижении процента ее сторонников в организациях после чистки, он отметил, что «мы не были бы партией», если бы сохраняли в партии те группировки, «которые сложились в определенный момент колебания нашей партии». Далее, высказываясь об исключениях из партии вузовцев, Ярославский прямо сказал: «Мы показали товарищам, которые хотели — можно сказать — море зажечь в декабре прошлого года... что они партии не знают, истории нашей не знают; поучитесь сначала, подумайте, что вы такое для партии»²⁷.

²⁵ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). 10–12 сентября 1925 г. Стенографический отчет. М., 1925. С. 42; VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). 11–13 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М., 1926. С. 45; XIV съезд ВКП(б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 535–536; Бубнов А. ВКП(б). Приложение. С. 781.

²⁶ Второй Пленум Центральной Контрольной Комиссии... С. 134, 140, 145.

²⁷ Там же. С. 134, 142.

Выступавшие в прениях участники пленума отмечали, что вопрос о чистке не был подготовлен, начали ее проводить в пылу борьбы, «по живому», чистили элементы не преступные, а тех, кто являлся «чуждым» партии, причем в начале чистки проверяющие «сами еще ясно не знали ... за что мы будем исключать из партии, что такое “чуждый элемент”»²⁸. Таковыми на практике становились элементы «мелкобуржуазные», интеллигентские, «идеологически чуждые» даже тогда, когда никаких явных уклонов не было²⁹. Е.М. Ярославский, объясняя мотивы жесткости первичных проверочных комиссий в Москве, говорил о «чуждой» рабочим обстановке, огромном количестве служащих и вузовцев в столице, вследствие чего «проверка эта приняла почти судейский характер»³⁰. По словам М.Ф. Шкирятова, в вузах рабочий приходил и видел: вот сын торговца, и он его исключал³¹. Рабочие приходили в вузовские организации, где «масса людей непролетарского происхождения, не имеющих революционных заслуг», а «учатся и брат, и сестра», и делали вывод, что «здесь надо жестоко почистить»³². Ф.С. Варзин приводил пример иного рода — со «склочным» товарищем, о котором было «досконально известно, что нужно его выкинуть», но «поймать» его было «страшно трудно», необходима мотивировка исключения, а ее проверяющие никак в этом случае не могли подобрать³³.

На пленумах сентября и декабря 1925 г., когда подводились итоги чистки по всей стране, вопрос о какой-либо связи проверки с борьбой против оппозиции вообще не возникал. Упоминалось, что наиболее жестко чистка прошла в Москве и Ленинграде, там был высокий процент исключенных из партии, но объяснялся этот факт наличием в комиссиях большого числа подпольщиков (действительно, в Москве из 285 проверяющих 185 человек имели нелегальный партийный стаж, еще 100 человек были членами партии с 1917 г.) и «разложившимся» составом проверяемых организаций, сосредоточивших «чуждые элементы»³⁴. В двух местах стенограмм можно встретить фамилию Л.Д. Троцкого, когда оценивалась политическая грамотность проверяемых. В частности, упоминается «вятский троцкист», который говорил, что «Троцкий и Сафаров составили

---

²⁸ Там же. С. 153, 162.

²⁹ Там же. С. 144, 168.

³⁰ Там же. С. 136.

³¹ Там же. С. 158.

³² Там же. С. 140.

³³ Там же. С. 162.

³⁴ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 43; VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 42; Второй Пленум Центральной Контрольной Комиссии... С. 155–156.

оппозицию», в другом случае, — что «Троцкий и Бухарин составили оппозицию». Еще одним упоминанием стал ответственный работник, «народный судья», который на вопрос о троцкизме отвечал: «троцкизм наше будущее, но его проводить сейчас раненко; можно его осуществить годиков эдак через пять»³⁵. На обсуждении итогов чистки в ЦКК в 1925 г. можно с трудом найти лишь отголоски борьбы, которая инициировала это мероприятие. «Мы... — заявлял Е.М. Ярославский, — очистили партию от бывших полицейских служителей, жандармов, всякого рода людей с самым темным прошлым, примазавшихся к нашей партии, втершихся в наши ряды, людей совершенно разложившихся, преступного, уголовного типа...»³⁶. Перечисляются такие явления, выявленные в ходе чистки, как: растущее пьянство, растраты больших сумм и средств, склоки, «подсиживания», половая распущенность, исполнение коммунистами религиозных обрядов, «обывательская среда», в которой живут ответственные работники, использующие пьянки как способ «спайки», наличие в партии настоящих кулаков, баев, плативших за жену калым и т.д.³⁷ Отмеченные явления занимают важное место в изученных материалах; вопрос о политической подоплеке чистки непроизводственных ячеек к этому времени явно утратил былую актуальность.

Заслуживает внимания проблема взаимоотношений «центра-места», высветившаяся в ходе чистки. Инициатива партпроверки исходила сверху, но на местах директивы центра начали исполнять настолько рьяно, что началась борьба за процент исключенных, некоторые организации еще до проверки «взяли на учет все непролетарские элементы»; демонстрировалась «излишняя жестокость», которую потом «смягчали» вышестоящие органы. Так, проверочные комиссии, по словам Е.М. Ярославского, исключили 5,5 % общего числа проверенных, после рассмотрения апелляций в губернских контрольных комиссиях этот процент понизился до 3,4%, после рассмотрения дел в ЦКК — до 2,3% (в итоговой публикации ЦКК и на XIV партсъезде озвучивались цифры: 5,9% исключенных проверочными комиссиями и 2,7% — оставшихся вне партии после пересмотра дел вышестоящими органами)³⁸. Таким образом, за весь период чистки около 55% исключенных были восстановлены в партии³⁹. На

³⁵ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 48.

³⁶ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 53.

³⁷ Там же. С. 58–59; VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 47.

³⁸ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 45; XIV съезд ВКП(б). С. 536; Итоги проверки членов и кандидатов РКП(б) непроизводственных ячеек. М., 1925. С. 39.

³⁹ Итоги проверки членов и кандидатов РКП(б) непроизводственных ячеек. С. 39.

одной из местных конференций в адрес ЦКК звучал упрек: «Как вы поступаете? В уезде мы, наверное бы, исключили всех»⁴⁰. Многие губернские комиссии массово восстанавливали исключенных коммунистов (например, в Ленинградской организации), но некоторые организации считали, «что раз они вынесли решение, то тут уже свято»⁴¹. После решения «провертроек» в вышестоящие органы начали поступать массовые апелляции. ГКК в общей сложности восстановили 45% исключенных, женщин — 54%. В ЦКК апеллировали 53,3% из числа исключенных рабочих, 38,3% из числа исключенных крестьян, 69,2% — служащих, 67,4% — «прочих»⁴². Таким образом, процент апеллировавших был очень высоким (больше всего апеллировали служащие, ответственные работники и «бывшие меньшевики»), исключение из партии для большинства было сильнейшим ударом, фактически «преданием политической смерти»⁴³. Более того, М.Ф. Шкирятов еще на пленуме 1924 г. говорил, что с формулировкой исключения «чуждый элемент, карьерист» «даже на службу не принимают»⁴⁴.

ЦК и ЦКК вели при этом двойственную политику, так как одновременно некоторые организации получили упрек в излишней «мягкости» (например, Тульская, Воронежская организации), в том, что «не вполне выявили подлежащих исключению элементов», процент исключенных слишком низок⁴⁵. В первый период чистки отношения между ЦКК и местными комиссиями по данному вопросу отличала некоторая неопределенность: велись разговоры о «двух линиях», когда проверочные комиссии максимально исключали, а ЦКК, многократно обвиняемая в «мягкотелости», восстанавливала исключенных в партии. Представители местных контрольных комиссий на пленуме октября 1924 г. старались «отбиться» от обвинений в жесткости, оправдывали проверочные комиссии, состоявшие из рабочих, для которых характерен «решительный и жестокий подход»⁴⁶. Более того, становится ясным, что от ЦКК шли противоречивые сигналы. Например, Я.И. Базанов прямо говорил о чистке в Москве: «Нам давали указания — очистить Московскую организацию от непролетарских элементов... мы выполнили», после чего были обвинены в «легкомыслии»⁴⁷. Суть вопроса состояла в том, что после XIII

---

⁴⁰ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 45.

⁴¹ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 53.

⁴² VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 46.

⁴³ Второй Пленум Центральной Контрольной Комиссии... С. 139.

⁴⁴ Там же. С. 157.

⁴⁵ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 47.

⁴⁶ Второй Пленум Центральной Контрольной Комиссии... С. 148.

⁴⁷ Там же. С. 155–156.

партсъезда линия в отношении чистки смягчилась, «изменился подход», а местным комиссиям этот новый подход не разъяснили или, возможно, специально не стали разъяснять. В самой ЦКК также не было полного единства по вопросу о «переломе» в чистке партии. Так, член ЦКК Ф.С. Варзин считал, что «пересолили во время перелома, начали восстанавливать таких, которых не следовало бы»⁴⁸. Изменение подхода во многом состояло в том, что начали исключать не столько «чуждые» элементы, но преимущественно за конкретные «проступки».

Оправдываясь перед теми, кто обвинял ЦКК в «мягкости», «мякотелости», Е.М. Ярославский приводил целый ряд примеров, когда местные парторганизации сами ограничивались выговором и оставляли в партии того, кто дезертировал из Красной Армии, сына пристава, бывшего урядника, лиц, соблюдавших религиозные обряды, «богачей», «укрывавших скот от обложения», бывшего помощника атамана при белых и пр. Всё это, помимо прочего, свидетельствует о пестроте состава партии в рассматриваемый период и объективно оправдывает чистку от элементов, вступавших в партию отнюдь не в силу преданности идеям «диктатуры пролетариата». Некоторые «чуждые элементы», которые умудрились успешно пройти чистку местной «проверткой», привлекались позднее к уголовной ответственности⁴⁹.

Много внимания на пленумах ЦКК было уделено атмосфере проведения проверки: фиксировались «нервная атмосфера», нагнетание страха в местных парторганизациях, напряжения перед проверкой. Например, Читинская организация дала директиву, что «надо поднять пыль над Читой», т.е. проверку предполагалось проходить «с треском, шумом, запугиванием». Аналогичная ситуация фиксировалась и в других парторганизациях. «Запуганные товарищи, — отмечал Е.М. Ярославский, — приходили на эту проверку очень часто не в нормальном состоянии», выходили из комнаты проверки «со страшно учащенным, невероятно повышенным, прямо болезненным пульсом», падали в обморок, людей перед проверкой «трясло, как в туркестанской лихорадке», «была торжественность, таинственность» и т.д.⁵⁰ Обстановка чистки явно не располагала к товарищеской беседе, искренним ответам на вопросы, создавалось впечатление карательной акции, о чем прямо говорилось на заседаниях ЦКК. В такой обстановке, как отмечалось в прениях по

---

⁴⁸ Там же. С. 162.

⁴⁹ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 46; VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 44.

⁵⁰ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 45–46.

докладу Ярославского на пленуме сентября 1925 г., были случаи сведения личных счетов под видом проверки, имели место подложные свидетельства, необоснованные жалобы⁵¹. Темп чистки был очень высоким, организациям давали срок проверки, например, полтора месяца на многотысячную организацию, что приводило к негативным последствиям. Поступала масса заявлений, «доносов» на отдельных членов партии, которые «провертройки» не имели возможности «достаточно серьезно» проверить. Многие поступавшие заявления принимались на веру и оказывались затем, как признала ЦКК, откровенной клеветой. Еще на октябрьском пленуме 1924 г. А.В. Шотман, требуя усилить ответственность за ложные и корыстные доносы, емко расшифровал часто употреблявшееся понятие «подсидживания»: «Были случаи, что вышибали товарища и садились на его место»⁵².

В некоторых организациях считали, что нужно возродить приемы чистки 1921 г., объявляли всем гражданам, что они могут приходить и делать заявления относительно известных им проступков членов партии (Тульская организация), созывали сход всех станичников, где на кругу производилось обсуждение и голосование по каждому партийцу (Северный Кавказ), проводили проверку на общем собрании всех членов партии (Урал). ЦКК давала инструкцию, чтобы не переносить проверку на собрания с беспартийными, «провертройки» должны были вызывать коммунистов по одному, однако эта инструкция многократно нарушалась. Очевидно, что инициативы на местах нередко шли в русле демократизации процесса чистки партии, только что закончилась общепартийная дискуссия, в ряде организаций демократические лозунги воспринимались буквально. Однако при таком проведении проверки возникали сложности: например, в ряде организаций попытки проведения чистки на общих собраниях крестьян (чистка затронула и часть деревенских коммунистов) привела к тому, что «половина крестьян стояла за одну часть ячейки и считала ее хорошей, а вторая половина считала другую часть ячейки лучшей». Были случаи, когда секретарь ячейки и председатель исполкома представляли кулацкую часть села, а бедняцкая часть коммунистов «не могла с ними солидаризоваться» и т.д.⁵³ Следует отметить, что в отношении проверки деревенских ячеек всячески подчеркивалась необходимость взвешенного, осторожного подхода к проверке, учета недостатков чистки, проведенной в учреждениях.

⁵¹ Там же. С. 63.

⁵² Второй Пленум Центральной Контрольной Комиссии... С. 171.

⁵³ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 47–48.

В целом жесткая позиция «провертроек» обуславливала вынесение множества вердиктов по отношению к «примазавшимся», «слабым», за «неискреннее отношение к партпроверке» (например, коммунист прошел проверку и «с радости» выпил с приятелями, его сейчас же исключили), за «хозобрастание», за то, что «вступил в партию в период мирного благополучия», т.е. незадолго до проверки; в отчет вышестоящим органам по поводу исключенных вписывали: «многоречив, страдает некоторым сомнением, имеет большой апломб» и прочие схожие определения⁵⁴. Это обусловило, как отмечалось выше, многочисленные апелляции, которые в значительной степени были удовлетворены.

Конечно, вызывает интерес вопрос о составе «провертроек»: кто именно проводил чистку партии? «Подбор самих товарищей, которые должны были проверять, — отмечал Е.М. Ярославский, — не всегда был удачен», но, в общем и целом, «это была наиболее квалифицированная часть партии»⁵⁵. Подходить к этой оценке нужно с позиций самой «пролетарской партии» и бытовавших представлений о необходимых качествах проверяющих. В составе партии на момент дискуссии 1923 г. рабочие составляли 44,9%, крестьяне — 25,7%, служащие — 29,4%; в 1925 г. уже 56,7% составляли рабочие, 26,5% — крестьяне, 17,8% — служащие⁵⁶. Резкий прирост процента рабочих с весны 1924 г. и в последующие годы был связан, прежде всего, с массовыми наборами в партию «от станка», начавшимися после смерти В.И. Ленина.

Если посмотреть данные о составе «провертроек» во время чистки 1924–1925 гг., то выясняется, что от 40 до 80 процентов этих «троек» составляли рабочие; в среднем по стране 69,3% были рабочими, на 8,4% — служащими. Таким образом, социальный состав «провертроек» демонстрировал преобладание рабочих, хотя в рассматриваемый период их доля в партии не была столь высокой. Две трети проверяющих были либо «подпольщиками», либо имели стаж с 1917 г. Членов партии с 1918 г. было 18,2%, с 1919 г. — 9,7%, с 1920 по 1923 — 3,4%⁵⁷. Здесь нужно учитывать, что под «рабочими» понимались как реальные рабочие «от станка», так и те, кто являлся рабочим по происхождению или положению до занятия ответственных должностей. Кроме того, очевидно, что вновь вступивших в партию старались в «тройки» не включать. Приведенные на декабрьском 1925 г. пленуме ЦКК цифры о составе комиссий призваны были по-

⁵⁴ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 42–43.

⁵⁵ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 44.

⁵⁶ Бубнов А. ВКП(б). Приложение. С. 784.

⁵⁷ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 41.

казать решающую роль старых членов партии из рабочей среды в проверке непроизводственных ячеек, вся партия должна была «равняться по своему основному рабочему ядру».

На практике в «провертройки» входили как рабочие «от станка», так и во многих случаях ответственные работники, часто проверочные комиссии составлялись в большинстве из ответственных работников, в том числе тех, против которых имелись «известные нарекания». На местах, по замечанию одного из членов ЦКК, «при всем нашем желании мы не могли найти рабочих от станка, которые соответствовали бы требованиям», что было неудивительно в крестьянской на тот момент стране, где во многих губерниях, национальных районах фиксировались партийные организации, состоящие преимущественно из крестьян, «мещан», «служилого советского элемента»⁵⁸. Вызывало возмущение проверяющих и то, что в ряде мест в губернские и уездные контрольные комиссии «много проскользнуло служивших в белой армии... часть выходцев из чуждых нам партий, они тоже сплошь и рядом сидят у нас членами ГК, УК, которые не подлежат проверке»⁵⁹. Вопрос о не подлежащих проверке ответственных работников поднимался неоднократно, но положительного решения не получил. По замечанию Н.М. Янсона, «членов контрольных комиссий не надо проверять, их кандидатуры должны всесторонне обсуждаться на местных партконференциях, а не решать механическим поднятием рук»⁶⁰. На деле в состав проверяющих попадали и выходцы из крупных кулаков, и «пьяницы с уголовным прошлым» и т.п., что вызывало недоверие к проверяющим на местах. Для рассматриваемого периода характерно то, что на партийных форумах открыто говорилось о подобных случаях, такая информация зачастую даже утрировалась.

Ставка на рабочих со значительным партстажем в составе «провертроек» оправдала себя как метод чистки парторганизаций от непролетарских элементов, но вызывала другие существенные сложности в работе проверочных комиссий. Во-первых, рабочие «от станка» должны были заниматься проверкой после рабочего дня, будучи уже уставшими. По замечанию Г.М. Завицкого, в Харьковской организации рабочим, взятым от станка, после трудовой смены приходилось работать еще вечером от 6 до 12 часов ночи, и это продолжалось в течение полутора месяцев изо дня в день. Слишком высокий темп проверки ставился в вину руководству как причина множества оши-

---

⁵⁸ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 65; Известия ЦК РКП(б). 1922. № 7(43). С. 34–35; № 8(44). С. 17.

⁵⁹ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 65.

⁶⁰ Там же. С. 73.

бок⁶¹. Во-вторых, обозначилась проблема с «уровнем развития проверяющих», многие из которых, по замечанию Е.М. Ярославского, «просто-напросто не в состоянии были сколько-нибудь правильно проверять, потому что их собственный уровень развития был чрезвычайно низок». До 40% из них сами не были достаточно политически грамотными, не знали хорошо историю партии⁶². Можно добавить, что и в теории многие члены партии, даже ее руководители, не были сильны, что, правда, не мешало им быть преданными партии и «вести линию», определенную ее лидерами. «Если сравнить меньшевиков с нашим братом, который томы “Капитала” мало читал, — заявлял, например, один из делегатов XII партсъезда, — так ведь мы уши перед ними должны развесить. Но все-таки они меньшевики. А я, мало читавший “Капитал” Маркса, большевиком остался»⁶³.

Состав «провертроек» во многом объяснял характер некоторых задававшихся вопросов, а также негативное отношение к женщинам-коммунисткам, которое ярко проявилось во время чистки и на которое было обращено особое внимание при обсуждении ее итогов и вынесении постановления. Проверочные комиссии не всегда были хорошо инструктированы по поводу того, какие вопросы задавать проверяемым, они запрашивали «вопросник» у ЦКК, но центральное руководство решило не давать один «вопросник» для всех, открыв перспективы «творчества» местным организациям и проверочным «тройкам» (помимо «обязательных» вопросов о социальном происхождении, трудовом стаже, революционных заслугах и т.п.) Казалось бы, непропорционально большое, но, видимо, заслуженное место в докладах Е.М. Ярославского о ходе чистки уделено так называемым «озорным» вопросам и вопросам, носившим характер «хитроумных загадок», которые ставили в тупик проверяемого товарища. Среди последних приводился пример творчества ряда организаций, задававших вопросы «Какую параллель можно провести между уровнем моря и трудовыми процессами?» либо «Что гласит параграф 63 Устава?» и т.д.⁶⁴ Но особое внимание ЦКК привлек «половой вопрос», высветившийся в ходе проверки.

Проверочные «тройки» систематически задавали «озорные вопросы», причем больше всего эти вопросы они задавали женщинам, демонстрируя при этом как патриархальное к ним отношение, так и новые веяния «свободы» в сексуальном плане, привнесенные революцией и последовавшей нэповской атмосферой. Примеры «не-

---

⁶¹ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 62.

⁶² Там же. С. 45.

⁶³ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1923. С. 149.

⁶⁴ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 48.

лелых, недопустимых» вопросов: «Как вы удовлетворяете половую потребность?», «Были ли аборт и сколько?» Если же женщины стеснялись ответить, проверяющие могли сказать: «Ну, вы знаете, у вас мещанский уклон»⁶⁵. Такого рода вопросы были массово распространены, приводились примеры из Украины, Самарской, Саратовской, Симбирской, даже Туркестанской организаций. Их задавали и мужчинам (например, «Сколько баб испортил?»); спрашивали члена партии, на ком он хочет жениться, на мещанке или на общественной работнице. Получив ответ «кто понравится», выносили вердикт: «неустойчивость в половом отношении»⁶⁶. Однако основной мишенью проверяющих «троек» становились женщины, ЦКК фиксировала «некоторого рода болезненный садистский подход к проверке женщин», тот факт, что чистка выявила «старое заскорузлое отношение к женщинам у тех товарищей, которые проверяли». Кроме того, фиксировались факты «чисто эксплуататорского отношения к женщине», под чем подразумевалась половая распущенность⁶⁷. Следует отметить, что женщины в партии в 1920-е гг. были достаточно редким явлением, партия рассматриваемого периода была практически «мужской»: например, на середину 1922 г. женщины в партии составляли 8,5%, а в 1930 г. — только 14%, несмотря на резкий рост за счет массовых наборов в нэповское время⁶⁸. Уже в предшествующие чистке годы С.Н. Смидович на съезде партии с горечью отмечала «жалкое» существование женотделов и «презрительное» отношение к ним в большинстве губкомов⁶⁹.

На пленумах ЦКК вопрос об отношении к женщинам во время чистки обсуждался подробно, приводились примеры необоснованного исключения женщин, например, со следующей формулировкой: «Сулина, кандидатка с 1921 года, 25 лет, из крестьянок, окончила губпартшколу... и краткосрочные курсы зинovieвского университета. Партийные собрания посещает нерегулярно из-за ребенка. Совершенно безнадежный член партии для активной работы. Исключить как балласт»⁷⁰. Активные возражения ЦКК против такого исключения состояли в том, что «пригодится же она», партия затратила средства на ее обучение, в стране колоссальные трудности по вовлечению женщин в партию и необходимо дорожить теми женщинами, кото-

⁶⁵ Там же. С. 49.

⁶⁶ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 49; VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 43, 44.

⁶⁷ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 49, 50, 60.

⁶⁸ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 9(45). С. 29; Бубнов А. ВКП(б). Приложение. С. 797.

⁶⁹ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 456–458.

⁷⁰ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 50.

рые входят в партию, создавать для них условия, при которых они могли бы оставаться в партии. Однако на практике «постановка работы среди женщин» испытывала огромные сложности, коммунисты не хотели идти на эту работу, вели работу «без всякого одушевления, только так, чтобы их не взгрела организация за отказ от работы»⁷¹.

В выступлениях в прениях были попытки оправдать жесткое отношение к женщинам. В частности, Г.М. Завицкий заявил, что большинство проверившихся женщин были служащими, а «члены провтроек, рабочие от станка, подошли к ним по рабочему довольно серьезно»⁷². Другие участники с неудовольствием указывали, что в некоторых местах «ряд поповен», жен ответственных работников «проскользнули» в руководящие парторганы ГК, УК и т.д.⁷³ На октябрьском 1924 г. пленуме ЦКК приводился яркий пример партвыскакивания, которое получила «заслуженная работница», пришедшая на проверку «в платье легче пуху, пальчики напомаженные», что явно свидетельствовало, что «товарищ отходит от партии»⁷⁴. Несмотря на звучавшие возражения, в итоговом документе работа среди женщин была признана неудовлетворительной.

Существенный интерес представляют данные о политической культуре проверяемых членов партии. Основное внимание «провтроек» в этом вопросе обращалось на политическую грамотность, ориентацию в вопросах внутренней и международной политики. Эта проблема затрагивалась уже на октябрьском 1924 г. пленуме ЦКК, когда было заявлено, что вузовцы и служащие после первой проверки «раскупили все учебники политграмоты», «засели — кто за политическую экономию, кто за азбуку коммунизма, кто за устав партии», и в результате многие смогли успешно выступить в ходе повторных проверок⁷⁵. Особое внимание вопрос о политической грамотности привлек на сентябрьском 1925 г. пленуме ЦКК, когда Е.М. Ярославский клеймил вопиющую политическую неграмотность в непроизводственных ячейках. В то же время на следующем пленуме было отмечено, что «чересчур уже много внимания обратили на политзнания, выносили самые суровые постановления». Были случаи, когда за политнеграмотность исключали преданных партии бедняков (за «крестьянскую забитость, тупоумие, неразвитость») и оставляли имевших нескольких батраков кулаков, «обязав их организовать коллективное хозяйство»⁷⁶.

⁷¹ Там же. С. 58.

⁷² Там же. С. 63–64.

⁷³ Там же. С. 65.

⁷⁴ Второй Пленум Центральной Контрольной Комиссии... С. 157.

⁷⁵ Там же. 145.

⁷⁶ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 42–43.

В основном проверка шла среди студентов и служащих, т.е. среди «интеллигентных сил», однако, если опираться на данные ЦКК, чистка выявила «огромную политическую неграмотность» в этой среде. Проверяемые не знали основ государственного устройства, отвечали, что высший орган власти — это ВСНХ, партией руководит ВЦИК и пр. Во время чистки коммунисты на местах заявляли, что «Макдональд — французский король», не знали, кто такой Свердлов («преподаватель Свердловских курсов»), не ориентировались в вопросе об Интернационалах, заявляя, что их всего пять и коммунисты состоят во втором, «не понимали совершенно» разницы между большевиками и меньшевиками, отвечали, что СССР образовался из Армении, Азербайджана, Грузии, России и Персии (как автономной республики) и пр. Были и совсем курьезные случаи, когда проверяемые отвечали, что «Союз русского народа» — это коммунистическая партия, а «зубатовщина» означает, что «при царизме били по зубам» (очевидно, что такие ответы не могли дать достаточно образованные люди). В качестве вопиющих примеров приводилось постановление одной из ячеек о событиях 9 января 1905 г.: «дело, проводимое Гапоном и Зубатовым, выполним до конца». В «Правде» была опубликована резолюция другой ячейки, где приветствовали «товарища Чимбрилина — советского посла во Франции»⁷⁷. Оценивая ситуацию, следует учесть, что, по данным на 1925 г., советские административные и вузовские ячейки состояли на 76,1% из бывших рабочих и крестьян и лишь на 23,9% — из выходцев из служащих, интеллигенции и т.д.⁷⁸

Согласно итоговому документу ЦКК политнеграмотность в непроизводственных ячейках промышленных губерний отмечалась в 35% случаев, в земледельческих — до 55%, в национальных и окраинных организациях — 80%⁷⁹. В целом же в партии, включая производственные ячейки, по данным XIII партсъезда, уровень политической неграмотности в центральных областях России составлял 57%, доходя в некоторых губерниях до 70%⁸⁰. В ходе «ленинского призыва» ЦК партии инструктировал «места», указывая на необходимость «дать вновь вступившим немедленно по их вступлении основные сведения о партии»⁸¹. Уровень непроизводственных городских ячеек, выявившийся в ходе чистки, в промышленных губерниях был

---

⁷⁷ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 54; VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 47–48, 49.

⁷⁸ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 47.

⁷⁹ Там же. С. 119.

⁸⁰ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 119.

⁸¹ Известия ЦК РКП(б). 1924. № 2(60). С. 42.

все же более высоким, чем в целом по партии, а состояние непродуцированных ячеек земледельческих губерний, национальных и окраинных организаций было таким же и даже более удручающим, нежели в целом в РКП(б).

Рассматривая выводы пленума ЦКК о политической грамотности, можно предположить, что особенно жестко подходили к сторонникам Л.Д. Троцкого и оппозиции в целом, стремясь показать их недостаточно политически подготовленными. Например, в Вятской организации было значительное число сторонников Троцкого, им специально задавали вопросы о дискуссии, на которые «ответственные партийные работники отвечали, что дискуссия возникла потому, что члены ЦК Троцкий, Ярославский и Сафаров составили оппозицию», другие отвечали, что «оппозицию возглавляли Бухарин и Троцкий». Возможно, не все сторонники оппозиции досконально разобрались в ее составе, однако вряд ли их уровень был ниже уровня большинства других членов партии. Тем не менее, руководство делало вывод, что среди непродуцированных ячеек политический уровень зачастую более низкий, нежели в производственных ячейках — у рабочих. «В этих самых непродуцированных ячейках, — отмечал Ярославский, — у товарищей нет никакой арены для их политической работы, не на чем им политически расти»⁸².

В поисках причины «такой ужасающей политнеграмотности» ЦКК обратилась к постановке партработы в учрежденческих ячейках. Выяснилось, что не всегда губкомы и укомы знают количество членов ячеек, среди секретарей встречаются беспартийные (!), подбор бюро ведется так, что выбирают «начальника учреждения», который совершенно не интересуется партработой, в результате чего «никакой внутривоспитательной работы нет», формируются громоздкие повестки заседаний, доклады заслушиваются без прений, «никакой активности». Отмечалась в непродуцированных ячейках «слабость бюро», подбираемых из руководящего состава организации, которому «некогда» заниматься воспитательной работой, отсутствие правильной партнагрузки, слабое посещение собраний, незнание программы и истории партии, неаккуратная уплата членских взносов, появление на партсобраниях в нетрезвом виде и пр.⁸³

Партийная проверка обнаружила так называемую «нежизненность» планов работы парторганизаций, выражавшуюся в увлечении вопросами «высокой политики» и отсутствии какого бы то ни было внимания к «самым жизненным вопросам» (политика партии

⁸² V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 55; VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 47.

⁸³ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 55–57.

в деревне, кооперация, вопросы местной хозяйственной и советской работы и т.д.). Можно отметить, что такая увлеченность вопросами «высокой политики» была естественной для послереволюционных лет, когда у массы партийцев сохранялись надежды на мировую революцию, масштабные преобразования в других странах, поддержку «мирового пролетариата». Революционный романтизм и определенная наивность характеризовали ряд непроизводственных ячеек, о чем с сарказмом докладывал Е.М. Ярославский: «Одна из столичных ячеек ставит перед членами партии такую задачу: один член партии наблюдает по газетам за Балканами, другой за Индией, третий за Америкой, и члены этой ячейки, когда их проверяли, на вопрос о партобязанностях заявляли: один несет индийские, другой балканские, третий американские и другие партобязанности»⁸⁴. Иногда ничего подолгу не происходит «в Парагвае, Уругвае, нигде ничего нет. Он (коммунист. — О.Б.) сидит с ориентацией Парагвайской и Уругвайской целый месяц, в то время как там ничего не случилось»⁸⁵. В результате коммунисты «страшно оторваны от жизни», «совершенно непригодны для практической работы», не знакомы с основными направлениями партийной политики в деревне, «витают в облаках» и т.д. Очевидно, что для большинства партийного руководства, олицетворяемого в данном случае Ярославским, революционный романтизм и идея мировой революции к рассматриваемым годам ушли в прошлое, в то время как для части партии они еще имели значение.

Сложной проблемой стало отношение коммунистов к религии и религиозным обрядам. После революции, радикальным образом отвергнувшей религиозность, прошло всего несколько лет, и даже среди коммунистов были люди, продолжавшие выполнять религиозные обряды и вступавшие в дискуссии с проверочными комиссиями по вопросу о существовании бога. Даже на курсах ЦК для уездных работников заявляли: «религия — это частное дело». Во время проверки во Владимирской организации были ответы, что «небытие бога не доказано, может быть и есть», в Самаркандской организации проверяемые не скрывали, что «сознательно веруют и будут верить в бога в дальнейшем, пока им не будет доказано научным путем, что верить не во что». При этом, как отмечено на пленуме ЦКК, проверочная комиссия не смогла верующих коммунистов убедить, из чего делался вывод о недостаточном внимании к антирелигиозной пропаганде⁸⁶.

Выступления на пленумах и итоговый документ ЦКК содержали достаточно жесткие оценки состояния партийных организа-

⁸⁴ Там же. С. 58.

⁸⁵ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 48.

⁸⁶ V Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 61.

ций, отмечались «болезненные явления» — пьянство, исполнение религиозных обрядов (особенно в «земледельческих и окраинных губерниях»), неадекватное поведение в области половых, семейных отношений («многоженство и даже многомужество»), игра коммунистов в казино («даже с революционными заслугами»), растраты «под пьяную руку», местничество, склоки, материальное неравенство ответственных работников и массы, когда «часть ответственных партийцев живет особой, изолированной жизнью от рядовой партийной массы»⁸⁷. В качестве метода борьбы с такими явлениями предлагались регулярные проверки ячеек, улучшение инструктирования, в целом постановки партийной работы и «борьба за общественное мнение», чтобы каждый коммунист был поставлен «под стеклянный колпак», чувствовал осуждение окружающих. Ко времени проверки констатировалось, что такого общественного мнения «у нас еще нет»⁸⁸.

В целом проверка непроизводственных ячеек РКП(б) 1924–1925 гг. выполнила несколько значимых функций. Она, особенно на начальном этапе, проявила себя как определенный метод борьбы с оппозицией, которая не разделяла платформу «большинства ЦК» и устанавливающиеся нормы внутрипартийной жизни. Чистка проходила преимущественно в закрытом режиме, положение членов непроизводственных ячеек, особенно голосовавших за оппозицию в Москве и других крупных центрах, было неустойчивым, атмосфера чистки, противопоставления рабочих и нерабочих парторганизаций — гнетущей. Общий климат такого рода чисток, в частности, получил отражение в одном из писем Г.В. Чичерина: «В центре всего чистка. Рабочие тройки чистят нерабочие ячейки. Происходят ужасные вещи. Все это расстраивает до крайности»⁸⁹.

Помимо метода борьбы с оппозицией, чистка была призвана исключить из партии действительно «классово чуждые» (баи, кулаки, торговцы и т.д.), морально разложившиеся, являющиеся «балластом» элементы, дисциплинировать коммунистов в бытовом плане, активизировать партийную жизнь в непроизводственных ячейках в русле, обозначенном руководством партии. Можно отметить, что проверка оказалась своеобразным «зеркалом» партии нэповских лет, отразив общее состояние РКП(б), ее неоднородный (местами даже «пестрый») социальный состав, низкий уровень общей культуры и политической грамотности большинства коммунистов, специфиче-

---

⁸⁷ VI Пленум ЦКК созыва XIII съезда РКП(б). С. 51–52, 120–122.

⁸⁸ Там же. С. 52.

⁸⁹ Цит. по: *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 124.

ские черты их психологии (в частности, жесткость и бескомпромиссность рабочих «провертроек», действовавших по принципу «лес рубят — щепки летят»)»⁹⁰. Чистка выявила серьезные недостатки постановки партийной работы на местах: формализм, «заорганизованность», слабое внимание к вопросам практической политики, отсутствие ясности в том, что считать «партобязанностями» в непроизводственных ячейках.

Проверка показала, что в партии соседствовали искренняя преданность коммунистическим идеям и негативные явления, противоречащие партийной этике; революционный романтизм, определенная наивность — и «приземленность», стремление включить коммунистов в каждодневную рутинную работу; лозунги эмансипации — и патриархальное, «заскорузлое» отношение к женщинам; уставное равенство — и неоднозначные отношения составлявших РКП(б) социальных групп; демократические практики (выборы, дискуссии, голосования) — и массовые чистки, при проведении которых шли в ход клевета, доносы, подлоги, наблюдались явные «перегибы» (тогда еще не включенные в политический лексикон). Проведенное по всей стране мероприятие высветило целый ряд проблем, с которыми неизбежно должна была столкнуться политика партии в дальнейшем, в том числе в ходе будущих чисток, являвшихся важной частью политического процесса 1920–1930-х гг. Управлять партией, превратить ее в авангард последующих преобразований общества было сложной задачей, резко возрастала роль адекватного политического лидерства, борьба за которое в нэповский период надолго определит перспективы развития партии и страны.

Список литературы

Абракова Т.А. Органы партийно-государственного контроля в системе губернской власти в 1923–1929 гг. (на материалах Нижегородской губернии). Дис. .... канд. ист. наук. Нижний Новгород: НГУ имени М. Горького, 1999. 165 с.

Абракова Т.А. Советское общество 20–30-х годов XX века: опыт политического контроля (На материалах партийной контрольной комиссии). Нижний Новгород: ННГАСУ, 2005. 143 с.

Авторханов А.Г. Технология власти. М.: СП «Слово», 1991. 638 с.

Андреев Д.А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 45–61.

Анфертьев И.А. Модернизация Советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б)–ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. М.: ИНФРА-М, 2020. 693 с.

---

⁹⁰ Второй Пленум Центральной контрольной комиссии... С. 164.

- Анфертьев И.А.* Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е годы. Критический анализ. М.: ИНФРА-М, 2020. 323 с.
- Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в РКП(б)–ВКП(б) (1920-е — начало 1930-х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. 206 с.
- Бубнов А.* ВКП(б). М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 798 с.
- Вилкова В.П.* «Атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив. 2008. № 2. С. 130–176.
- Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 439 с.
- Гузаров В.Н.* Коммунистическая перестройка Томского технологического института (1920–1925 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 322. № 6. С. 149–154.
- Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С.* Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб.: Питер, 2010. 496 с.
- История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. А.Б. Безбородов. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 671 с.
- Краснов А.В.* ЦКК–РКИ в борьбе за социализм (1923–1934 гг.). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. 568 с.
- Морозова Т.И., Шишкин В.И.* «Политику внутри партии... я считаю началом растрачивания ленинского наследства». Переписка Е.М. Ярославского и Е.А. Преображенского о чистке непроектных ячеек РКП(б) 1924 г. // Исторический архив. 2016. № 5. С. 97–106.
- Москаленко И.М.* ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов. М.: Издательство политической литературы, 1973. 216 с.
- Москаленко И.М.* Органы партийного контроля в период строительства социализма. М.: Издательство Московского университета, 1981. 168 с.
- Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. 1921–1929 гг. М.: Московский рабочий, 1969. 320 с.
- Назаров О.Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М.: ИВИ РАН, 2000. 204 с.
- Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев» Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. 463 с.
- Резник А.В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2017. 382 с.
- Резник А.В.* Конфликтовать и контролировать: к изучению практик политической борьбы оппозиции в РКП(б) в 1923–1924 годах // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. № 1(24). С. 175–185.
- Санников В.А.* Органы партийного контроля в политической системе СССР в 1920-е –первой половине 1930-х годов (на материалах Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2020. 211 с.

Усков В.А. Контрольные комиссии РКП(б)–ВКП(б): замысел и опыт партийно-государственного управления в СССР. 1920-е гг. Тамбов: ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. 198 с.

Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: веги историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. С. 174–207.

Халфин И. В поисках оппозиции: чистка 1924 г. в Ленинградском коммунистическом университете им. Г.Е. Зиновьева // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск: Институт истории Сибирского отделения РАН, 2018. С. 398–420

Fitzpatrick Sh. The Problem of Class Identity in NEP Society // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1991. P. 12–33.

Fox M.S. Political Culture, Purges and Proletarianization at the Institute of Red Professors, 1921–1929 // The Russian Review. 1993. Vol. 52. N 1. P. 20–42.

Hincks D. Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // Soviet Studies. 1992. Vol. 44. N 1. P. 137–151.

Konecny P. Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad // Europe-Asia Studies. Vol. 46. 1994. N 4. P. 617–635.

Merridale C. Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital, 1925–1932. New York: St. Martin`s Press, 1990. 328 p.

Rigby T.H. Communist Party Membership in the U.S.S.R. 1917–1967. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2019. 600 p.

Поступила в редакцию
15 марта 2022 г.

Н.В. Кияшко

**ФАКТОР «РЕЛИГИОЗНОГО НЭПА» В ОТНОШЕНИЯХ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ
НА ЮГЕ РСФСР**

N.V. Kiyashko

**THE FACTOR OF “RELIGIOUS NEP” IN THE RELATIONS
OF THE SOVIET GOVERNMENT WITH THE ORTHODOX
CHURCH IN THE SOUTH OF THE RSFSR**

Аннотация. Практическая реализация новой экономической политики обусловила изменение отношений советского государства с Церковью и переход в 1923 г. к новому курсу религиозной политики, сочетавшему административное давление и репрессии в отношении духовенства с «либеральным» отношением к рядовым верующим. В настоящей статье анализируется реализация «религиозного нэпа» на юге страны, в частности, в Кубано-Черноморской области и Ставропольской губернии, характеризуются противоречия между декларативными официальными документами и деятельностью власти на местах, выявляются основные формы и методы осуществления политики в отношении православного духовенства и верующих. Обращено внимание на роль органов безопасности в политике по отношению к Православной церкви, в том числе на ее региональную специфику. В существующей историографии проблема «религиозного нэпа» в рассматриваемых регионах не становилась предметом отдельных исследований. Новый религиозный курс воспринимался на местах по-разному, власти не учитывали необходимости тактических маневров с группами верующих. Так, на Кубани в 1922–1923 гг. административная поддержка обновленческого раскола путем закрытия храмов и ликвидации «тихоновских общин» привела к доминированию обновленцев среди церковных групп региона в нарушение инструкций центра. Это создавало условия для вмешательства Президиума ВЦИК с целью принудительного сохранения баланса. В то же время в Ставропольской губернии активная деятельность епископата патриаршей Церкви и медлительность местной власти в 1923–1926 гг. существенно снизили поддержку обновленчества рядовыми

Кияшко Никита Витальевич, аспирант кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Kiyashko Nikita Vitalyevich, Postgraduate Student, Department of History of Russia in the Twentieth–Twenty-First Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-968-722-11-11; kiyashkonv@gmail.com

верующими и обусловили репрессивную активность органов безопасности. Одновременно с отходом от тактики «религиозного нэпа» в 1926 г. усиливалась антирелигиозная политика, когда публичные судебные процессы над духовенством широко освещались в местной прессе. Таким образом, реализация политики в период «религиозного нэпа» на местах имела непоследовательный характер и, несмотря на попытки центра добиться единообразия ее проведения, партийные органы и ОГПУ не достигли цели разрушения Православной церкви.

Ключевые слова: «религиозный нэп», история Русской православной церкви в XX в., Кубанская епархия, Ставропольская епархия, ВЧК–ОГПУ, обновленческий раскол,

Abstract. The practical implementation of the new economic policy led to a change in the relations of the Soviet state with the Church and, in 1923, brought about the transition to a new course of religious policy, which combined administrative pressure and repressions against the clergy with a “liberal” attitude towards ordinary believers. This article analyzes the implementation of the “religious NEP” in the south of the country, in particular, in the Kuban–Black Sea region and the Stavropol province, characterizes the contradictions between declaratory official documents and the activities of local authorities, identifies the main forms and methods of carrying out policy towards the Orthodox clergy and laity. Attention is drawn to the role of security authorities in the policy towards the Orthodox Church, including its regional specificity. The problem of “religious NEP” in the regions in question has not been a subject of special historical studies. The new religious course was perceived differently depending on the locality, the authorities did not take into account the need for tactical maneuvers with groups of believers. Thus, in the Kuban region in 1922–1923, administrative support for the Renovatianist schism through the closure of churches and the liquidation of the “Tikhon communities” led to the dominance of the Renovatianists among the church groups in the region, in defiance of the center’s instructions. This created the prerequisites for the intervention of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in order to forcibly maintain a balance. At the same time, in the Stavropol province, the intense activity done by the episcopate of the Patriarchal Church and the sluggishness of the local authorities in 1923–1926 significantly reduced the support of Renovatianism by the laity and necessitated the repressive actions of the security authorities. Simultaneously with the departure from the tactics of “religious NEP” in 1926, the anti-religious policy intensified, and public trials of the clergy were widely covered in the local press. Thus, the implementation of the policy during the period of the “religious NEP” in the localities was inconsistent and, despite the attempts of the center to achieve uniformity in its making, the party organs and the OGPU did not achieve the goal of destroying the Orthodox Church.

Keywords: “religious NEP”, history of the Russian Orthodox Church in the 20th century, Kuban diocese, Stavropol diocese, VChK–OGPU, Renovatianist schism.

Переход к новой экономической политике задал новый формат отношений советской власти с Православной церковью, предполагавший отказ от «хулиганских выходов» периода военного коммунизма и переход к планомерному подрыву ее авторитета среди низового крестьянства. Термин «религиозный нэп» в качестве определения религиозной политики периода 1923–1929 гг., сопровождавшейся тактической либерализацией некоторых сфер церковной жизни при сохранении антирелигиозного вектора в деятельности партийных и карательных органов, достаточно прочно вошел в отечественную историографию¹. Одним из первых его употребил председатель Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Е.М. Ярославский в 1923 г. во время выступления перед московскими партийно-хозяйственными работниками². Старт политике «религиозного нэпа» дал проходивший с 17 по 25 апреля 1923 г. XII съезд РКП(б), принявший резолюцию «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды». В этом документе отмечалась необходимость развертывания углубленной систематической пропаганды против религии, требующей подготовки новых кадров среди агитаторов, привлечения школьных учителей. Отдельно подчеркивалось, что в антирелигиозной работе не должно быть издевательств над чувствами верующих и священными предметами, «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма»³. Таким образом, власть временно отказалась от прямой конфронтации с Церковью и перешла к «либеральной» тактике в деле научно-атеистической пропаганды. Заданный съездом курс был ориентирован на усиление внутрицерковной борьбы, дискредитирующей духовенство в глазах верующих, и поддержку раскола в церковных рядах при помощи политической деятельности большевистской партии и органов ГПУ.

Главной причиной поворота к «религиозному нэпу» И.А. Курляндский называет активную либерализацию экономической жизни страны в рамках НЭПа, слабые результаты массовых антирелигиозных мероприятий 1922 г., которые не привели к вытеснению религии из народного сознания, а также не исключает фактор международного влияния, связанный с проблемой признания молодого

¹ См., например: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 226; *Неживых Н.А.* Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Западной Сибири). Омск, 2012.

² *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 264.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925. М., 1984. С. 114–115.

советского государства⁴. Несколько иной позиции придерживается М.В. Шкаровский, который полагает, что проводником нового курса стала группа Н.И. Бухарина, решившаяся на «сотрудничество» с церковными организациями⁵.

Проблема «религиозного нэпа» в политике советской власти на юге страны уже достаточно давно была поставлена в историографии и получила частичное освещение в ряде региональных работ⁶. Однако исследователи, как правило, ограничивались узким кругом источников и не рассматривали провинциальные процессы в контексте эволюции генеральной линии власти. Поэтому по-прежнему остается актуальной публикация и анализ новых материалов о религиозной политике в «либеральные» годы на местах, позволяющих оценить конкретные формы ее преломления в условиях провинции.

Разъяснение резолюции XII съезда «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» появилось в виде циркулярного письма ЦК от 16 августа 1923 г., ставшего главным документом «религиозного нэпа». Согласно директиве, либерализация политики выражалась в прекращении репрессивных кампаний «религиозного характера», не связанных с «явно контрреволюционными деяниями служителей церкви и верующих», равномерном распределении храмов и молитвенных домов среди церковных групп и запрете их закрытия, «по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистра-

---

⁴ Курляндский И.А. Указ. соч. С. 203, 207.

⁵ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 84.

⁶ Беликова Н.Ю. Православная Церковь и государство на юге России (конец XIX — первая треть XX вв.). Краснодар, 2004; Рожков А.Ю. Обновленцы и мученики // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар, 2009. С. 127–139; Беликова Н.Ю. Государство, казачество, религия в постреволюционный период // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения. Материалы I Международ. науч.-практич. конференции студентов, аспирантов, преподавателей. Армавир, 2016. С. 149–153; Кияшко Н.В. Положение канонических общин и развитие обновленческого раскола на Кубани в 1924–1933 гг. // Патриарх Сергей и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству. Материалы Всерос. науч.-практич. конференции с междунар. участием. Армавир, 2017. С. 162–175; Кияшко Н.В. Антицерковная политика власти и положение обновленческих и канонических общин на Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международ. науч. конференции: в 2 ч. Ч. 2. Иваново, 2017. С. 277–282; Кияшко Н.В. Обновленческий раскол как компонент советской антицерковной политики и его эволюция на Кубани в 1920-е гг. // Вестник Ставропольской духовной семинарии. 2017. Вып. 1 (4). С. 26–42; Малахов С.Н., Симонянц С.В. Усиление административного контроля над православными общинами Кубани в конце 1920-х годов // II Виноградские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Армавир, 2018. С. 88–92; Топоров М.О. Отношение советской власти и общества к обновленчеству на Кубани // Научные горизонты. 2019. № 4 (20). С. 110–119.

ции». Вслед за двусмысленными утверждениями о «ослаблении» политики от органов на местах требовалось проводить «вдумчивую критику религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии», и усилить «бдительность» партийных органов в отношении контрреволюционных деяний духовенства и верующих, а, значит, обеспечивать ГПУ сведениями об идеологических оппонентах власти⁷.

В духе объявленного XII съездом обновленного подхода к антирелигиозной пропаганде, ориентированного на предотвращение народных волнений против власти, партийные органы на местах приступили к построению аппарата систематической антирелигиозной работы, преследующей задачи идеологического просвещения молодежи и роста массового антирелигиозного движения. На заседании Юго-Восточного бюро ЦК 17 августа 1923 г. была создана особая тройка по делам пропаганды при агитационно-пропагандистском отделе бюро (в составе представителей агитпропа, орготдела и бюро РКСМ), а областным комитетам приказано создать партийные антирелигиозные кружки. В соответствии с новыми директивами ЦК Юго-Восточное бюро отвергло диспуты как метод пропаганды и рекомендовало партийным органам проводить лекции и беседы научно-разъяснительного характера⁸.

В качестве «поблажки» для верующих, после вынужденного «раскаяния» патриарха Тихона в антисоветской деятельности в июне 1923 г., власть в тактических целях ослабила репрессивное давление на тихоновский епископат и духовенство, что, естественно, активизировало церковную жизнь на местах. В обзоре политико-экономического состояния страны за июнь 1923 г. ГПУ отмечало, что «освобождение Тихона внесло в жизнь большое оживление. Оно заставило обновленцев с ВЦС во главе усилить свою деятельность ввиду опасения возвращения Тихона к власти»⁹. 26 июня 1923 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) поручила ГПУ пересмотреть дела «наименее вредных церковников» с учетом возможности применения амнистии¹⁰. Конечно, мера «возможности» определялась в соответствии с текущими оперативными задачами ведомства.

---

⁷ Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 416.

⁸ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 291. Л. 17об.

⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. М., 2001. С. 903.

¹⁰ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М., 2014. С. 83.

Органы безопасности в центре и на местах чутко восприняли двусмысленный характер распоряжений и лишь немного ослабили, но не прекратили репрессивное давление на идеологических оппонентов власти. Характерна позиция руководства Кубано-Черноморского облотдела ГПУ. Весной 1923 г. в Краснодаре прошел масштабный судебный процесс над сторонниками патриарха Тихона епископом Ейским Евсевием (Рождественским), духовенством и мирянами, арестованными по сфабрикованному обвинению в противодействии изъятию церковных ценностей и поминании патриарха Тихона. Завершился процесс осуждением архиерея и его помощников к длительным ссылкам. Вслед за епископом к двухлетней ссылке были приговорены его сторонники в г. Краснодаре — настоятель Ильинского храма протоиерей А. Маков и священник А. Пурлевский¹¹. После суда дело секретаря епископа протоиерея Илариона Голубятникова выделили в отдельное производство. В обвинительном заключении по его делу уполномоченный СПО № 1 Кубано-Черноморского облотдела ГПУ Гортлевский предложил провести публичный суд над Голубятниковым, но опытный чекист, заместитель начальника облотдела ГПУ Я.А. Бухбанд отказался от несвоевременной «кавалерийской атаки» на Церковь, написав на документе: «Принимая во внимание, что дело старое и потеряло свое значение, кроме того освобождается Тихон. Дело направить “П.П. Г.П.У” для административ[ной] высылки, ввиду его вредности на Кубани». Вскоре по решению Комиссии НКВД от 26 октября 1923 г. Голубятникова выслали на два года в Сибирь¹².

В таком же ключе действовало ГПУ и после закрытия в марте 1923 г. тихоновского Александро-Невского подворья Кавказского мужского монастыря в г. Армавире. По сфабрикованным обвинениям были арестованы и отправлены в тюрьму в г. Ростове-на-Дону настоятель подворья иеромонах Феодосий (Литовченков) и председатель церковно-приходского совета диакон Федот Сальников. В связи с отсутствием доказательств Сальникова через несколько месяцев освободили¹³. Другие насельники подворья были также высланы в Полномочное представительство ГПУ на Юго-Востоке РСФСР. Облисполком объяснял причины закрытия подворья тем, что «монастырь был населен исключительно черным духовенством,

---

¹¹ Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-55642. Л. 183.

¹² Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-15682. Л. 44, 62.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 29; Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-45980. Л. 156.

враждебно настроенным к Советской власти и ведшим пропаганду Тихоновских идей среди верующего народа»¹⁴.

9 сентября 1923 г. в связи с волнениями в общине Никольского собора г. Армавира протоиерей Леонид Дмитриевский, псаломщик Жигулин и восемь членов церковного совета, выступившие против признания обновленческого Священного Синода, были арестованы ГПУ. Хотя протоиерея Дмитриевского в декабре освободили под подписку о невыезде, следствие по этому делу продолжалось¹⁵.

Органы власти по советской линии также продолжали оказывать административное давление на церковные группы патриаршей Церкви. В сентябре по постановлению Кубано-Черноморского облисполкома были закрыты Покровский храм одноименного женского монастыря и Никольский храм при железнодорожной станции Тихорецкая Владикавказской железной дороги, переданный местному исполкому для оборудования в нем школы¹⁶. Красноречиво отражает «либеральный» курс власти жалоба прихожан Никольского храма, возмущенных издевательством над верой. В заявлении к Наркомюстиции члены общины сообщали: «Самое очищение здания храма от предметов христианского почитания сопровождалось кощунством, надругательством над святынями нашими и религиозным чувством верующих и уничтожением отчасти церковного имущества, например: иконы, писанные на холсте, порваны и хуже того, обращены на обратной стороне в плакаты-афиши при кинематографе»¹⁷.

Хотя на Кубани обновленчество достаточно быстро заняло доминирующее положение, на Ставрополье и Тереке активное сопротивление духовенства и верующих и слабое влияние обновленческих епархиальных управлений обусловило политическое преследование руководителей патриарших приходов, препятствовавших насильственному внедрению раскола на местах. Так, в мае 1923 г. были арестованы священники Евдокиевского храма г. Ставрополя Михаил Голов и с. Надежды Ставропольского уезда Иван Кононов. По решению Комиссии НКВД их выслали из Ставропольской губернии¹⁸. В это же время заключили под стражу священника Михаило-Архангельского храма села Круглолесского Александровского уезда Николая Цветаева, мирян г. Ставрополя А.С. Бабенко и с. Бешпагир И.Я. Багринцева¹⁹.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 32.

¹⁵ Там же. Л. 205, 205об., 336.

¹⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 6. Л. 27, 49, 55.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 23.

¹⁸ Архив Управления ФСБ России по Ставропольскому краю. Д. 12471-пф. Л. 34об.; Д. 12821. Л. 42.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 197, 198.

В Терской области по ходатайству-доносу обновленческого Пятигорского епархиального управления репрессиям подверглись видные противники раскола: протоиерей Яков Матвеев и диакон Григорий Швец из Эссентуков, священники Петр Стефановский и Иван Прокопович из Кисловодска, священник Николай Лавров, диакон Иван Мешалкин и член церковно-приходского совета Даниил Кохно из Пятигорска, священник г. Минеральные Воды Владимир Мишенин. В декабре 1923 г. Комиссия НКВД приговорила протоиерея Стефановского, диакона Швеца и Д.М. Кохно к двум годам ссылки в Бухару, священников Прокоповича и Лаврова, диакона Мешалкина — к ссылке на два года в Хиву, а протоиерею Матвееву запретила проживание в крупных городах и Терской области на два года. Священник Мишенин был освобожден²⁰.

В августе 1923 г. сотрудники Терского губотдела ГПУ арестовали священника тихоновской общины села Левокумского Прикумского уезда Михаила Крицкого. По решению Комиссии НКВД от 7 декабря 1923 г. его выслали в Нарымский край Томской губернии на трехлетнее заключение в концлагере²¹. В середине сентября тихоновский епископ Арзгирский, викарий Ставропольской епархии Гервасий (Малинин) под давлением ГПУ вынужденно покинул Ставрополь и вернулся в Москву²². Совершенно очевидно, что органы безопасности шли на подобные манипуляции с целью не допустить окончательного уничтожения обновленчества в регионе. Аналогичным образом для ослабления позиций патриаршей Церкви из Ставрополя был выслан в Москву в январе 1924 г. епископ Ставропольский Иннокентий (Летяев)²³. В обзоре политико-экономического состояния СССР за сентябрь–ноябрь 1923 г. отмечалось, что падающий на местах авторитет обновленчества органам ГПУ «приходится восстанавливать с большими усилиями»²⁴. Цена этих «усилий» — закрытые патриаршие приходы, лишённые священников и епископов, высланных в далекие лагеря.

Официальная декларация «нового курса» в отношениях с Церковью в партийных циркулярах не гарантировала его исполнение на местах. XII съезд и последующие партийные директивы ориентировали местные власти на «комбинированный» подход в борьбе с религией, т.е. сочетание административного давления и репрессий в

---

²⁰ Архив Управления ФСБ России по Ставропольскому краю. Д. 31700-пф. Л. 36, 36об., 202–205.

²¹ Там же. Д. 13933. Л. 40, 46.

²² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 16. Л. 40.

²³ Там же. Л. 40об.

²⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 2. С. 947.

отношении духовенства и «мягкого» отношения к рядовым верующим. XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) закрепил «мягкий» курс в борьбе с религией и вновь утверждал необходимость антирелигиозного просвещения крестьянства, противопоставив его недопустимой административной борьбе через закрытие церквей, мечетей, синагог и молитвенных домов²⁵. Однако на местах власти действовали более прямолинейно и не учитывали сложные тактические маневры ЦК.

Сложившаяся ситуация беспокоила председателя ВЦИК М.И. Калинина, в адрес которого со всей страны поступали тысячи писем верующих с жалобами на закрытие храмов, притеснения религиозных общин и аресты духовенства. В письме к Сталину 8 июля 1924 г. он поднимал вопрос о причинах неисполнения партийной директивы годичной давности: «Мне кажется, главная причина эта та, что ЦК все-таки слишком мягко относится к нарушителям партийных директив в области религиозного вопроса... Между прочим, нарастает стремление захватить все большее количество храмов и обратно — растет сила сопротивления, нарастает раздражение широких масс верующих. Необходимо предпринять соответствующие меры»²⁶.

Между тем, не вдаваясь в конъюнктурные изменения генеральной партийной линии, власти на местах продолжали отбирать храмы у тихоновцев и поддерживать обновленческое духовенство, а отделы ОГПУ организовывали незаконные политические репрессии. Порожденную антицерковной политикой волну массового закрытия храмов и давления на духовенство трудно было остановить двусмысленными директивами. Поэтому ВЦИК регулярно по предложению члена Президиума ВЦИК и Антирелигиозной комиссии ЦК П.Г. Смидовича отменял решения губисполкомов и возвращал храмы тихоновским общинам в тех местах, где обновленчество приобрело массовый характер. Такие действия центра вызывали непонимание у местных органов.

Так, в феврале 1924 г. за поминование патриарха Тихона в Ставрополе власть закрыла Казанский кафедральный собор, Варваринский, Иоанно-Мариинский и Евдокиевский храмы, а тихоновских священников отправили в ссылки. После жалобы верующих Народный комиссариат юстиции потребовал от Ставропольского губисполкома открыть храмы и распределить их среди обновленческих и тихоновских общин²⁷.

Аналогичная ситуация складывалась и на Кубани. После закрытия Ильинского храма г. Краснодара, 29 января 1924 г. бюро

²⁵ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 250.

²⁶ Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1. С. 448.

²⁷ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 16. Л. 41, 44.

Кубано-Черноморского обкома РКП(б) по просьбе уполномоченного Священного Синода протоиерея Ф.И. Делавериدي закрыло Покровский Каленовский скит Александро-Афонского Зеленчукского монастыря и начало планомерное наступление на патриаршую Церковь в регионе²⁸. 5 февраля 1924 г. на закрытом заседании бюро обкома обсуждался доклад заместителя начальника облотдела ОГПУ Я.А. Бухбанда о «тихоновском движении», «объединяющем вокруг себя контрреволюционные элементы из кулачества, белого офицерства и активных противников советской власти». Для борьбы с тихоновцами бюро обкома санкционировало репрессивное давление на верующих: «Считать необходимым высылку лиц, ведущих антисоветскую агитацию, из пределов Кубани в другие, более благополучные в политическом отношении места. Предложить прокурорскому надзору в партийном порядке, считаясь с политическим значением тихоновского движения на Кубани, дела по церковной контрреволюции проводить следствием и судом в ускоренном порядке, а также давать срочные заключения свои о лицах, предназначенных ГПУ для административной высылки»²⁹. Вскоре административный отдел облисполкома подготовил меры борьбы с тихоновским движением, одобренные обкомом 29 февраля³⁰.

Секретное решение партийного органа незамедлительно начало приводиться в жизнь. 5 марта Кубано-Черноморский облисполком лишил тихоновские общины станиц Поповичевской, Ильинской, Дмитриевской, г. Армавира и г. Краснодара храмов, которые передавались обновленцам. Чтобы парализовать существование этих общин ОГПУ арестовало «заядлых контрреволюционеров и черносотенцев» священников ст. Поповичевской А. Погуляева и К. Попова и священника ст. Григориполисской Владимира Кроткова³¹. Непрерывный поток жалоб верующих привлек внимание ВЦИКа и 5-го отдела Наркомюста к слишком «рьяной» поддержке властями обновленчества на Кубани. Вскоре заведующий 5-м отделом НКЮ П. Красилов, а затем сам М.И. Калинин потребовали от облисполкома восстановить права тихоновских общин. С целью одернуть зарвавшиеся кубанские власти в перегибах в «церковных» вопросах член Президиума ВЦИК П. Смидович потребовал передать Николаевский собор г. Армавира тихоновской общине, причем отмечал: «С точки зрения нашей церковной политики (отделения церкви от

---

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371. Л. 15об.

²⁹ Там же. Л. 22.

³⁰ Там же. Л. 45.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 61. Д. 214об., 239.

государства) совершенно немыслимо лишать определенную группу верующих возможности отправлять свой культ»³².

В ответ на требование Москвы председатель Кубано-Черноморского облисполкома В. Толмачев 16 мая 1924 г. объяснил поддержку обновленцев их лояльностью к власти. «Кубано-Черноморский облисполком вообще далек от мысли оказывать предпочтение той или другой фракции верующих, — писал В. Толмачев, — но в то же время облисполком не может безразлично относиться и даже легализовать контрреволюционную работу граждан под религиозными предложениями, и последнее время под флагом так называемой “тихоновщины”, работы тайной и лукавой, прикрываемой под церковными сводами... Но распоряжением центральной власти Кубчероблисполком поставлен в необходимость передать храмы в распоряжение групп, заведомо не пользующихся доверием Соввласти и даже подсудным за контрреволюционные деяния». Административное давление на тихоновские общины, в прошлом якобы сотрудничавшие с белогвардейским правительством Деникина и Врангеля, по утверждению Толмачева, было необходимо для пресечения их контрреволюционной деятельности. В обоснование проводимой политики он ссылаясь на данные следствия местного отдела ГПУ, «разоблачившего» контрреволюционеров³³.

Согласно отметкам на документе Кубано-Черноморского облисполкома, он поступил секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе и был направлен П.Г. Смидовичу, который не придал значения оправданиям местных властей и лишь оставил пометку об ознакомлении: «4/VI. П. Смидович»³⁴.

В это время кубанские обновленцы делегировали в Москву настоятеля обновленческой общины Никольского собора и благочинного храмов г. Армавира протоиерея Капитона Лаврова (впоследствии «епископ» Оршанский). В ходе встречи с П.Г. Смидовичем Лавров доказывал, что большинство верующих Армавира придерживается обновленчества, а тихоновская группа незначительна. Смидович согласился отдать собор обновленцам, но предупредил, что и тихоновцы не будут обделены: «Юридически собор должен быть закреплен за обновленцами, но тихоновцам, по нашему распоряжению дадут здание под моленную — и вдруг эта моленная, возможно, вблизи собора переполнится народом, а обновленческий собор будет пустовать, — тогда что?»³⁵.

³² Там же. Д. 162. Л. 238, 245, 246, 254.

³³ Там же. Л. 225–227.

³⁴ Там же. Л. 225.

³⁵ Там же. Оп. 62. Д. 314. Л. 101, 101об.

23 июня 1924 г. Президиум ВЦИК по предложению Смидовича принял решение принудительно установить баланс среди церковных групп на Кубани и постановил передать верующим «старого толка» по одному из храмов в станицах Поповичевской, Ильинской, Дмитриевской и Переяславской, но сохранил Николаевский собор Армавира за обновленцами³⁶. Следующим решением, 7 июля 1924 г., после многократных жалоб верующих Президиум ВЦИК передал Троицкий храм станицы Григориполисской тихоновской общине³⁷.

Однако кубанских обновленцев не удовлетворяли половинчатые решения высшей власти, сохранявшей тихоновские общины. В октябре 1924 г. заместитель председателя обновленческого Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерей Ф. Делавериди прибыл во ВЦИК, чтобы лично добиться начала преследования патриаршей Церкви на юге. В беседе с секретарем председателя ВЦИК по делам культов В.А. Шумовым и его помощником Н.П. Орлеанским он доказывал, что кубанские тихоновцы продолжают контрреволюционную борьбу белогвардейского правительства Деникина и Врангеля и являются политическими противниками власти³⁸. Прием представителя кубанских обновленцев Шумовым и Орлеанским, бывших канцелярско-техническими сотрудниками, а не зампредом ВЦИКа Смидовичем или самим Калининным говорит о том, что для высшего советского руководства общение с провинциальным обновленцем не представляло интереса, как и его просьбы.

Периодически для ослабления позиций патриаршей Церкви по заключениям ОГПУ местные власти не допускали регистрации тихоновских общин и передачу им храмов³⁹. Так, в октябре 1925 г. заместитель начальника Кубанского окружного отдела ОГПУ И.П. Попашенко рекомендовал отказать в регистрации общины верующим старого толка ст. Нововеличковской Медведовского района⁴⁰. Вопрос регистрации тихоновской общины Михаило-Архангельского храма станицы Константиновской также разбирался в Армавирском отделе ОГПУ, который указал адмотделу исполкома отклонить ходатайство в связи с наличием большого числа обновленцев в станице⁴¹.

О слабой работе местной власти по разложению Церкви и разделению духовенства на различные группы свидетельствуют статистические данные. Так, на начало 1924 г. на Кубани из 488 храмов 431

---

³⁶ Там же. Оп. 61. Д. 163. Л. 69.

³⁷ Там же. Д. 162. Л. 192.

³⁸ Там же. Л. 300–301об.

³⁹ Там же. Оп. 63. Д. 392. Л. 9об.

⁴⁰ Там же. Оп. 61. Д. 180. Л. 13.

⁴¹ Архивный отдел администрации МО г. Армавир. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 26. Л. 101.

принадлежали обновленцам, и только 57 держались патриаршего направления⁴². Согласно статистике обновленческого епархиального управления, в январе 1925 г. количество обновленческих приходов увеличилось до 482, тихоновцам принадлежало 14 храмов, а 5 приходов занимали «колеблющееся» положение. Тихоновского духовенства насчитывалось 30 человек (без учета монашествующих четырех монастырей), а обновленческого — 838⁴³. К началу 1926 г., по данным Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), позиции патриаршей Церкви значительно окрепли, но доминирование обновленчества сохранилось. На территории Кубанского, Черноморского, Майкопского и Армавирского округов у тихоновцев было 112 храмов, 7 монастырей и 289 священнослужителей. Обновленцам принадлежали 440 храмов и такое же количество духовенства⁴⁴. Фактически за два года раскола на Кубани обновленческое движение вернулось к уровню 1924 г.

На Ставрополье к декабрю 1923 г. находилось 9 патриарших храмов и 29 священнослужителей, 216 обновленческих храмов, а в Терской области насчитывалось 217 обновленческих и 61 тихоновских представителей духовенства⁴⁵. Через год, после прибытия епископа Ставропольского Иннокентия (Летяева), в Ставропольской епархии количество приходов патриаршего направления возросло до 170 при 55 обновленческих и 109 священнослужителях⁴⁶. В 1926 г. количество патриарших приходов снизилось до 133, а обновленческих — до 22⁴⁷. Очевидно, что в 1924–1926 гг. патриаршая Церковь в Ставрополье, хотя и с переменным успехом, занимала лидирующие позиции, что стало следствием активной деятельности тихоновского епископата. В этой связи представляется ошибочным утверждение А. Пантюхина о «монополии» обновленцев в религиозной жизни Ставрополья в указанный период⁴⁸.

Начавшийся после XIV съезда ВКП(б) неофициальный отказ от политики нэпа спровоцировал на местах в 1926–1927 гг. усиление

---

⁴² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 240б.

⁴³ Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-30619. Л. 100.

⁴⁴ Бирюкова Ю.А. Материалы статистики по обновленческому и григорианскому расколам в Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в 1926 г. // Научные труды Донской духовной семинарии: сборник. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2014. С. 304–306.

⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 268.

⁴⁶ Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 15.

⁴⁷ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 134. Л. 57.

⁴⁸ Пантюхин А., диак. Обновленческое движение Русской православной церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья и Терека). Ставрополь, 2014. С. 159.

антирелигиозной пропаганды через публичную дискредитацию духовенства. В 1926–1928 гг. прошла череда показательных судов над духовенством и верующими патриаршей Церкви на Кубани.

3 апреля 1926 г. бюро Кубанского окружного комитета ВКП(б) рассматривало материал по делу тихоновского прихода в станице Раздольной и поддержало предложение краевой прокуратуры провести публичный суд в г. Краснодаре⁴⁹. Поводом к возбуждению дела послужили длившиеся несколько дней столкновения верующих обновленческой и тихоновской общин на почве передачи Вознесенского храма обновленцам. Толпу смог разогнать только прибывший из станицы Кореновской отряд районной милиции. Под арестом в доме заключения ОГПУ оказались священник тихоновской общины Михаил Клева, диакон Серебрянский, монах Филипп (Соломко) и 12 членов церковного совета и мирян. Для оправдания власти в эскалации насилия против идеологических и политических оппонентов в окружной газете «Красное Знамя» вышла серия публикаций с разоблачением «истинного» положения дел. Корреспондент А. Толин обвинял членов церковного совета в том, что они стремились «под знаменем старой Христовой веры» сплотить вокруг себя «темные хлеборобские массы, а после этого выступать уже как от религиозной общины при разрешении вопросов местной жизни», и придавал делу политический характер⁵⁰.

Показательный процесс начался 5 мая 1926 г. и проходил в клубе «Профинтерн» Краснодара. В ходе суда допросили 70 свидетелей, среди которых выступил председатель стансовета Раздольной Попетин и обвинил верующих во вмешательстве в выборы станичного совета: «Беспорядки и скандалы в ограде церкви отразились на выборах в совет. Тихоновцы усиленно и дружно проваливали все неудобные им кандидатуры»⁵¹. Со стороны обновленцев в суде участвовал заместитель председателя Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерей В. Молчанов (будущий «епископ»), выезжавший в Раздольную для успокоения верующих. Тихоновцев он характеризовал как политических противников советской власти, в среде которых находятся «только люди зажиточные и глубоко ненавидящие наш теперешний существующий строй»⁵². 11 мая 1926 г. Кубанская постоянная сессия Северо-Кавказского краевого

⁴⁹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212. Л. 55.

⁵⁰ Толин А. С крестом в политику (К суду над Кубанской «тихоновщиной») // Красное Знамя. 1926. № 83 (1775). 11 апр. С. 7.

⁵¹ Ми-н М. Дело кубанских тихоновцев (Второй день процесса) // Красное Знамя. 1926. № 104 (1796). 8 мая. С. 5.

⁵² Толин А. Дело кубанских тихоновцев // Красное Знамя. 1926. № 106 (1798). 11 мая. С. 5.

суда приговорила священника Клеву с тремя годами заключения с последующей высылкой из пределов Кубани, членов церковного совета Ерыгина, Гайдамакина, Калугина, Безбородова и Криволапова — к двум годам тюрьмы, Евсюкова, Золотарева и монаха Филиппа — к одному году высылки с поражением в правах на два года, Марченко, Трофимов, М. Патрина и О. Лелюх получили условные сроки, а диакона Серебрянского освободили за отсутствием преступления⁵³.

В течение 1926–1928 гг. в Майкопском округе Северо-Кавказского края проводилась серия антирелигиозных показательных судов над местным духовенством, призванных укрепить идеологическую борьбу с Православной церковью и снизить авторитет духовенства среди верующих. Первым из них стал судебный процесс над иеромонахом Михаило-Афонского монастыря Иовом (Афанасьевым), будущим епископом «андреевского» течения. До 1925 г. иеромонах Иов был благочинным Иверско-Алексеевского женского монастыря близ г. Туапсе Черноморского округа, затем переехал в Михаило-Афонскую обитель, а после ее закрытия жил в станице Рязанской. 9 июня 1926 г. бюро Майкопского окружного комитета ВКП(б) признало «целесообразным» проведение показательного суда над ним в г. Майкопе⁵⁴. В местной печати была организована массивная пропаганда, изобличающая якобы нравственные пороки монашествующих и лично отца Иова с целью дискредитации духовенства⁵⁵. С 31 октября по 6 ноября 1926 г. длились публичные слушания народного суда, завершившиеся осуждением иеромонаха к двухлетней ссылке⁵⁶.

Вслед за судом над иеромонахом Иовом начался судебный процесс по делу тихоновского иеромонаха Виссариона (Клесова) из станицы Дондуковской, арестованного 16 октября 1926 г.⁵⁷ В мае 1927 г. после закрытия Закубанского Михаило-Афонского мужского монастыря репрессивному давлению подверглись его настоятели и

⁵³ Толин А. Дело кубанских тихоновцев (7, 8 и последний день процесса) // Красное Знамя. 1926. № 110 (1802). 15 мая. С. 2.

⁵⁴ ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 65. Л. 50; Д. 142. Л. 144.

⁵⁵ III. Житие «святого» Иова // Красный пахарь. 1926. № 230 (940). 9 октября. С. 4; Сегодня суд над Иовом // Красный пахарь. 1926. № 249 (959). 31 октября. С. 4; Святой обманщик // Красный пахарь. 1926. № 250 (960). 2 ноября. С. 4; Церковный анархист // Красный пахарь. 1926. № 251 (961). 3 ноября. С. 4; Развенчанный чудотворец // Красный пахарь. 1926. № 252 (962). 4 ноября. С. 4; За монастырской стеной. Умирающий святитель // Красный пахарь. 1926. № 253 (963). 5 ноября. С. 4; Осколок прежней жизни // Красный пахарь. 1926. № 254 (964). 6 ноября. С. 4; Осиновый кол в могилу Церкви // Красный пахарь. 1926. № 255 (965). 7 ноября. С. 4.

⁵⁶ Осиновый кол в могилу Церкви // Красный пахарь. 1926. № 255 (965). 7 ноября. С. 4.

⁵⁷ Шафранов В. Грешные дела святых отцов // Красный пахарь. 1927. № 1 (1011). 1 января. С. 2.

насельники, сторонники крупного деятеля иосифлянского движения епископа Варлаама (Лазаренко). В качестве главного обвинения монашествующим предъявили якобы имевшую место растрату монастырской церковной утвари. В течение полугода, пока продолжалось следствие, периодическая печать вела подготовку населения к издевательствам над монашествующими серией клеветнических публикаций⁵⁸. 6 февраля 1928 г. на публичном заседании народного суда 3-го участка Майкопского округа архимандриты Антоний (Скляр) и Моисей (Астахов), иеромонахи Петр (Базыкин), Климент (Алексеев), Иннокентий (Кухарев) и монах Леонтий (Осипенко) были приговорены к шестимесячному заключению с трехлетним запретом на проживание в Северо-Кавказском крае, а архимандрит Феодосий (Проценко) к заключению на один год с аналогичным запретом⁵⁹.

Одновременно с публичными показательными судами проводилось разрушение крупных тихоновских общин. Так, в начале 1927 г. сотрудники Кубанского окружного отдела ОГПУ арестовали авторитетного борца с обновленческим расколом и настоятеля Георгиевского храма г. Краснодара протоиерея А. Макова и основной актив общины: священников А. Пурлевского, В. Денисова, секретаря приходского совета Ф. Цехмистренко, монаха Афанасия (Сикоева) и мирян Т. Грица и Е. Протормас. По решению особого совещания при Коллегии ОГПУ от 1 июля 1927 г. они были высланы на три года с запретом проживания в центральных городах страны⁶⁰. В феврале 1927 г. был арестован благочинный тихоновских приходов Армавирского округа и настоятель храма села Братско-Опочиновского Василий Плотников, приговоренный в июле 1927 г. тройкой Полномочного представительства ОГПУ Северо-Кавказского края и Дагестанской ССР к выселению за пределы региона⁶¹.

Со второй половины 1920-х гг. решения и высказывания партийных и советских деятелей по церковным вопросам вновь приобрели былую непримиримость, заглушая умеренную линию в религиозной политике. Высший советский орган в решении церковных вопросов — секретариат по делам религиозных культов ВЦИК — гораздо реже стал возвращать закрытые храмы верующим. Так, 9 апреля

---

⁵⁸ Арест попов // Красный пахарь. 1927. № 102 (1112). 7 мая. С. 4; Шафранов В. Как растаскивались церковные ценности (Еще о попах Михайловской пустыни) // Красный пахарь. 1927. № 106 (1116). 12 мая. С. 4; Шафранов В. Дело монахов Михайловской пустыни // Красный пахарь. 1927. № 212 (1222). 16 сентября. С. 3.

⁵⁹ *Озимый*. Дело монахов б. Михайловской пустыни // Красный пахарь. 1928. № 44 (1354). 21 февраля. С. 3.

⁶⁰ Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-55642. Л. 10, 213.

⁶¹ Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-63955. Л. 1-10, 31, 39.

1927 г. секретарь председателя ВЦИК по вопросам культов Н.П. Орлеанский при рассмотрении вопроса о храмах г. Ейска и станицы Старощербиновской Донского округа Северо-Кавказского края одобрил действия местной власти, распределившей большинство храмов среди обновленцев, обосновывая свое решение отсутствием жалоб со стороны тихоновцев⁶². Однако тактика административного давления через закрытие храмов еще не стала главным направлением религиозной политики и не приобрела повсеместного характера.

Непоследовательный характер действий власти заметен в принимаемых ВЦИК решениях о передаче храмов тем или иным религиозным общинам. 26 марта 1928 г. Президиум ВЦИК отменил решение Северо-Кавказского крайисполкома о лишении тихоновцев права пользования храмом с. Ново-Михайловского Армавирского округа и передаче его обновленческой общине, уже распоряжавшейся другим сельским храмом. Оценивая решение высшей советской инстанции, С.Н. Малахов характеризует его как «неожиданное» и «уникальное» и отмечает редкий характер подобного явления⁶³. В связи с этим следует отметить, что маневры ВЦИК, принимаемые по результатам заключений П.Г. Смидовича, преследовали задачу разложения Православной церкви через тактическую поддержку тихоновцев или обновленцев, носившую временный характер. Никакой «уникальной» и тем более справедливой поддержки верующим ВЦИК никогда не оказывал.

Таким образом, период «религиозного нэпа» 1923–1927 гг. завершился постепенным отказом власти от тактики частичных уступок верующим и усилением административного и репрессивного давления на духовенство. Тактические маневры, предпринимаемые в целях укрепления лояльности консервативного кубанского населения, позволили укрепить систему советских и партийных органов на местах без массовых волнений, а верующим — сохранить подавляющее большинство храмов и отстаивать право собственной конфессиональной идентификации. Если в 1923–1925 гг. применявшиеся временами органами безопасности репрессивные методы давления преследовали локальные цели и не носили массового характера, то в 1926–1927 гг. вслед за заданными XIV съездом ВКП(б) направлениями политики ОГПУ перешло к последовательному устранению руководителей крупных церковных общин. Характерными примерами подобных мероприятий стали аресты духовенства и мирян Ильинского храма г. Краснодара, благочинного тихоновских приходов Армавирского округа, насельников Михаило-Афонского муж-

⁶² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 64. Д. 444. Л. 71, 72.

⁶³ Малахов С.Н., Симонянц С.В. Указ. соч. С. 90, 91.

ского монастыря. Характерной чертой усиления антирелигиозной пропаганды явились публичные издевательские суды над арестованными по церковным делам в Кубанском и Майкопском округах. С середины 1920-х гг. также последовательно сокращалась поддержка центром тихоновских общин, имевших меньшинство на фоне обновленческой монополии.

В 1928–1929 гг. в условиях проведения коллективизации началось резкое усиление антирелигиозной пропаганды и массовое давление на верующих по всей стране. Власти на местах часто использовали закрытие храмов и репрессии в отношении священнослужителей как повод для шантажа сопротивляющихся хлебозаготовкам крестьян. Вскоре ЦК попытался «легализовать» массовую волну наступления на Церковь, окончательно завершив политику «религиозного нэпа». 5 июня 1929 г. в циркуляре «О закрытии церквей» ЦК для «устранения ошибок» как будто бы возвращался к тактике прежних лет — разрешал закрывать храмы после широкой работы с массами, одновременно запрещая издевательства над чувствами верующих⁶⁴. Противоречивые положения циркуляра открыли новые возможности для начала войны с Церковью и развертывания массового террора против духовенства и мирян в ходе дальнейшей сплошной коллективизации, особенно остро развивавшейся в сельскохозяйственных регионах юга страны.

Список литературы

Беликова Н.Ю. Государство, казачество, религия в постреволюционный период // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения. Материалы I Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей. Армавир: РИО АГПУ, 2016. С. 149–153.

Беликова Н.Ю. Православная Церковь и государство на юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). Краснодар: [б/изд.], 2004. 162 с.

Бирюкова Ю.А. Материалы статистики по обновленческому и григорианскому расколам в Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в 1926 г. // Научные труды Донской духовной семинарии: сборник. Вып. 2. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. С. 304–306.

Кияшко Н.В. Антицерковная политика власти и положение обновленческих и канонических общин на Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVI Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. С. 277–282.

---

⁶⁴ Курляндский И.А. Указ. соч. С. 611.

Кияшко Н.В. Обновленческий раскол как компонент советской анти-церковной политики и его эволюция на Кубани в 1920-е гг. // Вестник Ставропольской духовной семинарии. Вып. 1 (4). Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2017. С. 26–42.

Кияшко Н.В. Положение канонических общин и развитие обновленческого раскола на Кубани в 1924–1933 гг. // Патриарх Сергей и церковно-государственные отношения в XX веке: трудный путь к сотрудничеству. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. С. 162–175.

Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011. 720 с.

Малахов С.Н., Симонянц С.В. Усиление административного контроля над православными общинами Кубани в конце 1920-х годов // II Виноградовские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир: Дизайн-студия Б, 2018. С. 88–92.

Неживых Н.А. Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Западной Сибири). Омск: Омский государственный технический университет, 2012. 157 с.

Пантюхин А., диак. Обновленческое движение Русской православной церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья и Терека). Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного университета, 2014. 280 с.

Рожков А.Ю. Обновленцы и мученики // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар: Православный Екатеринодар; Традиция, 2009. С. 127–139.

Топоров М.О. Отношение советской власти и общества к обновленчеству на Кубани // Научные горизонты. 2019. № 4 (20). С. 110–119.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Общество любителей церковной истории, 1999. 399 с.

Поступила в редакцию
26 февраля 2022 г.

С.Б. Бурков

**В.Б.ВИНОГРАДОВ (1938–2012) — ВЫПУСКНИК
КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛА**

S.B. Burkov

**V.B. VINOGRADOV (1938–2012), GRADUATE OF THE
DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY, FACULTY OF HISTORY,
MOSCOW UNIVERSITY: BECOMING A PROFESSIONAL**

Аннотация. Виталий Борисович Виноградов, выпускник кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 1961 г., прожил жизнь яркую и плодотворную, значимую как для общества, так и для многих связанных с ним людей. О его жизненном пути написано немало, однако до сих пор нет ни одной сводной работы историографического плана, в которой нашло бы отражение становление В.Б. Виноградова как профессионала-археолога на самом раннем этапе — в студенческие годы. Данная работа — дань памяти учителю и наставнику, без которого жизнь его учеников могла бы сложиться совсем иначе. В настоящей статье рассмотрены ранние публикации Виталия Борисовича, начиная с 1958 г. Автор обращается к тезисам его докладов на многочисленных конференциях, работам аналитического плана, газетным статьям. Часть их была написана совместно с его друзьями, студентами-археологами — участниками всероссийских археологических конференций, проходивших в период обучения Виталия Виноградова на историческом факультете МГУ, где на кафедре археологии формировался его незаурядный аналитический потенциал. В данной работе предпринята попытка сочетать научность изложения с описанием ярких особенностей личности будущего ученого, которые нашли отражение в его студенческих публикациях. Исследование проводилось во многом на основе воспоминаний В.Б. Виноградова о его взаимоотношениях с наставниками, с родными и близкими. Для становления его профессиональных качеств как археолога-полевика на раннем этапе существенное значение имело активное участие в полевых археологических исследованиях в составе СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова. Заметную

Бурков Сергей Борисович, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ
Burkov Sergey Borisovich, Senior Research Fellow, Department of Archeology, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz
+7-928-098-80-42; sergeyburkov59@yandex.ru

роль в формировании личностных качеств будущего кавказоведа сыграло добросердечное участие в этом творческом процессе А.В. Арциховского, Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова. В результате автор приходит к выводу, что на становление В.Б. Виноградова как профессионала-исследователя самым благотворным образом повлияла кафедра археологии исторического факультета Московского университета с ее научными и педагогическими традициями, уникальным профессорско-преподавательским составом тех лет.

Ключевые слова: кавказовед, кавказские древности, кафедра археологии исторического факультета МГУ, академические наставники, сарматские памятники, Е.И. Крупнов, А.В. Арциховский, Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов.

Abstract. Vitaliy Borisovich Vinogradov, graduate of the Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow State University, in 1961, enjoyed a bright and fruitful life, significant for society and many people around him. Much has been written about his biography, but there is no comprehensive analysis of Vinogradov's progress as a professional archaeologist in his student years. The author presents his tribute to the teacher and mentor, who largely determined the life of his disciples. This article examines Vinogradov's early publications, starting from 1958, numerous abstracts of conference papers, analytical and newspaper articles. Some of them were written in collaboration with his friends, archaeologists, participants of the All-Russian archaeological conferences, while Vinogradov was a student in the Department of Archaeology, Faculty of History, MSU. The author attempts at combining scholarly research with a description of the vivid features of Vinogradov's personality, which were reflected in his student publications. The study is largely based on Vinogradov's recollections of his relations with his professors, relatives and friends. His participation in E.I. Krupnov's archaeological expeditions in the North Caucasus was essential in shaping him as a field archaeologist at an early stage. A notable role in the formation of his professional skills was played by A.V. Artsikhovskiy, B.N. Grakov and K.F. Smirnov's benign participation in this creative process. As a result, the author concludes that Vinogradov's development as a researcher was most beneficially influenced by the traditions and unique professorial and teaching staff of those years at the Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow State University.

Keywords: researcher in Caucasian studies, Caucasian antiquities, Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow State University, academic mentors, Sarmatian monuments, E.I. Krupnov, A.V. Artsikhovskiy, B.N. Grakov, K.F. Smirnov

* * *

В 1957 г. на кафедре археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова появился новый студент, переведенный в Московский университет по рекомендации доктора исторических наук Е.И. Крупнова. Это был будущий доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Чечено-Ингушетии, а затем уже — РФ и Кубани, член Союза журналистов России, академик двух Международных академий, создатель и руководитель собственной

научной школы Виталий Борисович Виноградов. А тогда — студент 2-го курса, страстно влюбленный в археологию, успевший поработать в фондах Чечено-Ингушского республиканского музея краеведения и «вкусить» полевой практики в качестве вначале землекопа, а потом и лаборанта-препаратора в составе различных отрядов Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ).

Этот путь будущим кавказоведом был избран еще в школьные годы, во многом под влиянием его родителей: Бориса Степановича — видного литературоведа-вузовца, и Антонины Игнатьевны — преподавателя истории одной из школ г. Грозного¹. Постоянное «копание» в научной библиотеке и фондах музея² помогло сформироваться и первичным, пока не совсем осознанным, научным предпочтениям, однозначно связанным с кавказскими древностями. После окончания средней школы в 1956 г. это привело пытливого юношу на историко-филологический факультет Чечено-Ингушского педагогического института, а после завершения 1-го курса — в экспедицию, в качестве рабочего-землекопа, к одному из его будущих наставников — Е.И. Крупнову. В марте 1957 г., работая второй год в составе СКАЭ (уже лаборантом-препаратором), Виталий Виноградов, пока еще студент Грозненского пединститута, успешно выступил с докладом на III Всероссийской археологической студенческой конференции (ВАСК) в МГУ, что в дальнейшем способствовало другому важному событию — переводу на исторический факультет МГУ осенью того же года.

Перевод в МГУ из Грозненского пединститута, по воспоминаниям Павла Борисовича Виноградова, старшего брата ученого, состоялся, прежде всего, благодаря встрече с Е.И. Крупновым. Эта встреча оказалась в жизни В.Б. Виноградова знаковой. Видя энтузиазм студента, его желание глубоко постичь археологическую науку, его умение видеть, интерпретировать и обобщать факты и явления, Евгений Игнатьевич, после второго археологического сезона в Северо-Кавказской археологической экспедиции, предложил тому помощь в переводе на исторический факультет МГУ. Однако ректор МГУ академик И.Г. Петровский отказывал неоднократно, но настырный студент появлялся вновь. Он привлек на свою сторону и заведующего кафедрой археологии, члена-корреспондента АН СССР, профессора А.В. Арциховского, которого буквально «поймал» на прогулке. Тот, обладая феноменальной памятью, однажды увидев и услышав

---

¹ Историк-кавказовед Виталий Борисович Виноградов (штрихи к профессиональному портрету). М.; Армавир, 2006. С. 4, 5.

² Пономарева И.З. Воспоминания об истоках школы В.Б. Виноградова // В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения). М.; Грозный; Армавир, 2008. С. 30.

доклад В.Б. Виноградова на студенческой конференции, узнал его и тоже решил помочь. И, в конце концов, Виноградов все же стал студентом МГУ, правда, не третьего, как хотелось, а второго курса (из-за несоответствия учебных программ двух вузов). Здесь инициативный студент вскоре стал работать в качестве члена Оргкомитета, который создавался для организации и проведения ВАСК, а в дальнейшем возглавил этот коллегиальный орган³. С того времени начинается отсчет качественно нового этапа в формировании будущего археолога, чему и посвящена данная статья.

Важную роль в становлении В.Б. Виноградова как профессионала-археолога сыграло его приглашение Б.Н. Граковым в руководимый им семинар. Затем с В.Б. Виноградовым стал заниматься и К.Ф. Смирнов. К тому времени научная тема уже была определена: археологические памятники сарматов на территории Северо-Восточного Кавказа. На эту тему им уже в 1963 г. была издана монография, которая в 1964 г. была защищена на кафедре археологии истфака МГУ в качестве кандидатской диссертации⁴. В дальнейшем тематика раннего железного века была расширена до периода второй половины VII в. до н.э., т.е. до скифского времени. Это привело к написанию в 1972 г. еще одной монографии, а в 1973 г. — к защите в родной «альма-матер» и докторской диссертации⁵.

Всего биографами В.Б. Виноградова учтено 1359 его научных публикаций, хотя как минимум 13 из них были посчитаны дважды⁶. Из них в 127 были использованы археологические материалы раннего железного века, найденные в основном на территории Чечни. Некоторая часть статей была связана с публикацией новых материалов, в том числе — в сборниках «Археологических открытий», являясь результатом как его деятельности в составе СКАЭ, в которой автор

---

³ Виноградов В.Б. Из переписки с наставниками (Б.Н. Граков, Е.И. Крупнов, А.И. Тереножкин). Из эпистолярного наследия. Вып. 1 / Под ред. Е.В. Черненко. Армавир, 1999. С. 5; Историк-кавказовед Виталий Борисович Виноградов ... С. 5–6.

⁴ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа / Труды ЧИНИИ. Т. VI. Грозный, 1963.

⁵ Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный, 1972.

⁶ Виталий Борисович Виноградов. Библиография научных трудов. Ч. 1 / Сост. С.Л. Дударев, Е.И. Нарожный, С.А. Готованова. Грозный, 1988; Виталий Борисович Виноградов. Библиография научных трудов. Ч. 2. Сост. С.Л. Дударев, Е.И. Нарожный. Армавир, 1993; Виталий Борисович Виноградов. Био-библиографические сведения. Библиография трудов. М.; Армавир, 1998; Кавказовед В.Б. Виноградов. Биографические сведения / Под ред. С.Л. Дударева. Библиография трудов. М.; Армавир, 2008; Дударев С.Л. К 75-летию Виталия Борисовича Виноградова. Библиография трудов В.Б. Виноградова // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир; Ставрополь: 2013. С. 372414.

работал с 1961 г., так и самостоятельных авторских полевых изысканий.

Все работы, посвященные эпохе раннего железного века, написанные В.Б. Виноградовым в разные годы, можно условно разделить на 3 блока. К первому относятся публикации материалов, часто это небольшие заметки. Ко второму могут быть отнесены статьи, посвященные изучению исторических судеб кочевых и автохтонных племён и хронологии событий, происходивших на просторах Центрального и Северо-Восточного Кавказа во второй половине VII в. до н.э. — IV в. н.э. В третий могут быть объединены статьи теоретического характера, в которых проблемы эпохи раннего железа, основанные преимущественно на древностях Чечни, были представлены на фоне широких историко-культурных обобщений и выводов. Обзор наиболее значимых из них был предпринят недавно С.Н. Савенко⁷. В то же время, до сих пор отсутствует полноценное комплексное аналитическое исследование работ В.Б. Виноградова, посвященное обобщению исследовательских усилий кавказоведа по тематике раннего железного века. Некоторая работа в этом направлении уже проделана нами⁸. Частично исследуемая проблематика нашла свое отражение и в работах историографического характера, посвященных одному из учеников В.Б. Виноградова — В.А. Петренко, совместно с которым у В.Б. Виноградова была издана значительная часть материалов⁹.

Однако ранние статьи, написанные или подготовленные В.Б. Виноградовым в его бытность студентом истфака МГУ, пока остаются вне поля зрения исследователей. В то же время они могут позволить нам оценить особенности научного подхода к работе с археологическим материалом будущего крупного ученого, отметить его сильные стороны, которые формировались академической средой кафедры археологии МГУ, его наставниками и сокурсниками. Отмечен нами

---

⁷ Савенко С. Н. Вклад Кавказоведческой школы в исследования проблем археологии региона сарматского времени (III в. до н.э. — IV в.н.э.) // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова... С. 94–117.

⁸ Бурков С.Б. В.Б.Виноградов как исследователь амулетов и талисманов из «египетского фаянса» с территории Центрального Предкавказья // Археология и этнология Северного Кавказа / Под ред. Б.Х. Бгажнокова, В.А. Фоменко. Вып. 6. Нальчик, 2016. С. 28–33; Бурков С.Б. В.Б. Виноградов как полевик-исследователь памятников раннего железного века Чечни // II Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.) / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2018. С. 180–184.

⁹ Бурков С.Б. Древности Чечни сарматского времени в работах В.А. Петренко. Ч. I // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 8 / Под ред. Б.Х. Бгажнокова, В.А. Фоменко. Нальчик, 2018. С. 20–34; Бурков С.Б. Сарматские древности Чечни в работах В.А. Петренко. Ч. II // Археологическое наследие: интерпретации и материалы / Под ред. Р.Ф. Фидарова. Владикавказ, 2019. С. 20–32.

и ряд особенностей, свойственных научному подходу В.Б. Виноградова, которые были характерны скорее для журналистской среды, чем для исследовательского сообщества. В них присутствуют важные детали, присущие исследовательской традиции того времени, связанные с обработкой материалов, хранящихся в кавказских музеях. Заметную роль играли и доверительные контакты с местным населением, чем всегда отличалась деятельность СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова.

Археология в студенческие годы давалась Виталию Борисовичу не без проблем. По воспоминаниям П.Б. Виноградова, Виталий Борисович, будучи по-хорошему честолюбив, в науке видел для себя перспективу, думал о будущем. Его никогда не смущали авторитеты, он всегда отстаивал право на собственное понимание ситуации. Собирая материал к диплому, который он писал под научным руководством Б.Н. Гракова, он уже тогда считал, что его написание послужит ему в дальнейшем для работы над сарматской тематикой по всему Северному Кавказу. Однако его научный руководитель отнесся к этой теме «с холодком», Е.И. Крупнов же, напротив, тему поддержал. Затем ее принял и Б.Н. Граков, но, как писал В.Б. Виноградов, «чувствую, что борьба еще впереди»¹⁰. В результате диплом по сарматской тематике все-таки состоялся и был успешно защищен, несмотря на дискуссию, развернувшуюся между Б.Н. Граковым и Е.И. Крупновым. Этот эпизод показывает, как внимательно ведущие специалисты по раннему железному веку кафедры археологии, следуя традициям вуза, относились к одаренным студентам¹¹.

По свидетельствам очевидцев, В.Б. Виноградов с юности имел широкие гуманитарные интересы, был энергичным и деловитым студентом. С его приходом усилилось внимание к изучению Северного Кавказа¹². Пройдя археологическую школу кафедры исторического факультета, В.Б. Виноградов сохранил и приумножил традиции и особенности, заложенные его наставниками. Вполне закономерно, именно с его решающим участием как председателя студенческого научного общества (СНО) в дипломах, начиная с 1961 г., полученная им и его сокурсниками специальность стала обозначаться как «археолог», чем он впоследствии очень гордился¹³. В то же время, не «замыкаясь» только в рамках родной кафедры, он проявлял интерес и к этнографическим исследованиям. Так, он выступал консультан-

¹⁰ Письмо В.Б. Виноградова к П.Б. Виноградову от 08.11.1960 г.

¹¹ *Стецура Ю.А.* Большое видится на расстоянии // В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения). С. 47.

¹² *Янин В.Л.* Несколькo слов об авторе // Там же. С. 4.

¹³ Историк-кавказовед В.Б. Виноградов (штрихи к профессиональному портрету). М.: Армавир, 2006. С. 6, 13, 16.

том в области этнографии, истории и археологии при подготовке публикаций своего отца — филолога Б.С. Виноградова¹⁴.

Заведующий кафедрой археологии член-корреспондент АН СССР А.Б. Арциховский на защите В.Б. Виноградовым диплома высказался в том смысле, что уровень его работы приближается к уровню кандидатской диссертации. Б.Н. Граков по поводу защиты писал, что если В.Б. Виноградов быстро защитится, то все будут видеть в нем карьериста, «хотя этого и нет». Известно, что у Б.Н. Гракова с Е.И. Крупновым были достаточно непростые личные отношения. Ощущая возможность конфликтных ситуаций и испытывая, по его словам, «чувство панического уважения» к Борису Николаевичу, В.Б. Виноградов избрал для написания кандидатской диссертации компромиссный вариант — не поступая в аспирантуру, куда можно было попасть только по установленной наставниками очереди, написать монографию и уже по ней защищаться. И это принесло успех, в том числе — и во взаимоотношениях с его учителями. И не случайно на второй монографии, подготовленной им к защите в качестве докторской диссертации, стоит посвящение: «Доброй памяти учителей моих Евгения Игнатьевича Крупнова и Бориса Николаевича Гракова». Однако не стоит забывать и о той роли, которую в судьбе Виталия Борисовича сыграли К.Ф. Смирнов и А.В. Арциховский: первый — как наставник, научный руководитель, доброжелательный, но строгий критик; второй — как администратор, который всегда, особенно на студенческом этапе, принимал самое живое и плодотворное участие в судьбе и делах В.Б. Виноградова¹⁵.

По нашим оценкам, всего В.Б. Виноградовым в его бытность студентом были написаны и подготовлены к изданию 12 научных работ. Еще 7 публикаций выходят после 1961 г., когда он приступает к работе в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте в г. Грозном. Хотя они были изданы в 1962–1963 гг., но в своей базовой части написаны были им еще в студенчестве, поэтому в данном обзоре мы учитываем и их. Все они могут быть условно сведены в несколько блоков. В первый могут быть объединены работы информационного характера, в основном посвященные деятельности студенческого научного общества и роли в нем самого Виталия Борисовича. Во второй — статьи и заметки, посвященные публикации и интерпретации археологических находок. В третий — материалы научно-аналитического типа, в которых молодым исследователем

¹⁴ Виноградов Б.С. Этнографический материал в повести Л.Н. Толстого «Казачьи» // Советская этнография. 1957. № 3. С. 33–43.

¹⁵ Фрагменты переписки Е.И. Крупнова с В.Б. Виноградовым (1961–1965 гг.) // Из эпистолярного наследия. Вып. 4. Сост. В.Б. Виноградов, Е.Н. Лысогор. Армавир, 1999. С. 6. Прим. 1; Виноградов В.Б. Из переписки с наставниками... С. 9.

обобщались его научные наблюдения и выводы. Кроме того, мы учитываем и работы публицистического характера, которые были написаны им для региональных изданий, переработанные в дальнейшем для публикации в научных сборниках. Представление указанных выше заметок и статей ведется нами в хронологическом порядке. В заключении приводятся малоизвестные факты из студенческого прошлого В.Б. Виноградова, сведения о его контактах с учителями и наставниками кафедры археологии МГУ, основанные на опубликованных воспоминаниях.

Еще будучи студентом 2-го курса Грозненского пединститута, В.Б. Виноградов представил на III ВАСК свою научную тему: «О памятниках сарматской культуры в Грозненской области». Затем он поехал работать в Грозненский краеведческий музей и серьезно заболел, попав в итоге в больницу. Оттуда осенью 1956 г. в письме своему старшему брату он сообщает, что продолжает работать над темой по памяти. Для написания доклада им были привлечены письменные свидетельства греческих и римских авторов, а также археологический материал — случайные находки и ряд отдельных погребений. Особый интерес у него вызывали 4 захоронения, вскрытые в то время случайно на кирпичном заводе в окрестностях г. Грозного: «Одно погребение точно сарматское, а 3 других — вопрос». В.Б. Виноградов счел, что они принадлежат к одному памятнику: «Уже датировка могильника — важное дело, если я его сделаю самостоятельно, то это будет очень здорово». Он собирался доказать одновременность совершения всех этих захоронений и датировать их¹⁶.

Мы специально исследовали этот вопрос. В результате было установлено, что в его работах фигурирует только один из упомянутых выше комплексов. Впервые информация о нем была опубликована В.Б. Виноградовым в монографии 1963 г.¹⁷ В сводке 1966 г. (материалы к археологической карте Чечено-Ингушетии), написанной В.Б. Виноградовым в соавторстве с В.И. Марковиным, этот комплекс был датирован III–I вв. до н.э. Материалы хранились в Чечено-Ингушском Республиканском краеведческом музее. Авторы предположили, что он маркирует собой могильник сарматской эпохи¹⁸. В.А. Петренко в своей кандидатской диссертации 1980 г. оперировал 9 комплексами из района г. Грозного, но все они — подкурганые.

---

¹⁶ Виноградов П.Б. Два чувства дивно близки нам (материалы к истории семьи Виноградовых из города Козлова Тамбовской губернии). Тверь, 2001. С. 164–166.

¹⁷ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды ЧИНИИ. Т. VI. Грозный, 1963. С. 52–53.

¹⁸ Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте) // Труды ЧИНИИЯЛ. Т. X. Грозный, 1966. С. 115.

И лишь под № 53 отмечен «комплекс вещей из разрушенных погребений у г. Грозного», без упоминания типа погребального сооружения¹⁹. По мнению В.Б. Виноградова и В.А. Петренко, данное погребение относится к категории подкурганых, однако никаких доводов при этом приведено не было, курганная насыпь не зафиксирована.

Первая научная работа была опубликована В.Б. Виноградовым в 1958 г. В заметке, написанной совместно с Н.О. Бадером и посвященной подведению итогов IV Всероссийской студенческой археологической конференции, присутствует краткая информация о тематике доклада В.Б. Виноградова, основанного на неопубликованных материалах сарматской археологической культуры, происходящих с территории Чечено-Ингушетии²⁰. Сам доклад был опубликован в том же году²¹. В статье Е.И. Крупнова 1958 г. В.Б. Виноградов выступает как сотрудник Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея, начиная с 1956 г.²² Использование материалов археологических музейных фондов предоставляет студенту-исследователю возможность публиковать интересные и содержательные работы. Так, на IV ВАСК он делает доклад, основанный на материалах сарматской эпохи, хранившихся в те годы в фондах Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея (ЧИРКМ)²³. Ограниченность объема тезисов не позволила автору подробно остановиться на всех выявленных им материалах. В основном это были отдельные случайные находки, переданные в музей местными жителями, потревоженные и доследованные в дальнейшем археологические комплексы, которые не были включены в полевые отчеты СКАЭ²⁴.

На V Всесоюзной археологической студенческой конференции В.Б. Виноградов знакомит участников научного форума со своими доводами относительно древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными территориями в I тыс. до н.э. Информация об этом содержится в заметке, написанной им совместно с А.М. Хазановым для журнала «Советская археология» в 1959 г.²⁵ Этим

¹⁹ *Петренко В.А.* Культура населения Степного Притеречья в сарматскую эпоху (III в до н.э. — IV в н.э.). Дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 1980. Приложения. Т. 2. С. 5, 9, 10.

²⁰ *Бадер О.Н., Виноградов В.Б.* IV студенческая археологическая конференция // Советская археология. 1958. № 3. С. 293–294.

²¹ *Виноградов В.Б.* Материалы сарматской культуры в Чечено-Ингушском краеведческом музее // Тезисы докладов на IV Всесоюзной археологической студенческой конференции. М., 1958. С. 28.

²² *Крупнов Е.И.* Новые данные по археологии Северного Кавказа (по материалам экспедиции 1956 г.) // Советская археология. 1958. № 3. С. 97. Прим. 1.

²³ *Виноградов В.Б.* Материалы сарматской культуры .... С. 28.

²⁴ Там же.

²⁵ *Виноградов В.Б., Хазанов А.М.* V Всесоюзная археологическая студенческая конференция // Советская археология. 1959. № 3. С. 269–270.

же годом датируется и его первый опыт в научно-популярном жанре: статья «История под землей», написанная совместно с Я. Вагальцевым, была опубликована 17 сентября 1959 г. в газете «Комсомольское племя». В октябре того же года В.Б. Виноградов публикует статью-репортаж в многотиражке МГУ об опыте проведения ВАСК. В ноябре 1959 г. в многотиражке «Московский университет» был опубликован репортаж В.Б. Виноградова «Конференция студентов-археологов», посвященный обобщению опыта проведения всесоюзных студенческих конференций. В это время он входил в состав Оргкомитета конференции²⁶. В дальнейшем В.Б. Виноградов публикует несколько фельетонов в газетах «Кабардино-Балкарская правда», «Литературная жизнь» в Москве и в украинской «Львовской правде».

1960 год в плане научных публикаций оказался для В.Б. Виноградова очень плодотворным. Прежде всего, отметим издание материалов VI ВАСК, где был и доклад В.Б. Виноградова²⁷. Этим же годом датируется небольшая заметка, опубликованная в журнале «Советская археология», что для любого студента, как тогда, так и сейчас, является очень престижным и знаковым событием. В ней он описывает набор предметов из разрушенного в 1954 г. кургана на окраине г. Грозного. В его составе — небольшая сероглиняная миска, 3 скарабея и подвеска в виде сдвоенных цилиндров из голубой египетской пасты. Автор датировал комплекс первыми веками н.э. Датировка была дана по миске, которая почему-то в публикации отсутствует. На тыльной стороне одного из скарабеев им было отмечено изображение животного, по В.Б. Виноградову — кошки, хотя в нем четко читается Анубис. В качестве аналогий предметам в заметке упомянуты новые подобные же находки с территории Северной Осетии, однако без уточнения места и характера этих находок. Рисунки скарабеев выполнены в довольно схематичной манере²⁸.

Результаты работы возглавляемого им в те годы студенческого научного общества кафедры археологии исторического факультета МГУ за 1960 г. были обозначены в статье, опубликованной, совместно с А.В. Кузой, в XX «Археологическом сборнике»²⁹. Из нее мы узнаем, что в 1960 г. было издано 2 сборника лучших докладов

---

²⁶ Виноградов В.Б. Мои журналистские и общественные университеты. М.; Армавир, 2006. С. 5, 6.

²⁷ Виноградов В.Б. О путях древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными областями в I тыс. до н.э. // VI Всесоюзная археологическая студенческая конференция. М., 1960. С. 21–27.

²⁸ Виноградов В.Б. Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного // Советская археология. 1960. № 3. С. 310. Рис. 1.

²⁹ Виноградов В.Б., Куза А.В. Научное студенческое общество кафедры археологии исторического факультета МГУ в 1960 году // XX Археологический сборник. М., 1960. С. 1–4.

V и VI ВАСК³⁰. В их числе был и доклад В.Б. Виноградова, в котором представлены его первые опыты обобщения этнокультурных контактов населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа и Закавказья³¹. Подведение итогов работы СНО кафедры археологии за 1955–1960 гг. было произведено им, вновь совместно с А.В. Кузой, еще раз в том же году³². Доклад В.Б. Виноградова был включен также в сборник студенческих научных работ, изданный к юбилею В.И. Ленина³³. Эти материалы были подготовлены к печати студенческим научным обществом.

В «Археологическом сборнике» МГУ была также помещена работа В.Б. Виноградова, посвященная изображениям животных на сарматской керамике. В ней были проанализированы ранее опубликованные на эту тему работы, написанные, прежде всего К.М. Скалон. Используются материалы Северо-Западного Кавказа и сосуд из раскопок кургана А.А. Бобринского в 1888 г. у с. Алды, выделены изображения лошади, собаки. Учтена и происходящая из сборов на Алхан-Калинском городище ручка сосуда в виде собаки. Автор большое внимание уделил деталям изображения животных, что позволило ему сделать ряд важных наблюдений и интересных заключений. В работе использован и сосуд из разрушенного кургана на окраине г. Грозного, который хранился в ЧИРКМ, что говорит о работе автора с материалами фондов. Есть упоминание и о сосуде из материалов фондов Саратовского краеведческого музея, что свидетельствует о проработке коллекций и в других региональных хранилищах. Значительный раздел статьи посвящен различным подходам к пояснениям смыслового значения этих образов. В то же время отмечено, что трактовка подобных образов лишь с точки зрения религиозно-магической семантики вряд ли возможна; вероятно, она имела скорее декоративное, нежели культовое значение и была связана с хозяйственной деятельностью. Изображались те животные, с которыми сарматы сталкивались в повседневной жизни³⁴. В 1960 г.

³⁰ Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции / Ред. В.Л. Янин. М., 1960; Сборник тезисов докладов VI Всесоюзной археологической студенческой конференции / Под ред. В.Л. Янина М., 1960.

³¹ Виноградов В.Б. О путях древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными областями в I тыс. до н.э. // Сборник тезисов докладов VI Всесоюзной археологической студенческой конференции. С. 21–27.

³² Виноградов В.Б., Куза А.В. Всесоюзные студенческие археологические конференции (1955–1960 гг.) // Вестник МГУ. Серия IX. Исторические науки. 1960. № 3. С. 75–79.

³³ Виноградов В.Б. В.И. Ленин об охране памятников материальной культуры // Юбилейный сборник научных студенческих работ, посвященный 90-летию со дня рождения В.И. Ленина. М., 1960. С. 134–142.

³⁴ Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // XX Археологический сборник. М., 1960. С. 32–46.

В.Б. Виноградов, будучи студентом 5-го курса, избирается председателем Бюро СНО, которое развернуло подготовку к VII ВАСК. За успешную работу молодому исследователю была вручена грамота Ректората и Центрального совета СНО МГУ и объявлена благодарность деканом исторического факультета.

Следующий, 1961 год для выпускника кафедры археологии истфака МГУ в плане научных изысканий был также очень насыщен. Так, еще одна работа обзорно-аналитического плана публикуется В.Б. Виноградовым в материалах XXIII студенческой научной конференции Тбилисского университета. Она была посвящена теме сарматского присутствия на Северо-Восточном Кавказе и во многом основана на материалах, собранных им в музейных архивах и полученных в ходе полевых работ с его участием³⁵. В том же году, на VI Всесоюзной археологической научной конференции, состоявшейся, как и в прежние годы, на кафедре археологии, помимо доклада о В.И. Ленине и охране памятников, он выступает с еще одной работой: «О новых группах в классификации зооморфной сарматской керамики»³⁶. Тогда же им в соавторстве с А.В. Кузой представлены некоторые итоги VII Всесоюзной археологической студенческой конференции, связанные с изучением вопросов древней истории³⁷. На этой конференции В.Б. Виноградовым был сделан доклад о пребывании сарматских племён на Северном Кавказе. При его подготовке были использованы данные большого числа неопубликованных комплексов, в том числе — погребения Моздокского могильника и случайно найденные захоронения. Автор проследил этапы передвижения сарматских племен за период с VI в. до н.э. по IV в. н.э. Сопоставление погребального инвентаря с западной ориентировкой погребенных позволило ему связать эти материалы с сираками. Большое внимание было уделено взаимоотношениям сарматов с кавказским населением. Автор прослеживает их эволюцию. В этой же публикации приводится и краткая характеристика сборника статей студентов кафедры археологии истфака МГУ за 1960 г. Опубликованная в нем работа В.Б. Виноградова была посвящена зооморфной керамике I в. до н.э. — IV в. н.э., найденной на территориях Центрального Предкавказья и Подонья. Ее истоки автор видит

---

³⁵ Виноградов В.Б. Продвижение сарматских племен на Северо-Восточный Кавказ по археологическим данным // Тезисы докладов XXIII студенческой научной конференции Тбилисского университета. Тбилиси, 1961. С. 124–125.

³⁶ Виноградов В.Б., Хазанов А.М. VI Всесоюзная археологическая студенческая конференция // Советская археология. 1961. № 1. С. 318–320.

³⁷ Виноградов В.Б., Куза А.В. Вопросы древней истории на VII Всесоюзной археологической научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М.В. Ломоносова // Вестник древней истории. 1961. № 3. С. 164–168.

в металлических ювелирных предметах, выполненных в «зверином стиле», который широко распространился в сарматской среде в последние века до н.э. Им было подмечено, что даже в период наивысшего расцвета этой традиции важнейшие территории сарматского мира (Поволжье, Приуралье, Украина) подвергаются очень слабому ее воздействию. Более низкий уровень развития сарматских кочевников-скотоводов обусловил возникновение лишь орнаментальных мотивов на керамике. В этой статье также решаются некоторые вопросы сарматского звериного стиля.

На этом же научном форуме им в соавторстве с А.В. Кузой был сделан еще один доклад, посвященный истории деятельности СНО, работающего при кафедре археологии истфака МГУ. Информация об этом присутствует в заметке, опубликованной в «Советской археологии» в том же году и также посвященной этому событию. О самом докладе В.Б. Виноградова сказано, что автор пытался проследить этапы сарматских передвижений на территории Восточного Предкавказья с VI в. до н.э. по IV в. н.э. и связать их с определенными племенными группами³⁸. Информация об этом публикуется в то время, когда В.Б. Виноградов, закончивший в середине 1961 г. исторический факультет МГУ, по ходатайству Е.И. Крупнова 17 июля того же года был принят на работу младшим научным сотрудником сектора истории Чечено-Ингушского научно-исследовательского института³⁹. Его дипломная работа «Сарматы на Северо-Восточном Кавказе» была во многом основана на архивных материалах, которые собирались ее автором в студенческие годы⁴⁰. Летом 1961 г. В.Б. Виноградов пишет рецензию на книгу Е.И. Крупнова «О чем рассказывают археологические памятники Чечено-Ингушской АССР». Рецензия под названием «По тропам тысячелетий» выходит вначале в газете «Грозненский рабочий», а потом, в научном варианте, — в тематическом сборнике сектора истории ЧИНИИ⁴¹.

К другим публикациям этого времени относится интересное исследование, написанное совместно с А.И. Шкурко, о ряде предметов, выполненных в зверином стиле, а также публикация глиняного штампа — «пинтадеры» — с территории городища Алхан-Кала, заметка о бронзовом наконечнике ножен из фондов Кабардино-Балкарского краеведческого музея и статья о внекомплексных находках с территории Чечни, хранящихся в фондах ГИМ. В первой из них

³⁸ Виноградов В.Б., Дудко О.А. VII Всесоюзная археологическая студенческая конференция // Советская археология. 1962. № 1. С. 346–347.

³⁹ Историк-кавказовед Виталий Борисович Виноградов (штрихи к профессиональному портрету). М.: Армавир, 2006. С. 6.

⁴⁰ Виноградов В.Б. Из переписки с наставниками ... С. 6.

⁴¹ Виноградов В.Б. Мои журналистские и общественные университеты. С. 5, 6.

приводятся известные авторам находки в зооморфном стиле, происходящие с территории Северного Кавказа. Среди них — мотив пантеры «на корточках», детально разобранный на примере тройных парных изображений на гривне из с. Кулары, бронзовая бляха из Кумбултинского могильника, бронзовый наконечник ножен из могильника у с. Закуты, фигурка медведя на бронзовом пояском крючке из с. Бажиган, фигурка оленя из с. Фаскау⁴². Впоследствии текст данной статьи был использован В.Б. Виноградовым в монографии, успешно защищенной им в качестве докторской диссертации⁴³. Глиняный штамп — «пинтадера» — был найден В.Б. Виноградовым лично при осмотре речного обрыва Алхан-Калинского городища в 1960 г. Правда, в ряде источников приводятся различные данные об условиях его обнаружения. В самой статье, опубликованной в 1963 г., предмет представлен как найденный случайно, а в книге 1966 г. — как происходящий из раскопок на городище. Автор приводит сводку подобных находок с территории Чечено-Ингушетии, известных к моменту публикации материала, а также их аналогии из Закавказья и других регионов. Дается интерпретация их применения, выделяются, со ссылкой на мнение Е.И. Крупнова, два разных типа подобных предметов⁴⁴.

Еще одна статья, опубликованная в 1963 г., посвящена двум случайным находкам — наконечникам ножен в форме стилизованных фигурок медведей. В этой же публикации внимание ученых было привлечено и к другим образцам оружия, украшений и посуды, происходящих из случайных раскопок у с. Советское как в довоенные годы, так и в 1948 г.⁴⁵ То, что эти предметы были выявлены автором еще в студенчестве, свидетельствует письмо Б.Н. Гракова к В.Б. Виноградову от 12 ноября 1961 г. В нем маститый ученый благодарит молодого исследователя за предоставленный рисунок, сделанный им в ходе работы в фондах Кабардино-Балкарского музея⁴⁶. Интересно, что тот же рисунок в то же время был отправлен

---

⁴² Виноградов В.Б., Шкурко А.И. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время // Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических конференциях. М., 1963. С. 37–58.

⁴³ Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культуры и этногенеза). Грозный, 1972. С. 141. Сноска № 2. С. 16. Сноска № 4. С. 162. Сноска № 7. С. 168, 169. Сноски № 1 и 2. С. 172. Сноски № 5 и 6.

⁴⁴ Виноградов В.Б. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии / Под ред. Е.И. Крупнова. М., 1963. С. 212. Рис. 1; Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. М., 1966. С. 19, 23. № 14.

⁴⁵ Виноградов В.Б. Бронзовый наконечник ножен из Кабардино-Балкарии // Советская археология. 1963. № 2. С. 229–232.

⁴⁶ Виноградов В.Б. Из переписки с наставниками ... С. 7.

им и К.Ф. Смирнову⁴⁷. Статья о «пинтадере», которая писалась еще В.Б. Виноградовым-студентом⁴⁸, была также опубликована лишь в 1963 г.⁴⁹ Материалы для статьи о внекомплексных находках с территории Чечни собирались им в фондах ГИМ также до 1961 г.⁵⁰ То, что В.Б. Виноградов работал в музейных собраниях, можно установить по сделанным им сноскам в своих статьях, а также в примечаниях к монографии 1963 г., которая являлась расширенным вариантом его дипломной работы. В основном это коллекции ГИМ, Чечено-Ингушского, Северо-Осетинского, Кабардино-Балкарского краеведческих музеев. Ссылка на Дагестанский музей только одна — на постоянную экспозицию (поясной крюк из Хасавюрта). Таркинский и Карабудахкентские могильники приводятся только по публикациям, без «привязок» к данным архивов или полевых отчетов. Что касается эрмитажных коллекций, то здесь необходимо отметить, что, судя по описанию погребальных комплексов из Моздокского карьера, автор работал с коллекциями непосредственно на месте. Это же относится и к материалам раскопок 1937–1938 гг. Алхан-Калинского катакомбного могильника (курганы № 3 и 4). Ограниченность использования этих данных, судя по всему, была связана с тем, что этими материалами занималась Л.Г. Нечаева, готовившая по ним кандидатскую диссертацию. Имеется упоминание (но без ссылок на номера хранения) и о материалах эрмитажных коллекций (ОАВЕС ГЭ и фотоархив ИИМК РАН), относящихся к погребениям Моздокского могильника, есть ссылка на пронизку из экспозиции Музея этнографии. В то же время, нельзя исключить и того обстоятельства, что последний предмет мог храниться в Кунсткамере. Кроме того, автор использовал и ряд полевых отчетов СКАЭ, например 1961 г.⁵¹

Участвуя в экспедициях под руководством Е.И. Крупнова, В.Б. Виноградов имел возможность работать с полевыми материалами, что было важным для него как полевого исследователя. В то же время точно установить время, когда именно онзнакомился с архео-

---

⁴⁷ Строки переписки К.Ф. Смирнова с В.Б. Виноградовым (1961–1965 гг.) // Из эпистолярного наследия. Вып. 2. Сост. В.Б. Виноградов, Е.Н. Лысогор. Армавир, 1999. С. 3.

⁴⁸ Фрагменты переписки Е.И. Крупнова с В.Б. Виноградовым // Из эпистолярного наследия. Вып. 4. С. 5. Прим. 1.

⁴⁹ Виноградов В.Б. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии. 1963. С. 212–216.

⁵⁰ Виноградов В.Б. Сарматские материалы из ранних раскопок на территории Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ. Т. III. Вып. I / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный, 1963. С. 153–175.

⁵¹ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 18, 20, 21, 43, 45, 46, 52, 54, 55, 57, 58–61, 73, 75, 77–81, 85, 87, 88.

логическими фондами музеев Северного Кавказа, сейчас непросто. Так, по воспоминаниям самого Виталия Борисовича, материалы для монографии по сарматам он собирал в музеях Северного Кавказа, сдавая в Нальчике и Москве кандидатские экзамены⁵². А это уже — время после завершения обучения в МГУ.

Подводя итог рассмотрению студенческих публикаций, в которых нашли отражение усилия В.Б. Виноградова по подготовке и проведению научных форумов на кафедре археологии истфака МГУ, следует отметить его талант организатора. Любая конференция требует четкой стратегии, когда не только ясно видна конечная цель, но и отработаны методы ее достижения. Научные форумы уровня ВАСК требовали высокого профессионального мастерства и творческих усилий слаженной студенческой команды, что оказалось вполне по силам молодому исследователю. Навыки, полученные при этом, оченьгодились в дальнейшем, когда им стали планироваться и реализовываться собственные научные форумы уже на площадках ЧИНИИ и Грозненского университета. Первый из них был успешно проведен в 1977 г.

Относительно статей и заметок, в которых В.Б. Виноградов в годы обучения на истфаке МГУ представлял археологический материал, то при их характеристике следует обратить внимание на следующее. Работа с местным населением, быстрая реакция на памятники и отдельные находки, четко выстроенная обратная связь с населением дала возможность В.Б. Виноградову «обрастать» добровольными помощниками. Это позволяло накапливать и оперативно издавать наиболее яркие из комплексов, включая их и в свои публикации. Успеху способствовала и тщательная фондовая работа в музеях с коллекциями, которые также становились предметом его научного интереса. Расширение региональных связей давало возможность широкого научного охвата приоритетных проблем, которые подавались в яркой и часто образной манере повествования. В некоторых случаях это позволяло глубоко заглядывать за завесу времени, приводило к важным научным обобщениям и выводам. В то же время, имела место и некоторая увлеченность частными, недостаточно обоснованными научными фактами, предположениями, которые иногда подавались в форме утверждений. Б.Н. Граков считал, что легкий, но не противоречащий фактам полет фантазии может даже принести пользу. Лишь бы только всё это не выходило за границы этих фактов. В письме к В.Б. Виноградову он пишет: «У Вас излишняя доверчивость к данным письменных источников и невнимательность к правильности цитат и

---

⁵² Виноградов В.Б. Из переписки с наставниками ... С. 8.

ссылки. Я ценю Ваш ум и полет фантазии, но на спешку, а отсюда — и местами небрежность — не устану указывать»⁵³.

Работ обзорно-аналитического плана студентом В.Б. Виноградовым было издано немного. Основные исследования по данной проблематике им были опубликованы позднее, в годы работы в ЧИ-НИИ г. Грозного. Для первых было характерно чрезмерное увлечение историческими обобщениями на довольно скудной фактологической базе. Подобный же подход сохраняется и в последующих его работах, в том числе — при написании монографии «Сарматы Северо-Восточного Кавказа».

И уже тогда начинают проявляться такие важные черты будущего ученого, как усидчивость, внимание к деталям, умение слушать собеседника, мобильность при отработке информации о выявленных памятниках и отдельных находках, формируются навыки работы в поликультурной среде, особенно — с местным населением, стремление к информированности общества о важности работы археолога и сохранения исторических памятников. В годы студенчества у В.Б. Виноградова уже начал выработываться присущий ему образный, яркий, захватывающий читателя стиль повествования. Эта черта была хороша в журналистике, иногда — и в научных публикациях, где речь шла о характеристике предметов в зверином стиле. Но при исторических обобщениях увлечение реконструированием древней повседневности «широкими мазками» приводило порой к заключениям, не всегда основанным на конкретном археологическом материале. Его наставники уже на начальном этапе отмечали это качество. В то же время, ряд суждений, сформулированных еще в студенчестве, не претерпевал изменений и позже. Виталий Борисович сам признавался, что его взгляды по проблеме сарматской зооморфной керамики и в последующем во многом оставались в русле еще студенческой статьи⁵⁴.

На наш взгляд, научное предвидение, некоторая «фантазийность», образность мышления, умение ярко, доходчиво излагать свои мысли имеет как положительные стороны, так и таит в себе некую опасность. Что хорошо для журналистского репортажа или газетной статьи, в ряде случаев может не способствовать формулированию научных доводов и даже порой уводить в сторону от реальности. Использование современных представлений о давно ушедшем далеко не всегда позволяет «отразить» понимание тех действий либо намере-

---

⁵³ Там же. С. 9.

⁵⁴ Фрагменты переписки Е.И. Крупнова с В.Б. Виноградовым // Из эпистолярного наследия. Вып. 4. С. 3, 5. Прим. 1; *Виноградов В.Б. Из переписки с наставниками ...* С. 7, 8, 11, 12.

ний древних людей, которые они вкладывали в свои дела или предметы, особенно — на обрядово-церемониальном уровне. Однако бывает и так, что образность мышления может обогащать научное повествование. Без этого наука порой может легко превратиться в обыденное перечисление устанавливаемых фактов. Во всем многообразии этих представлений и «вызревал» будущий исследователь, впитывая в себя духовность и строгость мышления своих учителей — Е.И. Крупнова, Б.Н. Гракова, А.И. Тереножкина. Творческая атмосфера кафедры археологии, мастерство ее лидеров, личные качества наставников — всё это формировало личность Виталия Борисовича, и всем этим он впоследствии искренно и душевно делился уже со своими благодарными учениками. И в его наставлениях мы все чувствовали постоянно звучавший пульс его «альма матер» — кафедры археологии исторического факультета МГУ, где он сам был сформирован как яркий и всесторонний исследователь древностей Кавказа.

Прошли годы, и у самого В.Б. Виноградова появились ученики и последователи. И все они были свидетелями того, как бережно и с какой теплотой уже маститый ученый — признанный кавказовед, создатель и руководитель собственной научной школы, всегда отзывался о своих учителях и о кафедре, где состоялось его становление как исследователя и человека.

Список литературы

Бадер О.Н., Виноградов В.Б. IV студенческая археологическая конференция // Советская археология. 1958. № 3. С. 293–294.

Бурков С.Б. В.Б. Виноградов как исследователь амулетов и талисманов из «египетского фаянса» с территории Центрального Предкавказья // Археология и этнология Северного Кавказа / Под ред. Б.Х. Бгажнокова, В.А. Фоменко. Вып. 6. Нальчик: РИО КБИГИ, 2016. С. 28–33.

Бурков С.Б. В.Б. Виноградов как полевик-исследователь памятников раннего железного века Чечни // II Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г. / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир: Дизайн-студия Б, 2018. С. 180–184.

Бурков С.Б. Древности Чечни сарматского времени в работах В.А. Петренко. Ч. I // Археология и этнология Северного Кавказа / Под ред. Б.Х. Бгажнокова, В.А. Фоменко. Вып. 8. Нальчик: РИО КБИГИ, 2018. С. 20–34.

Бурков С.Б. Сарматские древности Чечни в работах В.А. Петренко. Ч. II // Археологическое наследие: интерпретации и материалы / Под ред. Р.Ф. Фидарова. Владикавказ: ИИА, ИПП им. В.А. Гассиева, 2019. С. 20–32.

Виноградов Б.С. Этнографический материал в повести Л.Н. Толстого «Казачьи» // Советская этнография. 1957. № 3. С. 33–43.

Виноградов В.Б. Материалы сарматской культуры в Чечено-Ингушском краеведческом музее // Тезисы докладов на IV Всесоюзной археологической студенческой конференции. М.: МГУ, 1958. С. 28.

Виноградов В.Б. О путях древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными областями в I тыс. до н.э. // VI Всесоюзная археологическая студенческая конференция. М.: МГУ, 1960. С. 21–27.

Виноградов В.Б. В.И. Ленин об охране памятников материальной культуры // Юбилейный сборник научных студенческих работ, посвященный 90-летию со дня рождения В.И. Ленина. М.: МГУ, 1960. С. 134–142.

Виноградов В.Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // XX Археологический сборник. М.: МГУ, 1960. С. 32–46.

Виноградов В.Б. Продвижение сарматских племен на Северо-Восточный Кавказ по археологическим данным // Тезисы докладов XXIII студенческой научной конференции Тбилисского университета. Тбилиси: ТГУ, 1961. С. 124–125.

Виноградов В.Б. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии / Под ред. Е.И. Крупнова. М.: ИА СССР, 1963. С. 212–216.

Виноградов В.Б. Бронзовый наконечник ножен из Кабардино-Балкарии // Советская археология. 1963. № 2. С. 229–232.

Виноградов В.Б. Сарматские материалы из ранних раскопок на территории Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ / Под ред. В.В. Виноградова. Т. III. Вып. I. Грозный: Типография «Грозненский рабочий» 1963. С. 153–175.

Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа / Труды ЧИНИИ. Т. 6. Грозный, 1963. 222 с.

Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. М.: Наука, 1966. 108 с.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культуры и этногенеза). Грозный: ЧИНИИИЯЛ, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 389 с.

Виноградов В.Б. Из переписки с наставниками (Б.Н. Граков, Е.И. Крупнов, А.И. Тереножкин). Из эпистолярного наследия. Вып. 1 / Под ред. Е.В. Черненко. Армавир: АГПУ, 1999. 20 с.

Виноградов В.Б. Мои журналистские и общественные университеты. М., Армавир: Русское историческое общество, 2006. 56 с.

Виталий Борисович Виноградов. Библиография научных трудов. Ч. 1 / Сост. С.Л. Дударев, Т.С. Магомадова, Б.М. Хашегульгов. Грозный: ЧИГУ, 1988. 43 с.

Виталий Борисович Виноградов. Библиография научных трудов. Ч. 2 / Сост. С.Л. Дударев, Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ, 1993. 30 с.

Виталий Борисович Виноградов. Био-библиографические сведения. Библиография трудов / Сост. С.Л. Дударев, Е.И. Нарожный, Ю.В. Приймак. М.; Армавир: АГПИ, 1998. 108 с.

Виноградов В.Б., Куза А.В. Научное студенческое общество кафедры археологии исторического факультета МГУ в 1960 году // XX Археологический сборник. М.: МГУ, 1960. С. 1–4.

Виноградов В.Б., Куза А.В. Всесоюзные студенческие археологические конференции (1955–1960 гг.). // Вестник МГУ. Серия IX. Исторические науки. 1960. № 3. С. 75–79.

Виноградов В.Б., Хазанов А.М. V Всесоюзная археологическая студенческая конференция // Советская археология. 1959. № 3. С. 269–270.

Виноградов В.Б., Шкурко А.И. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время // Сборник докладов на VI и VII всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.: МГУ. 1963. С. 37–58.

Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте) / Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. X. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1966. 163 с.

Виноградов П.Б. Два чувства дивно близки нам (материалы к истории семьи Виноградовых из города Козлова Тамбовской губернии). Тверь: Фа-милия, 2001. 208 с.

Дударев С.Л. К 75-летию Виталия Борисовича Виноградова. Библиография трудов В.Б. Виноградова // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и биобиблиографических материалов. Армавир: Армавирская гос. пед. академия; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. С. 372–414.

Историк-кавказовед Виталий Борисович Виноградов (штрихи к профессиональному портрету). М.; Армавир [б/изд.], 2006. 44 с.

Кавказовед В.Б. Виноградов. Биографические сведения. Библиография трудов. М.; Армавир: [б/изд.], 2008. 100 с.

Крупнов Е.И. Новые данные по археологии Северного Кавказа (по материалам экспедиции 1956 г.) // Советская археология. 1958. № 3. С. 97–110.

Петренко В.А. Культура населения Степного Причеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. — IV в. н.э.). Дисс. ... кандидата исторических наук. Грозный, 1980. 182 с.

Пономарева И.З. Воспоминания об истоках школы В.Б. Виноградова // В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения). М.; Грозный; Армавир: Международная академия наук, 2008. С. 30–32.

Савенко С. Н. Вклад Кавказоведческой Школы в исследования проблем археологии региона сарматского времени (III в. до н.э. — IV в. н.э.) // Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет пути: сборник научно-исследовательских очерков и биобиблиографических материалов. Армавир: Армавирская гос. пед. академия; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. С. 94–117.

Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции / Ред. В.Л. Янин. М.: Издательство МГУ, 1960. 63 с.

Сборник тезисов докладов VI Всесоюзной археологической студенческой конференции / Ред. В.Л. Янин. М.: [б/изд.], 1960. 57 с.

Стецура Ю.А. Большое видится на расстоянии // В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения) / Сост. С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников. М.; Грозный; Армавир: Международная академия наук, 2008. С. 45–49.

Янин В.Л. Несколько слов об авторе // В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения) / Сост. С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников. М.; Грозный; Армавир: Международная академия наук, 2008. С. 4–5.

Поступила в редакцию
7 декабря 2021 г.

Е.Е. Агрatina

**ПЕНСИОНЕР ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМИИ ЖИВОПИСИ
И СКУЛЬПТУРЫ В РИМЕ ДО ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ: БЫТ, ОБУЧЕНИЕ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ,
ЗНАКОМСТВА**

E.E. Agratina

**PENSIONER OF THE PARIS ACADEMY OF PAINTING
AND SCULPTURE IN ROME BEFORE THE GREAT FRENCH
REVOLUTION: DAILY LIFE, EDUCATION, IMPRESSIONS,
ACQUAINTANCES**

Аннотация. Впервые в отечественной литературе автор обращается к истории Французской академии в Риме. Не повторяя уже отработанный в иностранной историографии хронологический подход, статья представляет картину жизни Академии с точки зрения пребывающего в ее стенах королевского пенсионера, его повседневности, занятий и знакомств. Обучение в Риме было для молодого французского мастера важнейшим завершающим периодом его формирования, значимым как для его творческого самосознания, так и для будущей карьеры. Задачей исследования, соответственно, становится последовательное рассмотрение возможностей, открывавшихся перед королевским пенсионером, и условий его существования. Опираясь на такие источники, как устав Французской академии в Риме, переписка ее директоров с парижским начальством, а также на обширный корпус иностранной литературы, автор последовательно рассматривает контингент и происхождение учащихся, предъявляемые им требования относительно профессиональных навыков, поведения, семейного положения и вероисповедания, условия жизни в сменявших друг друга резиденциях Академии, образовательные программы. Подробно говорится о такой важной функции Французской академии в Риме, как пополнение королевской коллекции копиями с произведений итальянских мастеров и об отношении учеников к необходимости посвящать много времени копированию. Поднимается вопрос о путешествиях пенсионеров, о том, как возможность посетить различные регионы Италии повлияла на молодых художников и даже на процессы во французском искусстве данного периода. Освещается и такой

Агрatina Елена Евгеньевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры географии и балетоведения Московской государственной академии хореографии
Agratina Elena Evgenievna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Associate Professor, Department of Choreography and Ballet Studies, Moscow State Ballet Academy
+7-903-622-62-40; agratina_elena@mail.ru

важный аспект, как отношения пенсионеров с академическим начальством, конфликты, борьба за свои права. Уделено внимание развлечениям пенсионеров, светским контактам и первым заказам, выполняемым вопреки уставу. В качестве выводов определяется значение стажировки в Риме для образования молодого французского художника, какую бы карьеру он ни избрал на родине или за границей. Итальянское пенсионерство характеризуется как общий для французской художественной элиты опыт, значимый для всего французского искусства изучаемого периода.

Ключевые слова: искусство XVII–XVIII вв., французское изобразительное искусство, европейские художественные связи, художественное образование, Французская академия в Риме, пенсионерство художников.

Abstract. For the first time in Russian historical writing, the author turns to the history of the French Academy in Rome. Avoiding the chronological approach already elaborated in foreign historiography, the article presents a picture of the life of the Academy from the point of view of a royal pensioner staying within its walls, his daily routine, activities and acquaintances. For a young French artist, studying in Rome was the most important final period of his formation, with significant implications both for his creative self-awareness and for his future career. Thus, the aim of the research is to consider one by one the opportunities that opened up for the royal pensioner and his living conditions. Based on such sources as the charter of the French Academy in Rome, the correspondence of its directors with the Parisian authorities, as well as on an extensive body of foreign literature, the author consistently examines the contingent and background of students, the requirements for their professional skills, behavior, marital status and religion, living conditions in the changing residences of the Academy, educational curriculum. The author goes into detail about such an important function of the French Academy in Rome as the replenishment of the royal collection with copies of the works of Italian masters and about the attitude of students to the need to devote a lot of time to copying. The article raises the question about the pensioners' trips, the way the opportunity to visit different regions of Italy influenced young artists and even the processes in French art of this period. It also highlights such an important aspect as the relationship of pensioners with academic authorities, their conflicts, and the struggle for their rights. Attention is paid to the entertainment of pensioners, their socialite acquaintances and the first orders carried out contrary to the charter. In conclusion, the importance of an internship in Rome for the education of a young French artist is determined, no matter whether he chose a career at home or abroad. Italian pensionship is characterized as a common experience for the French artistic elite, significant for all French art of the period under study.

Keywords: 17th–18th century art, French fine arts, European artistic connections, art education, French Academy in Rome, pensionship of painters.

* * *

Образование в Парижской королевской академии живописи и скульптуры в конце XVII–XVIII вв. предполагало несколько ступеней. Последней из них было пребывание молодых художников в Ита-

лии. Разумеется, туда отправлялись не все студенты, а только лучшие из них, победившие в конкурсе на Римскую премию. Стипендиатов принимала Французская академия в Риме, специально основанная королем Франции в 1666 г.

История данного учреждения уже не раз привлекала внимание исследователей. Тем более что у них была возможность воспользоваться таким богатым источником, как переписка директоров Французской академии в Риме¹. Она издавалась под редакцией А. де Монтеглоне в течение двадцати лет: с 1887 по 1908 г. Здесь подробнейшим образом излагаются обстоятельства академической жизни в Вечном городе, повествуется, и весьма подробно, обо всех бытовых затруднениях, с которыми приходилось сталкиваться директору и пенсионерам, объявляется об отправке работ воспитанников из Рима в Париж, сообщается о разного рода происшествиях, нарушениях, провинностях, достижениях и успехах, о посещениях Академии высокопоставленными и выдающимися личностями, а, кроме того, о различных новостях политического и общественного характера. Все научные труды, посвященные Французской академии в Риме, в той или иной мере базируются на «Переписке...».

Еще в XVIII столетии историю Французской академии в Риме представил граф Альгаротти². Труд И. Валетта 1904 г.³ — это небольшое по объему исследование, которое охватывает историю Академии с момента основания и до 1903 г. Книга эта несколько беллетристична, однако воссоздает в той или иной мере атмосферу знаменитого учебного заведения.

Самым серьезным и надежным в научном отношении является исследование А. Лапоза «История Французской академии в Риме» 1924 г. Первый том данного труда посвящен интересующему нас времени и охватывает период с 1666 по 1801 г.⁴ На это исследование автора, как он сам сообщает, сподвигло знакомство с «Перепиской...», которую он внимательно изучал по мере того, как выходили новые тома. Исследование Лапоза структурировано согласно хронологии и делится на главы в соответствии со сменой директоров. Такое разделение истории «по царствованиям», проверенное временем, представляется вполне логичным и позволяет автору подробно описать все изменения, происходившие в жизни Академии.

¹ *Correspondances des directeurs de l'Académie de France à Rome. 1666–1793*. V. 1–15. Paris, 1887–1908.

² *Algarotti F. Saggio sopra l'Accademia di Francia che è in Roma*, Livorno, per Marco Coltellini, 1763 / Trad. française de Jean-Claude Pingeron, *Essai sur la peinture et sur l'Académie de France à Rome*, Paris, 1769.

³ *Valetta I. L'Académie de France à Rome. 1666–1903*. Paris, 1904.

⁴ *Lapause H. Histoire de l'Académie de France à Rome. Vol. 1. 1666–1801*. Paris, 1924.

Разумеется, внесли вклад в изучение истории Французской академии в Риме и работы современных исследователей. Выходили сборники, специально посвященные этому учебному заведению⁵. Наиболее глубоким и плодотворным исследователем истории Французской Академии в Риме является А. Верже, на труды которой мы неоднократно будем ссылаться⁶. Она, в частности, составила биографический словарь всех пенсионеров, проходивших обучение в Риме. Также будут весьма полезны для нас исследования Н. Лезю⁷, К. Анри⁸ и Я. Курзиетти⁹. Было написано несколько монографий, посвященных непосредственно персоналиям, сыгравшим немалую роль в становлении и развитии Французской академии в Риме: Н. Влейгельсу¹⁰, Ш.-Ж. Натюару¹¹, Ж.-М. Пьеру¹².

Можно заметить, что все приведенные нами источники и научные труды являются франкоязычными. Отечественные исследователи почти не обращались к Французской академии в Риме, ее истории, образовательным программам, идейным установкам. А между тем изучение жизни французских пенсионеров в Риме имеет большое значение для всех, кто занимается европейскими художественными связями, историей художественного образования в Европе, интересуется формированием мировоззрения и самосознания художника Нового времени. Нельзя забывать, что через итальянское пенсионерство прошла вся элита французского академического сообщества, это был общий для большинства значительных французских

---

⁵ *Le grand tour et l'Académie de France à Rome XVIIe – XVIIIe siècles*. Paris, 2018.

⁶ *Verger A. Entrer à l'Académie de France à Rome. La faveur, le droit, le choix // Gérard Mauger (dir.). Droits d'entrée : modalités et conditions d'accès aux univers artistiques*. Paris, 2006. P. 13–45; *Verger A. Rome vaut bien un prix. Une élite artistique au service de l'État: Les pensionnaires de l'Académie de France à Rome de 1666 à 1968 // ARTLAS. Vol. 8 (2019). Is. 2. P. 82–98. Verger A., Verger G. Dictionnaire biographique des pensionnaires de l'Académie de France à Rome*. Dijon, 2011.

⁷ *Lesur N. Remettre en vigueur les règlements négligés ou oubliés. La réforme de l'Académie de France à Rome en 1775 sous la conduite de Jean-Baptiste Marie Pierre // L'Académie de France à Rome. Le palais Mancini : un foyer artistique dans l'Europe des Lumières (1725–1792), les actes du colloque. Rome, Villa Médicis, 4–6 mars 2010. Presses universitaires de Rennes, 2016. P. 191–206.*

⁸ *Henry Ch. Les Gobelins et l'Académie de France à Rome au XVIIIe siècle. Approche d'une synergie décorative // Décors de peintres. Invention et savoir-faire, XVIe – XXe siècles. C. Cardinal, L. Riviale (dir.). Actes du colloque de Clermont-Ferrand, Maison des sciences de l'homme et Paris, Mobilier national, 26–28 novembre 2013/ Clermont-Ferrand, Presses universitaires Blaise Pascal, 2016. P. 215–232.*

⁹ *Curziotti J. Gian Lorenzo Bernini e l'Académie de France à Rome. Una nota documentaria sul ruolo di Giulio Cartarè // Valori Tattili 10/11 – 2017/2018. P. 45–51.*

¹⁰ *Hercenberg B. Nicolas Vleughels. Peintre et directeur de l'Académie de France à Rome*. Paris, 1975.

¹¹ *Caviglia-Brunel S. Charles-Joseph Natoire, 1700–1777*. Paris, 2012.

¹² *Lezur N. Aaron O. Jean-Baptiste-Marie Pierre (1714–1789). Premier peintre du roi*. Paris, 2009.

мастеров опыт, влиявший на идеалы и вкусы, господствовавшие в Париже конца XVII–XVIII столетия.

Не желая повторять уже существующие на французском языке труды, мы выбрали для данного небольшого исследования новый ракурс: его целью является не просто реконструировать историю этого учебного заведения, но дать основанную на документальных источниках картину жизни пенсионеров в стенах Французской академии в Риме. Мы постараемся взглянуть на историю Академии с точки зрения бытия в ней пенсионера, памятуя о том, что пребывание в Италии было одним из значительных этапов на жизненном пути молодого французского мастера XVIII в., а «изобретенная» основателями Парижской академии художеств система пенсионерства стала образцом для подобной практики во всей Европе. Нас будут интересовать условия жизни, образовательный процесс, впечатления молодых мастеров от знакомства с итальянским искусством, поездки по окрестностям Рима и другим итальянским городам. Мы рассмотрим возможности, которые открывались перед пенсионерами благодаря пребыванию на родине Возрождения, общество, в котором им приходилось вращаться, их развлечения, которые позднее могли переродиться во вполне серьезные проекты. Также значимы для нас будут отношения внутри самой Французской академии: как складывалось общение между пенсионерами и начальством, между учениками и их наставниками. Исследование этих аспектов может многое прибавить к нашим знаниям о личности французского живописца изучаемого периода, о том, как он видел свое место в мире, представлял свои права и обязанности.

* * *

Французская академия в Риме задумывалась как серьезное учебное заведение, подчиняющееся уставу, имеющее директора, выбранного из наиболее почтенных академиков Парижской академии живописи и скульптуры, и постоянно поддерживающее связь со своей парижской родоначальницей. Как отмечает А. Верже, основание Французской академии в Риме было и своеобразным политическим актом, поскольку Франция как бы заявляла свои права на итальянское наследие, уже принадлежащее прошлому. Кроме того, учреждая Академию в Риме, король «возложил на нее миссию сформировать элиту, находящуюся на службе у государства»¹³.

Были испрошены советы самых известных на тот момент итальянских деятелей в области искусства, в частности, Лоренцо Бер-

---

¹³ Verger A. Entrer à l'Académie de France à Rome. P. 14.

нини, который, как известно, работал для французского короля. В 1667 г. Бернини была заказана конная статуя Людовика XIV. Я. Курзиетти сообщает, что в 1669 г. скульптор представил свои наброски ученикам Французской академии в Риме. Исследователь также приводит слова скульптора о том, что он собирается сделать «собственноручно модель из гипса этой статуи, а затем представит ее указанным молодым мастерам, чтобы они скопировали эту модель и научились всем приемам, о которых они должны знать»¹⁴. Во Французской академии в Риме преподавал какое-то время ученик Бернини Карло Картаре. Он помогал французским пенсионерам изучать античную, ренессансную и барочную скульптуру, а также учил их реставрационному делу.

Устав Французской академии в Риме был подписан Кольбером 11 февраля 1666 г.¹⁵ Первым директором этого заведения должен был стать не кто иной, как Никола Пуссен, который, однако, умер, не успев принять на себя полномочия. Тогда директором был назначен Шарль Эррар — один из первых академиков Парижской академии живописи и скульптуры. Изданные в пяти томах «Королевские счета времен Людовика XIV» — весьма любопытный источник — сообщает, что Эррару на путешествие в Рим было выплачено 1200 ливров¹⁶.

Эррар отправился в Италию, увозя с собой восьмерых первых пенсионеров и подписанный Кольбером устав, обращение к которому представляется нам весьма полезным. Этот устав продолжал оставаться актуальным до 1787 г., т.е. более ста лет. Нужно заметить, что и обновленный устав предреволюционных лет во многом повторял тот первый, разработанный по приказу Кольбера.

В статье 1-й устава указывалось, что Академия может принять 12 учеников: шестерых художников, четырех скульпторов и двух архитекторов. Первоначально время пребывания в Риме оговаривалось для каждого ученика индивидуально, однако, в 1677 г. срок пенсионерства был ограничен тремя годами.

Разумеется, четко придерживаться указанных цифр удавалось редко. Это касается и числа пенсионеров. Уже в 1669 г. в Академии в Риме насчитывалось 14 учеников, в 1673-м — 16, в 1676-м — 13, в 1679-м — 9 человек. В 1696 г. в Академии в Риме осталось всего два пенсионера, во многом из-за финансовых сложностей. Около 1710 г. учеников было шесть человек, а в период с 1710 по 1725 г. колебалось от шести до восьми. Поскольку количество учеников тогда реши-

---

¹⁴ Curziotti J. Op. Cit. P. 46.

¹⁵ Correspondances... V. 1. P. 8.

¹⁶ Comptes des bâtiments du Roi sous Louis XIV / Guiffrey J. (éd.). V. 3. Paris, 1881. P. 99.

тельно не могло дотянуть до 12, тогдашний директор королевских строений д'Антен в 1735 г. утверждает правило, согласно которому в Академии должно одновременно учиться не более шести учеников. Впрочем, в 1736 г. их уже восемь. Ситуация с количеством пенсионеров несколько выправилась после основания в Париже Школы избранных учеников (1747), которая должна была совершенствовать навыки лауреатов Римской премии, ожидающих, пока в Италии для них освободятся места. В начале 1750-х гг. учеников в Академии в Риме вновь становится 12, а уровень их подготовки значительно повышается. В 1758 г. насчитывается уже 16 пенсионеров, а на момент приезда в Рим Ноэля Алле (1775 г.) — 13¹⁷.

Конкурсы на Римскую премию должны были проводиться в Королевской академии живописи и скульптуры ежегодно, однако известно, что случались и «пропуски», отчего страдало количество пенсионеров. Бывали такие годы, когда все работы оказывались слишком слабыми, и Академия не присуждала ни одной премии. Кроме Парижской академии живописи и скульптуры в Рим имела право отправлять пенсионеров Академия Тулузы. Это право она получила только во второй половине XVIII в., однако, пользовалась им весьма активно. С 1770 по 1789 г. Тулузская академия отправила в Рим девять человек¹⁸.

Случалось и так, что в Италии оказывался художник, не получивший первой премии. С. Габийо пишет, что «время от времени она (Французская академия в Риме. — Е.А.) принимала некоторых “сторонних” учеников, молодых художников, имеющих высоких покровителей. Они получали разрешение жить здесь и питаться, хотя не имели финансового вспоможения»¹⁹. В классе, где ставили модель, «сторонние» занимали обычно наименее удобные места. Время от времени появлялись возражения против присутствия «сторонних», однако запретить эту практику полностью не удалось. Одним из самых красноречивых является пример знаменитого мастера руин Гюбера Робера. Он приехал в Рим в 1754 г. вместе с французским посольством, являясь протеже герцога де Шуазеля, и обратился во Французскую академию в Риме. Его приняли в качестве «стороннего», а потому Робер, хотя и не получал стипендии, мог иметь свою комнату в резиденции Академии. Молодой мастер не желал, однако,

¹⁷ Разрозненные данные о количестве учеников содержатся в: *Lapause H.* Op. cit. P. 8, 39, 102, 133, 173, 199, 229, 267, 327.

¹⁸ *Beck Saiello E.* Le Palais Mancini, siège de l'Académie de France à Rome de 1725 à 1804 // « L'Académie de France à Rome » / M. Bayard, É. Beck Saiello et A. Gobet (dir.). Presses universitaires de Rennes, 2016. P. 27.

¹⁹ *Gabillot C.* Hubert Robert et son temps. Paris, 1895. P. 73.

удовлетвориться таким положением. С 1759 г. он сделался полноправным пенсионером, каковым и оставался до 1762 г. В Риме Гюбер Робер свел дружбу с Фрагонаром, а также с меценатом и большим любителем изящных искусств аббатом де Сен-Ноном, благодаря которому побывал в Неаполе, сумел посетить Помпеи и Геркуланум.

Французский исследователь Ж.-П. Ало приводит любопытные цифры, касательно лауреатов и «сторонних». Из 436 пенсионеров, учившихся во Французской академии в Риме с 1666 по 1793 г., 122 не имели первой премии. В то же время, 75 лауреатов так и не получили королевского патента на обучение в Италии²⁰.

Чрезвычайно любопытно рассмотреть социальный состав учеников Французской академии в Риме. Это исследование уже было отчасти проведено Анной и Габриэлем Верже, опубликовавшими «Биографический словарь римских пенсионеров» с XVII по XX век включительно²¹. Мы просмотрели карточки мастеров, бывших пенсионерами с 1700 по 1789 г., причем учитывали как тех, кто получил первую премию и стипендию от Королевской академии художеств, так и «сторонних», приезжавших в Рим за собственный счет и имевших право посещать занятия. Было обнаружено, что больше всего среди них детей художников различных специализаций — 99 человек. Разумеется, речь не идет об одних только сыновьях членов Королевской академии. Среди отцов часто встречаются профессора и художники Академии св. Луки. Иногда в «родительской» графе стоит неопределенное «художник из Льежа» или «живописец из Руана», т.е. речь идет о малоизвестных провинциальных мастерах. Довольно значительную часть составляли дети ремесленников, связанных с искусством, среди которых можно назвать ювелиров, эмальеров, ткачей, краснодеревщиков, резчиков по камню. Таких пенсионеров насчитывается 49 человек. Детей ремесленников, практиковавших специальности более далекие от искусства, таких, как, например, каменщики, насчитывается всего 4 человека.

Большую группу составили дети офицеров, буржуа (без указания точного рода занятий), мелких чиновников и адвокатов. Таких нам удалось насчитать 42 человека. Сыновей торговцев, в том числе кабатчиков и даже старьевщиков, набралось 23 человека. Детей представителей ученых специальностей, таких как инженеры, математики, хирурги и издатели, оказалось всего 5 человек. Сыновей садовников и лакеев — двое. Также в Риме побывали два отпрыска аристократических семейств. Среди пенсионеров указанного пери-

²⁰ *Alaux J.-P. L'Académie de France à Rome, ses directeurs, ses pensionnaires. T. 1-2. Paris, 1933.*

²¹ *Verger A., Verger G. Op. cit.*

ода был один сын школьного учителя и два сына земледельцев. Еще трое происходили от иностранных родителей, натурализовавшихся во Франции, без указания точного рода их деятельности.

Даже если принять во внимание некоторую погрешность, возможную при подсчете вручную, картина все равно получается довольно ясной. В основном художниками становились представители третьего сословия. Крестьяне, очевидно, были очень далеки от художественной среды и не имели возможности пристраивать детей в ученики к сколько-нибудь значительным мастерам. Аристократия считала такую судьбу незавидной, толкнуть дворянина на путь живописца, скульптора или архитектора могла лишь нужда. Зато художники всех мастей из самых разных регионов Франции не упускали возможности отправить своих детей в Париж в надежде, что они добьются успеха. Мастера, принадлежащие к Королевской академии художеств или Академии св. Луки, были склонны образовывать художественные династии. В списке пенсионеров, который А. Верже составила в алфавитном порядке, имя сына нередко идет рядом с именем отца. Ремесленники, подталкивающие детей к карьере художника, понимали, что это возможность подняться на более высокую социальную ступень.

Есть, однако, еще одна группа пенсионеров, о семьях которых либо совсем ничего не известно, либо стоит туманное «рожден без состояния». Таких оказалось совсем немало, по нашим подсчетам 61 человек. Можно предположить, что это дети городской бедноты, частично, возможно, сироты. Поскольку точных данных о родителях по каким-либо причинам предоставлено не было, то обозначалось только общее положение — «без состояния». Это замечательно характеризует систему французского художественного образования. Пенсионерство присуждалось молодым мастерам исключительно за таланты и собственные заслуги, происхождение не имело большого значения и не могло обеспечить успеха само по себе.

В уставе заведения отмечается, что все ученики должны быть добрыми католиками. Этот пункт также не всегда соблюдался. Бывали среди пенсионеров и протестанты, хотя попасть в Рим на королевские деньги им было значительно труднее, чем тем, кто принадлежал к католической церкви. Кому-то везло больше, кому-то меньше. Так, Ф.-А. Венсан (1746–1816), протестант по вероисповеданию, окончил Парижскую академию живописи и скульптуры. Он был сыном швейцарского миниатюриста и происходил из Женевы, самого центра кальвинизма. Тем не менее, вопрос вероисповедания Венсана всегда деликатно обходили стороной. В 1768 г. он принял участие в конкурсе на Римскую премию и занял первое место. Пройдя обучение в

Школе избранных учеников, он в 1771 г. уехал в Рим, откуда вернулся в 1774-м, отбыв положенные три года. Никаких специальных объяснений, касательно вероисповедания этого пенсионера, мы в документах не встречаем. Многое, разумеется, зависело от личности того, кто занимал пост директора королевских строений и должен был лично заниматься делами Французской академии в Риме. Мы знаем, что маркиз де Мариньи, в эпоху директората которого и получал образование Венсан, был весьма снисходителен и не слишком обращал внимание на религиозную принадлежность учеников. Д'Анживийе подобной толерантностью не отличался. 9 сентября 1780 г. он писал Пьеру, что господин Сент-Урс, который получил в этом году первую премию, не может быть послан в Рим в качестве королевского пенсионера, как по причине вероисповедания, так и потому, что он не является подданным Его Величества. Д'Анживийе продолжает: «Хотя ... и нет правила, специально воспрещающего вознаграждать ... молодого художника, который не исповедует единственную официальную религию во Франции или является иностранцем, невозможно, чтобы такой художник занял место королевского пенсионера в Риме»²².

Еще один момент, на котором нам хотелось бы остановиться, хотя он и не отмечен в уставе, — это семейное положение пенсионеров. Эти молодые люди уже отучились в Парижской академии живописи и скульптуры, а иногда и в Школе избранных учеников. Многие из них получили первую премию, дающую право пенсионерской поездки в Рим, далеко не с первого раза. Многим пришлось дожидаться, пока в Риме освободятся места. Таким образом, большинству было более двадцати лет, а некоторым и ближе к тридцати — весьма подходящий возраст для начала семейной жизни. Никаких правил, запрещающих женатым людям пользоваться правом пенсионерства, не было. Так, один из первых пенсионеров Жан Раон, 35 лет от роду, был женат и имел двоих сыновей. Однако отсутствие запрета на брак не снимало вполне реальную проблему: разрешать ли женатым пенсионерам перевозить свои семьи в Рим, где размещать жен и детей, тем более что за 3–4 года пребывания молодой семьи в Италии отпрысков могло стать еще больше. Спальни учеников в Академии мало подходили для семейной жизни. Это были небольшие, бедно обставленные комнаты, предназначенные для одного человека, фактически общежитие. Таким образом, женатые пенсионеры должны были либо оставлять своих жен и детей во Франции, либо селиться вне академической резиденции, самостоятельно по-

---

²² Correspondances... V. 14. P. 47.

дыскивая себе жилье. Так, один из первых пенсионеров по фамилии Десфоре, «будучи женатым ... проживал вне Академии»²³. Другой пенсионер, бывший в Риме в 1760-х гг., скульптор Гуа, «был женат, но жил в Академии один»²⁴. Неизвестно, оставалась ли его жена в Париже или жила в Риме на съемной квартире.

Следующая глава устава сообщает, что «будет куплен или снят дом, в котором будут устроены две большие мастерские, одна для художников, другая для скульпторов»²⁵. Первый адрес Французской академии в Риме долгое время не был известен исследователям. Лапоз провел соответствующее исследование и выяснил, что, приехав в Рим, первый директор Шарль Эррар поселился в приходе Сент-Онофрио, в доме аббата Сарака. Номер этого дома несколько раз менялся, но на момент устройства в нем Академии он носил № 104²⁶. Этот дом был, судя по всему, совсем не велик и скудно обставлен. Надо думать, что его рассматривали лишь как временное пристанище Академии. Лапоз приводит инвентаризационные списки, из которых становится ясно, что если директор располагал относительной роскошью вроде дюжины стульев, обитых красной кожей, и кроватью с пологом из желтого дамаска, то пенсионеры жили совсем бедно. «Каждый из них имел железную кровать, но далеко не все имели стулья, пусть даже соломенные. Большинство располагало лишь плохонькими табуретками»²⁷. Не лучше обстояли дела с постельным и столовым бельем, посудой и прочей утварью.

В 1673 г. Академия переехала в Палаццо Кафарелли. Съем нового здания обошелся королю в 27 тыс. ливров. Это здание рассматривалось уже как постоянная резиденция. Оно было построено между 1515 и 1536 гг. для Бернардино Кафарелли, причем над проектом работал сам Рафаэль, а затем его ученик Лоренцо Лотто. Это классическое трехэтажное ренессансное палаццо. Первый этаж отделан рустовкой, композицию венчает ярко выраженный карниз. Палаццо представляло собой достаточно вместительное здание, где можно было устроить как жилые, так и рабочие помещения. К сожалению, Академия здесь не задержалась. В 1684 г. стал планироваться переезд в палаццо Капраника, где Академия оставалась следующие 40 лет. Палаццо Капраника располагалось между площадью Навона и Пантеоном. Инициатором переезда выступил тогдашний директор Академии Ла Тельер. Счета, на которые ссылается Лапоз, доказывают,

---

²³ *Lapause H.* Op. cit. P. 48.

²⁴ *Ibid.* P. 273.

²⁵ *Correspondances...* V. 1. P. 9.

²⁶ *Lapause H.* Op. cit. P. 13.

²⁷ *Ibid.* P. 18.

что в апреле 1685 г. Ла Тельер последний раз внес арендную плату Пьетро Кафарелли, а в июне–июле того же года состоялся переезд. Ежегодная плата за новую резиденцию составляла 540 римских экю. Плату было договорено вносить дважды в год: 8 января и 8 июля. Палаццо Капраника было более скромным, нежели палаццо Кафарелли, и Академия находилась в еще более стесненных условиях, чем раньше. Р.-А. Уасс, ставший директором в 1699 г., провел инвентаризацию принадлежащего Академии имущества и пришел к выводу, что хозяйство находится в совершенно расстроенном состоянии. В «Переписке...» находим сообщения Уасса о том, что «нужно решиться на некоторые расходы, это абсолютно необходимо для [обновления] кроватей пенсионеров, столового белья, столов, замков, ключей и многого другого, что представляет собой просто рухлядь»²⁸.

Положение несколько поправилось во время директората Шарля-Франсуа Поэрсона. С 1710 по 1719 г. финансирование академии было весьма приличным, в 1710 г. оно составило 15 600 ливров в год, в 1712 г. — 20 492 ливра, в 1716 г. — 18 482 ливра, в 1725 г. — 25 100 ливров. В 1717–1718 гг. дела обстояли хуже, Поэрсон жаловался д'Антену на нехватку средств²⁹. В 1714 г. у Поэрсона появляется идея покинуть палаццо Капраника, внешний вид которого казался ему не слишком презентабельным. Впрочем, переезд не состоялся, поскольку Академия все равно умудрялась тратить больше, чем получала. В 1720 г. ситуация осложнилась в связи с финансовым кризисом во Франции.

Вопрос о переезде Французской академии вновь был поднят в 1724 г. в связи с тем, что на месте палаццо Капраника было задумано строительство театра делла Валле. С 1724 г. Академией управляли двое: сильно постаревший Поэрсон и относительно молодой, приехавший ему на смену Николас Влейгельс. По зрелом размышлении в качестве новой резиденции было выбрано палаццо Манчини. Первоначально Влейгельс хотел, чтобы академия переехала в Фарнезину. Эта знаменитая вилла принадлежала тогда герцогу Пармскому, который, несмотря на все старания французской стороны, наотрез отказался размещать в этом здании Академию, опасаясь, что пострадают находящиеся в нем фрески Рафаэля³⁰. Но и палаццо Манчини представляло собой выгодный вариант. Новый дворец был вместительным и удобным, а, кроме того, как отмечает А. Верже, был «отлично расположен, чтобы [можно было] участвовать во всех римских празднествах, папских процессиях, для устройства приемов

²⁸ *Correspondances...* V. 3. P.2.

²⁹ *Lapause H.* Op. cit. P. 187.

³⁰ *Hercenberg B.* Op. cit. P. 14–15.

аристократов, послов и кардиналов»³¹. Палаццо выходило на Корсо, улицу, «которая была главным общественным местом и театральными подмостками для всех римских праздников»³². Удобным было также и соседство с посольством Франции. Герцог д'Антен выделил весьма немалые средства на обустройство дворца. Наконец-то всё оказывается сделано с размахом. «Когда в Академии теперь имеются стулья из позолоченного дерева, мраморные столы, люстры ... самые лучшие в королевстве, пьедесталы для статуй и наддверники; когда пишут иллюзорные гобелены в простенках окон и обманную лепнину; когда в комнатах имеются гипсовые слепки, мрамор, копии, сделанные учениками, огромные вазы; когда в главном салоне водрузили королевское место с балдахином, то кажется, что для украшения дворца нечего больше желать»³³. У Влейгельса была идея разместить в приемном зале палаццо бюст короля под балдахином, с чем, однако, пришлось подождать. Известно, что бюджет при Влейгельсе достигал 46 626 ливров, хотя львиная доля уходила, разумеется, на обустройство новой резиденции. В исследовании Э. Бэк-Саэлло читаем: «Первый этаж был отведен для занятий, здесь находилась галерея слепков, предназначенных для знакомства учеников с академической скульптурой; две соседние комнаты были оставлены для рисования с живой модели ... Второй этаж (*piano nobile*) был отдан под квартиру директора и парадные помещения ... помещения, отведенные для пенсионеров, были несколько заброшены: ученики ютились на последнем этаже и использовали чердак в качестве рабочей комнаты»³⁴. В то же время, помещение для работы с моделью представляло собой «очень красивый зал, украшенный колоннами»³⁵.

Палаццо Манчини прослужило пенсионерам много десятилетий и в качестве резиденции Французской академии в Риме попало на страницы путеводителей. Вот что читаем в «Описании... Рима» 1763 г.: «Палаццо Манчини принадлежит в настоящее время Французской академии. Это палаццо находится на Корсо. Ранее оно служило резиденцией Паоло Манчини, римского аристократа ... и было увеличено по приказу герцога де Невера ... под наблюдением кавалера Карло Райнальди, который соорудил прекрасный фасад и изящный главный вход ... Недавно дворец был куплен королем Франции, и здесь обосновалась Академия изящных искусств. Дворец весь заполнен гипсовыми слепками самых прекрасных статуй,

---

³¹ *Verger A. Rome vaut bien un prix... P. 91.*

³² *Beck Saiello E. Op. cit. P. 11.*

³³ *Lapause H. Op. cit. P. 182.*

³⁴ *Beck Saiello E. Op. cit. P. 12.*

³⁵ *Correspondance... V. 7. P. 181.*

которые только имеются в Италии»³⁶. Сообщение о том, что дворец был куплен королем Франции, справедливо. Покупка состоялась в 1737 г., незадолго до смерти Влейгельса, столько сил вложившего в украшение и обустройство дворца.

Что касается обучения, то устав сообщает следующее: «Каждый день ученики будут в течение двух часов изучать арифметику, геометрию, перспективу и архитектуру в то время, когда это будет предписано и когда будут являться учителя, нанятые для этой цели. Остальное время будет использоваться учениками согласно расписаниям, сделанным по этому поводу Ректором.

Поскольку знание анатомии чрезвычайно полезно для художников и скульпторов, которые хотят быть образованными и которые желают иметь представление о различных эффектах, производимых мускулами при всевозможных движениях, Ректор указанной Академии будет производить препарирование тела каждую зиму и даже озаботится сделать с него муляж, чтобы ученики изучили положение мышц и производимые ими движения»³⁷.

Увы, точно следовать уставу получалось далеко не всегда. В 1694 г., когда Академия в Риме особенно бедствовала, учителя перспективы и анатомии были уволены. Тогдашний директор Уасс не был доволен таким положением вещей. В конце концов, ему самому пришлось некоторое время обучать пенсионеров указанным дисциплинам. Регулярное их изучение возобновилось в 1708 г. при Поэрсоне. Новые сложности возникли при Влейгельсе. Учитель по перспективе и математике официально имелся, занятия шли, однако на этот раз бойкот устроили сами ученики, поскольку считали манеру преподавания скучной и не приносящей практической пользы. Учителя уволили³⁸. Если говорить о самостоятельных занятиях математикой и перспективой, то для них рекомендовалась книга падре Поццо³⁹. Автор данного трактата Андреа Поццо (1642–1709) был не зодчим, а художником-монументалистом, а также оформителем религиозных театрализованных представлений. Это определило особенности его теоретического труда.

Что касается анатомии, то ее изучали гораздо чаще по пособиям и экорше, чем в анатомическом театре. В 1708 г. Поэрсон настаивал, чтобы занятия по перспективе и анатомии возобновились, однако

³⁶ *Titi F. Descrizione delle pitture, sculture e architetture esposte al pubblico in Roma. Roma, 1763. P. 321.*

³⁷ *Corrèpondances... V. 1. P. 10.*

³⁸ *Lapause H. Op. cit. P. 185*

³⁹ *Perspectiva pictorum et architectorum Andreae Putei e Societate Jesu. Pars prima [-secunda] in qua docetur modus expeditissimus delineandi opticè omnia quae pertinent ad architecturam. Vol. 1–2. Roma, 1693.*

ему разрешили нанять учителя только по первой из указанных дисциплин.

В бытность свою директором Натуар был озабочен проблемой изучения анатомии. «Переписка...» содержит его просьбу к тогдашнему директору королевских строений маркизу де Мариньи разрешить Академии в Риме приобрести муляж человеческого скелета. Натуар пишет: «Нет школы рисунка, где бы такой скелет не был бы большим подспорьем для обучения молодых людей»⁴⁰. Известно также, что, будучи пенсионером Академии в Риме, скульптор Гудон изготовил некоторое количество рисунков, изображающих экорше. Их было также решено использовать в качестве учебных пособий, что было даже закреплено в приложении к уставу, составленному Ж.-М. Вьеном, а затем в регламенте 1787 г.

Важнейшей частью обучения было изготовление копий с произведений великих мастеров эпохи Ренессанса и барокко. Предписывая пенсионерам создание многочисленных копий, Парижская академия и королевский двор преследовали собственные цели: наполнить королевскую коллекцию копиями великих произведений, получить для Франции всё лучшее, что есть в Италии, фактически «сделать из Версаля второй Рим»⁴¹. Копии статуй украшали французские парки, копии картин занимали свое место на стенах королевских резиденций или отправлялись в качестве образцов на мануфактуру Гобеленов. Особенно тесное взаимодействие с мануфактурой Гобеленов относится к 1725–1750 гг.⁴²

Ученики по-разному относились к необходимости заниматься копированием. С одной стороны, они принадлежали к тем немногим счастливицам, которые могли не торопясь, обстоятельно изучить лучшие произведения итальянской школы. С другой стороны, копирование отнимало много времени, не позволяя приступить к изготовлению собственных работ. Время от времени ученики начинали выказывать недовольство. Об этом мы узнаём, например, из письма Куапеля, который в августе 1673 г. сообщает, что ученикам «надоело копировать»⁴³.

Иногда препоны чинились итальянской стороной. Так, папа Иннокентий XI, большой противник Франции и всего французского, препятствовал изготовлению копий и отправке их во Францию. Следующий папа Александр VIII заявлял, что желал бы иметь воз-

---

⁴⁰ Correspondances... V. 12. P. 140.

⁴¹ La 'Nouvelle Rome'. Réflexions sur la sculpture française sous le règne de Louis XIV // Gazette des Beaux-arts. Tome 88, n° 1294. Novembre 1976. P. 161–164.

⁴² Henry Ch. Les Gobelins et l'Académie de France à Rome... P. 217.

⁴³ Correspondances... V. 1. P. 48.

можность пользоваться помещениями, где имеются росписи Рафаэля, однако «эти комнаты загромождены строительными лесами с момента основания Академии, т.е. уже двадцать лет»⁴⁴. Папа Клемент XI, наконец, категорически запретил копирование в Ватикане под предлогом того, что копиисты портят и пачкают оригиналы. Многие аристократы, владельцы крупных собраний живописи, последовали примеру понтифика и также закрыли свои коллекции. Директор Уасс писал тогдашнему директору королевских строений Мансару в письме от 18 июля 1702 г.: «Папа затеял реставрацию некоторых вещей в этих помещениях ... Карло Маратта в настоящее время занят поправлением и переписыванием мест, которые время повредило в произведениях Рафаэля. Я сомневаюсь, что в будущем можно будет получить разрешение копировать в этих помещениях»⁴⁵. Договориться о возобновлении копирования в Ватикане смог только Николас Влейгельс в самом конце своей жизни. Мы узнаём об этом из письма директора королевских строений Орри, который пишет, что надеется на успех переговоров и скорое возобновление работ над копиями произведений Рафаэля в Ватикане⁴⁶. Работы и правда возобновились, о чем свидетельствует переписка исполняющего обязанности директора Эсташа с директором королевских строений Орри в марте 1738 г.

Чаще всего директор сам указывал ученикам, с каких произведений снимать копии. Также он должен был следить за ходом работы, наведываясь время от времени туда, где она велась. Разумеется, среди директоров были как более строгие, так и более либеральные. Влейгельс, например, в значительной степени расширил репертуар произведений для копирования. Он любил и рекомендовал своим ученикам венецианцев, особенно почитаемого им Паоло Веронезе, а также Тициана. Предлагал делать копии с Гвидо Рени, Доминикино, Пьетро да Кортона⁴⁷.

Некоторые ученики испытывали подлинные мучения, копируя то, что казалось им слишком сложным или не отвечающим их натуре. Красноречив в этом отношении пример Ж.-О. Фрагонара. Он признавался, что самые знаменитые произведения живописи казались ему столь далекими от привычного, знакомого мира, что полностью лишали желания что-либо делать. «Энергия Микеланджело меня пугала, — передают слова Фрагонара Э. и Ж. Гонкуры, — я испытывал чувство, которое не могу передать словами; глядя на

---

⁴⁴ *Lapause H.* Op. cit. P. 106.

⁴⁵ *Correspondances...* V. 3. P. 86-87.

⁴⁶ *Correspondances...* V. 9. P. 326.

⁴⁷ *Hercenberg B.* Op. cit. P. 17.

прекрасные образы Рафаэля, я был взволнован до слез и карандаш валился у меня из рук. Наконец, я несколько месяцев провел в состоянии апатии, не чувствуя себя способным превзойти этих мастеров, когда открыл для себя живописцев, внушивших мне надежду стать им однажды достойным соперником. А именно Бароччи, Пьетро да Кортона, Солимена и Тьеполо привлекли мое внимание»⁴⁸.

Лучшие копии отправлялись в Париж, как и собственные рисунки учеников с модели. Сначала все эти произведения попадали в Парижскую академию, где о них выносилось суждение, давались советы относительно рисунка, колорита, композиции и т.д. Письменное заключение о каждом присланном произведении отправлялось в Рим, чтобы директор мог зачитать эту бумагу лично каждому из учеников. Здесь стоит обратить внимание именно на вопрос приватности. Начальство было озабочено тем, чтобы не ранить достоинство учеников, во всеулышание заявляя о недостатках их работ. Публично зачитывались лишь официальные бумаги, касающиеся всех, либо письма, присланные в связи с серьезными проступками учеников.

Прибывавшие в Париж копии поступали в королевское собрание, а рисунки с модели продолжали храниться в академическом архиве. По возвращении во Францию пенсионеры могли их востребовать.

Далеко не всегда ученики желали подчиняться правилам и выполнять рисунки и этюды для отправки в Париж. Ежедневное рисование с модели многим казалось детским упражнением. Маркиз де Мариньи, находясь в должности директора королевских строений, просил каждые полгода присылать всего два-три рисунка и один этюд головы. Жозеф-Мари Вьен, чей директорат пришелся на 1775–1781 гг., был большим поборником дисциплины и требовал, чтобы ученики делали по шесть рисунков в месяц, из которых только лучшие будут отправляться в Париж. Возмущенных учеников Вьен умирил угрозой, что впредь будет требовать не шесть рисунков, а пятьдесят⁴⁹.

В 1785 г., при самом слабом из директоров Французской академии в Риме, Луи-Жане-Франсуа Лагрене Старшем, ученики не прислали ни одного рисунка в Париж, после чего последовало возмущенное письмо в Рим от директора королевских строений д'Анживийе.

В последней четверти XVIII столетия появилась традиция перед отправкой лучших работ в Париж устраивать небольшую выставку.

⁴⁸ *Goncourt E. et G. L'art du dix-huitième siècle.* Gravelot. Cochin. Eisen. Moreau. Debucourt. Fragonard. Prudhon. Tom 2. Paris, 1874. P. 300.

⁴⁹ *Lapause H.* Op. cit. P. 372.

Эта традиция обязана своим появлением Вьену. В 1780 г. Вьен писал д'Анжвийе: «Нет другого средства заставить работать эту молодежь, пробудить в ней дух соревнования ... Было бы хорошо ... если бы Вы порекомендовали моему преемнику продолжать устраивать эти выставки, которые произвели и еще будут производить великое благо»⁵⁰. Проведение выставок было закреплено в регламенте 1787 г. Обычно выставки устраивались в здании Академии и были открыты для всех. Эти экспозиции позволяли молодым мастерам узнавать мнение о представленных ими работах не только своих учителей, но и римской критики, а также широкой публики. Известно, что в 1784 г. выставку пенсионеров посетил шведский король Густав III, в результате пригласивший к своему двору Л.-Ж. Депре.

Пенсионеры не были обязаны безвыездно жить в Риме. Путешествия были их правом и привилегией. Причем утвердилось это право не сразу. Если в первые три-четыре десятилетия с начала основания Академии вполне справедливым считалось, что «основное занятие [пенсионеров] должно состоять в бесконечном и неустанном копировании с великих мастеров»⁵¹, то с 1720-х гг. академия в Риме начинает более последовательно соответствовать статусу учебного заведения. А ничто так не способствует образованию и расширению кругозора, как путешествия.

Разумеется, следовало каждый раз испрашивать разрешение у директора. Впрочем, начальство в целом признавало пользу поездок и обыкновенно не чинило препятствий. Так, один из директоров, Уасс, настаивал на необходимости для учеников посетить Венецию для изучения особенностей колорита местных ренессансных художников. Особую популярность в середине — второй половине XVIII в. приобрели поездки в Неаполь с обязательным посещением Помпей и Геркуланума.

Ученики часто объезжали окрестности Рима, бывали во Фраскати, Тиволи и других местах. Особенную популярность получила вилла д'Эсте в Тиволи. Ж. Ришар, путешественник, побывавший в Тиволи в 1760-х гг., оставил об этом месте весьма любопытные заметки, достойные цитирования. О здании виллы он пишет: «Этот большой дворец необитаем и оставлен хозяевами на попечение сторожа, который извлекает из этого всю возможную выгоду. Римляне и даже иностранцы снимают там комнаты и прекрасно проводят время»⁵². Это вполне объясняет, почему как преподаватели, так и

⁵⁰ Correspondance... V. 14. P. 30.

⁵¹ Hercenberg B. Op. cit. P. 21.

⁵² Richard J. Description historique et critique de l'Italie, ou Nouveaux mémoires sur l'état actuel de son gouvernement, des sciences, des arts, du commerce... V. 6. Paris, 1770. P. 419.

ученики Французской академии в Риме, а также их гости, такие как аббат де Сен-Нон, постоянно посещали Тиволи. Проживание там стоило недорого, а возможность беспрепятственно рисовать величественную архитектуру и роскошную природу запущенного парка была весьма ценной для молодых художников.

В устав входили и правила, касающиеся внешнего вида и поведения учеников. Им предписывалась скромность и благопристойность. Выезжать в свет не воспрещалось, но делать это рекомендовалось не слишком часто и всегда с разрешения директора Академии. По отношению к директору ученики должны были проявлять самую глубокую почтительность, не входить к нему без доклада, с благодарностью принимать советы, касающиеся как работы, так и поведения. Судя по «Переписке...» всё это зачастую оставалось лишь на бумаге. Разумеется, были среди пенсионеров скромные и старательные, не доставляющие никаких проблем академическому начальству. Однако редкое десятилетие обходилось без серьезного эксцесса. Небольшие происшествия, такие как опоздания и ночевки вне стен академии, случались довольно часто, об этом не стоит и говорить. Известен случай, когда один из пенсионеров провел в Академию женскую модель, что было запрещено, и устроил сеанс позирования.

Но случались и вещи, внушающие куда более сильную тревогу. Между учениками происходили дуэли. И хотя обходилось без смертельных случаев, полученные в результате схваток травмы могли быть довольно серьезными. Так, пенсионер Лесташ в 1716 г. получил весьма сильные ранения, заставившие опасаться за его жизнь. В другой раз один из учеников был ранен в веко, что поставило под угрозу его зрение. Дуэль считалась законным поводом для исключения пенсионеров, но далеко не всегда виновные вынуждены были покидать Академию, обычно их прощали.

Случались и конфликты пенсионеров с академическим начальством. Самый серьезный конфликт такого рода произошел во время директората Шарля-Жозефа Натуара. Это был отнюдь не худший директор. Он не препятствовал путешествиям пенсионеров и их довольно длительным отлучкам. Под его управлением академия пережила трудный 1764 год, когда в Риме стало не хватать продуктов питания. Однако иногда Натуар проявлял удивительную недалекость. Будучи человеком благочестивым, он строго следил за тем, чтобы ученики исполняли свой религиозный долг. Однажды на Пасху он потребовал от них свидетельства об отпущении грехов. Господин Мутон, один из пенсионеров, не предоставил такого свидетельства в установленные директором сроки, что дало Натуару повод исключить его из Академии.

Эта история не заслуживала бы столь пристального внимания, если бы, вернувшись во Францию, господин Мутон не подал бы в суд на своего бывшего директора и не выиграл бы процесс на том основании, что в уставе никакие сроки предоставления свидетельств прописаны не были. Натуар оказался приговорен к штрафу в 20 000 ливров, который не был в состоянии заплатить. Он подал апелляцию, дальнейшее рассмотрение дела растянулось до его смерти.

Это очень важный и показательный момент: молодые французские художники были готовы бороться за свои права, опираясь на французскую судебную систему. Будучи уже вполне взрослыми людьми, они отказывались находиться в положении школьников, вынужденных терпеть любые придирки и наказания. Особенно показательны 1780-е гг., когда «пенсионеры привозили в главный католический город идеи философов, реформаторский дух масонских лож, либеральные или революционные чаяния...»⁵³.

После окончания обучения в Риме это были уже состоявшиеся мастера, которые могли дальше следовать собственным путем. Некоторые возвращались во Францию и продолжали академическую карьеру, некоторые находили за время учебы постоянных заказчиков и покровителей, для которых продолжали работать. Иногда, правда, пенсионерство растягивалось на долгие годы. Обычный срок ограничивался тремя-четырьмя годами, однако весьма распространенной была практика продлений. Каждый второй ученик проводил в Риме лишние полгода-год, были и такие, кто оставался пенсионером на срок до семи-восьми лет в общей сложности. Парижское начальство считало это не слишком выгодным для себя, а потому постоянно призывало сократить или вовсе отменить продления. Устав 1787 г. в этом отношении весьма показателен. Там говорится: «Четырех лет академического пансиона — обычного срока, на который король простирает свою милость, — достаточно для подданного, который умеет и хочет с пользой провести время. Поэтому отныне продление пребывания в Риме на средства короля будет разрешаться лишь после самого внимательного расследования [обстоятельств] и по зрелом размышлении. Надежда на это продление может привести к тому, что ученик будет заниматься менее прилежно и станет предаваться лени. Кроме того, продление само по себе может вызвать зависть и беспорядки»⁵⁴. Случалось, некоторые пенсионеры, напротив, были вынуждены уезжать из Рима раньше срока. Виной тому были обычно проблемы со здоровьем. Далек не всем пенсионерам оказался полезен римский климат.

---

⁵³ Beck Saiello E. Op. cit. P. 15.

⁵⁴ Correspondance... V. 15. P. 189.

Несмотря на определенную изолированность Французской академии в Риме, ученики ее вполне успешно вписались в римское общество. Они выезжали отнюдь не так редко, как хотелось бы начальству, их принимал у себя французский посол и другие высокопоставленные соотечественники. Палаццо Манчини — резиденция Академии с 1724 г. — находилось по соседству с посольством Франции. В самой Академии также постоянно бывали посетители, включая самого Папу. Об одной традиции, которая показывала, как живо ученики Французской академии в Риме воспринимали происходящее вокруг, следует сказать особо. Речь идет об участии в римских карнавалах и обычае запечатлеть наиболее удачные постановки в гравюрах. В 1735 г. ученики Академии проехали по Корсо в повозке, переодетые китайцами и китайянками. В 1748 г. пенсионеры задумали еще более яркое представление, изобразив караван султана на пути в Мекку. Ж.-М. Вьен, тогда пенсионер, а впоследствии директор Французской академии в Риме, награвировал целый сборник, состоящий из тридцати листов и призванный увековечить эту карнавальную постановку⁵⁵. Каждая гравюра представляла собой одного персонажа женского или мужского пола в пышных восточных одеяниях. Выбор китайской и турецкой тематики весьма характерен для указанного периода, когда увлечение шинуазри, тюркери и жапонери было распространено как во Франции, так и в Италии. Разумеется, были и другие случаи участия в карнавалах, а также празднествах различного рода, как то, которое было устроено в 1751 г. в честь маркиза де Мариньи, путешествовавшего по Италии. Ученики Французской академии в Риме любили веселиться и вполне вписались в карнавальную и театральную культуру того времени. К сожалению, мы ничего не знаем о том, как часто пенсионеры имели возможность посещать театр. Однако, надо думать, что им было позволено присутствовать на наиболее интересных постановках. В 1743 г., когда в Рим пришла чума и все театры были закрыты, ученики, желая развлечься, поставили комедию в стенах Академии⁵⁶. Некоторые исследователи, как, например, Э. Бэк-Саэлло, полагают, что участие в маскарадах было своеобразным творческим заданием, «замаскированным» под развлечение⁵⁷. В этом есть смысл, поскольку мастера кисти часто вынуждены были подвизаться в оформлении празднеств, спектаклей, похоронных торжеств и других публичных мероприятий, и было вовсе не лишним заранее попробовать свои силы в этой области.

⁵⁵ Vien, Joseph-Marie (1716–1809). Graveur. Caravane du Sultan à la Mecque : mascarade turque faite à Rome par Messieurs les pensionnaires de l'Académie de France et leurs amis au carnaval de l'année 1748 / Joseph Vien del. sc. 1748.

⁵⁶ Lapaue H. Op. cit. P. 243.

⁵⁷ Beck Saiello E. Op. cit. P. 22.

Была от пребывания в Италии и чисто практическая польза. Хотя формально пенсионерам было запрещено работать для кого бы то ни было, кроме короля Франции, это общее правило постоянно нарушалось с ведома и благословения директоров. Италия была землей обетованной для коллекционеров со всей Европы. Здесь можно было свести знакомство с высокопоставленными и состоятельными ценителями изящного из многих стран. Любители античности, Ренессансной и барочной живописи пополняли здесь свои собрания, причем зачастую им требовались услуги реставраторов. Известно, что именно «учеников Академии коллекционеры просили реставрировать принадлежащие им античные скульптуры»⁵⁸. Послы Франции в Риме постоянно делали заказы ученикам Академии, полностью игнорируя первоочередное право короля на их произведения. Так, известно, что кардинал де Полиньяк умудрился чуть ли не всю Академию заставить работать на себя: «Лешаш писал для него “Нептуна” и “Амфитриту”, Бушардон делал его портрет, Адам реставрировал его коллекцию антиков...»⁵⁹ Следующий посол герцог де Сент-Аньян в свою очередь сделал массу заказов: «Тремольер копировал... барельеф с Капитолия, Буазо делал для него картину, а Фронтьер рисунок»⁶⁰. Сюблейра создал для него целую серию работ⁶¹. Случалось, что ученикам шли заказы от Ватикана. Так, Бушардону был заказан проект гробницы папы Клементя XI Альбани (не реализован) и скульптурный портрет нового папы Клементя XII Корсини⁶². Имея возможность зарекомендовать себя перед такими заказчиками, ученики предпочитали скорее проигнорировать занятия по анатомии или рисование с модели, чем упустить такой случай. Исследователи отмечают, что, несмотря на запрет работать для частных лиц, Французская академия в Риме составляла вполне солидную часть художественного рынка Италии⁶³.

Академия зачастую оказывалась местом, где проводились приемы для аристократии и просвещенного духовенства со всей Европы. Играли свою роль и выставки пенсионеров. А. Верже приводит цифры, доказывающие, что и официальная карьера на родине складывалась у бывших пенсионеров вполне удачно. Исследовательница пишет, что 38,5% пенсионеров становились академиками, получали регулярные королевские заказы и мастерские в Лувре⁶⁴. Изучая

---

⁵⁸ *Hercenberg B.* Op. cit. P. 19.

⁵⁹ *Ibid.* P. 25.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ *Beck Saiello E.* Op. cit. P. 24.

⁶² *Hercenberg B.* Op. cit. P. 25.

⁶³ *Beck Saiello E.* Op. cit. P. 30.

⁶⁴ *Verger A.* Rome vaut bien un prix... P. 90.

биографии директоров Французской академии в Риме, можно убедиться в том, что почти все они были в свое время пенсионерами. «Заметим, — пишет Ш. Анри, — что ни в статутах, ни в регламентах пребывание в Риме не было закреплено в качестве обязательного условия для получения звания академика. Однако в реальности в XVIII столетии академики высшего ранга, то есть занимающие первые места в иерархии, почти все прошли через римское пенсионерство и почти все были историческими живописцами»⁶⁵.

Ко времени Великой французской революции положение академии в Риме несколько меняется. Из Ватикана пристально следят за палаццо Манчини, считая его местным очагом революционных идей. Некоторых пенсионеров, живущих в городе, а не в самом здании Академии, попросили покинуть Италию. Начинается новая эпоха в истории Французской академии в Риме, изучение которой не входит в рамки данной статьи.

Еще один важный вопрос, который сам собой напрашивается после изучения истории Французской академии в Риме: мог ли молодой мастер посетить Италию, не входя в контакт с этим знаменитым учебным заведением и не пытаясь стать хотя бы «сторонним». Такие случаи бывали, хотя обычно речь шла об уроженцах регионов, далеких от столичного. Например, южные провинции Франции обладали определенной культурной обособленностью, и молодые живописцы южного происхождения зачастую шли иным путем, чем их коллеги из других областей. Разумеется, здесь играла большую роль близость к Италии. Жители юга «считали бесполезным посылать их (молодых живописцев. — Е.А.) в Париж только для того, чтобы получить Римскую стипендию. Было гораздо проще сразу ехать в Италию»⁶⁶. Обычно это делалось на деньги какого-нибудь провинциального мецената, который, оплачивая указанное путешествие, рассчитывал получить несколько хороших картин, а, возможно, впоследствии даже ангажировать своего протезе для выполнения декоративных работ в городском или загородном доме. Известным примером успешного мастера, оказавшегося в Риме подобным образом, является Жозеф Верне. И хотя такой способ ознакомиться с сокровищами

---

⁶⁵ Henry Ch. Les mondes de l'art et de l'artisanat parisiens aux XVIIIe siècle // Une histoire des savoir-faire. Création et vie artistique à Paris du grand siècle à nos jours. Vol. 1. Études rassemblées et présentées par Christophe Henry, en partenariat avec le Groupe de Recherches en Histoire de l'Art moderne (GRHAM) et Les symposiums d'Histoire de l'Art de la Mairie du 11. P. 7–23 [en ligne], mis en ligne le 15 octobre 2018/ — URL : <https://www.mairie11.paris.fr/actualites/parution-des-symposiums-d-histoire-de-l-art-de-la-mairie-du-11e-598>

⁶⁶ Lagrange L. Joseph Vernet, sa vie, sa famille, son siècle, d'après des documents inédits. Bruxelles, 1858. P. 12.

Италии был вполне достойным и освященным традицией, он давал меньше возможностей получить хорошее образование и завязать отношения с потенциальными заказчиками.

* * *

Итак, какие же выводы можно сделать о жизни пенсионера Французской академии в Риме? Три года, а иногда и более молодой человек проводил вдали от родины и семьи, в лоне учебного заведения с довольно строгим уставом, регламентированным распорядком и аскетичными условиями проживания. С одной стороны, он должен был регулярно посещать занятия, изучать перспективу и анатомию, рисовать с модели. Ему предписывалось ежедневно работать над изготовлением копий, преимущественное право на которые принадлежало королю. С другой стороны, пенсионерство означало возможность путешествовать, развлекаться, заводить знакомства, искать возможных заказчиков и покровителей. Молодые французы не останавливались и перед тем, чтобы отстаивать личные права, как в случае с Мутоном. Это могло порождать конфликты, приводить к осложнению отношений с начальством. Многие зависело от личности директора. Периоды процветания Французской академии в Риме обычно связаны с тем, сколько сил и талантов вкладывал в свое дело руководитель. В этом отношении Академия многим обязана, например, Николасу Влейгельсу, который, при весьма либеральном подходе к обучению пользовался уважением пенсионеров, обеспечил учреждение новой резиденцией и договорился о возобновлении копирования ватиканских фресок. Этот директор особо подчеркивал пользу путешествий для учащихся, активно поддержал традицию отправлять их в Венецию и Неаполь, что разнообразило впечатления молодых мастеров, позволяло им находить новые источники вдохновения. Мы знаем, в частности, как близок оказался Ж.-О. Фрагонару Тьеполо, в то время как великие мастера Высокого Возрождения смущали молодого французского мастера своим величием. С середины XVIII в. чуть ли не обязательным стало посещение Помпей и Геркуланума, что сильно повлияло на распространение во Франции идей классицизма во второй половине XVIII столетия. Так, Ж.-М. Вьен, убежденный классицист и учитель Ж.-Л. Давида, в бытность свою пенсионером вынес из посещения раскопок массу впечатлений.

Можно заключить, что существование Французской академии в Риме было полезно и выгодно всем: королю, чья коллекция пополнялась превосходными копиями произведений итальянских мастеров, Парижской академии, получавшей приток новых высококлассных

мастеров, и, разумеется, самим молодым художникам, которые, не имея зачастую собственных средств, никогда не смогли бы осуществить столь длительное и дорогостоящее путешествие, получить весьма ценный опыт изучения итальянского искусства, завести новые знакомства, в том числе среди высокопоставленных лиц: представителей Ватикана и королевских особ.

Именно в Италии, благодаря Академии, окончательно формировалось самосознание французского художника. Он близко узнавал шедевры гениев эпохи Возрождения, впитывал атмосферу, в которой они жили и творили, их независимость становилась для него примером. Рим, как и Париж, был весьма космополитичным городом. Французские мастера могли по окончании обучения продолжить серию путешествий, найти свое место при дворе иностранных государей, обзавестись заказчиками со всего света. Популярность Французской академии в римском обществе возвращала в ее воспитанниках уверенность в собственной значимости и востребованности. Возможно, именно эта уверенность и обеспечила представителям французской школы качества, необходимые лидерам европейского художественного мира.

Список литературы

Alaux J.-P. L'Académie de France à Rome, ses directeurs, ses pensionnaires. T. 1–2. Paris, Édition Duchartre, 1933. T. 1, 265 p.; T. 2, 426 p.

Beck Saiello E. Le Palais Mancini, siège de l'Académie de France à Rome de 1725 à 1804 // L'Académie de France à Rome / Dir. M. Bayard, É. Beck Saiello et A. Gobet. Presses universitaires de Rennes, 2016. P. 9–30.

Caviglia-Brunel S. Charles-Joseph Natoire, 1700–1777. Paris: Arthena, 2012. 582 p.

Comptes des bâtiments du Roi sous Louis XIV / Édité par J. Guiffrey. Vol. 3. Paris: Imprimerie Nationale, 1881. 766 p.

Curziotti J. Gian Lorenzo Bernini e l'Académie de France à Rome. Una nota documentaria sul ruolo di Giulio Cartarè // Valori Tattili. N 10/11. 2017/2018. P. 45–51.

Gabillot C. Hubert Robert et son temps. Paris: Librairie de l'Art, 1895. 332 p.

Goncourt E. et G. L'art du dix-huitième siècle. Gravelot. Cochin. Eisen. Moreau. Debucourt. Fragonard. Prudhon. T. 2. Paris: Rapilly libraire et marchand d'estampes, 1874. 557 p.

Henry Ch. Les Gobelins et l'Académie de France à Rome au xviiie siècle. Approche d'une synergie décorative // Décors de peintres. Invention et savoir-faire, XVIe – XXIe siècles / Dir. C. Cardinal, L. Riviale. Actes du colloque de Clermont-Ferrand, Maison des sciences de l'homme et Paris, Mobilier national, 26–28 novembre 2013. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise Pascal, 2016. P. 215–232.

Henry Ch. Les mondes de l'art et de l'artisanat parisiens aux XVIIIe siècle // Une histoire des savoir-faire. Création et vie artistique à Paris du grand siècle à nos jours. Vol. 1: études rassemblées et présentées par Christophe Henry, en partenariat avec le Groupe de Recherches en Histoire de l'Art moderne (GRHAM) et Les symposiums d'Histoire de l'Art de la Mairie du 11, p. 7–23, mis en ligne le 15 octobre 2018. — URL : <https://www.mairie11.paris.fr/actualites/parution-des-symposiums-d-histoire-de-l-art-de-la-mairie-du-11e-598>

Hercenberg B. Nicolas Vleughels. Peintre et directeur de l'Académie de France à Rome. Paris: Léonce Laget, 1975. 260 p.

La 'Nouvelle Rome'. Réflexions sur la sculpture française sous le règne de Louis XIV // Gazette des Beaux-arts. T. 88, n° 1294. Novembre 1976. P. 161–164.

Lagrange L. Joseph Vernet, sa vie, sa famille, son siècle, d'après des documents inédits. Bruxelles: Imprimerie de A. Labhoue et Compagnie, 1858. 204 p.

Lapause H. Histoire de l'Académie de France à Rome. Vol. 1. 1666–1801. Paris: Plon-Nouuttit et Cie, imprimeurs-éditeurs, 1924. 503 p.

Le grand tour et l'Académie de France à Rome XVIIe – XVIIIe siècles. Paris: Hermann Editeurs, 2018. 315 p.

Lesur N. Remettre en vigueur les règlements négligés ou oubliés. La réforme de l'Académie de France à Rome en 1775 sous la conduite de Jean-Baptiste Marie Pierre // L'Académie de France à Rome. Le palais Mancini: un foyer artistique dans l'Europe des Lumières (1725–1792), les actes du colloque. Rome, Villa Médicis, 4–6 mars 2010. Presses universitaires de Rennes, 2016. P. 191–206.

Lezur N., Aaron O. Jean-Baptiste-Marie Pierre (1714–1789). Premier peintre du roi. Paris: Arthena, 2009. 578 p.

Valetta I. L'Académie de France à Rome. 1666–1903. Paris: Librairie Fischbacher, 1904. 175 p.

Verger A. Entrer à l'Académie de France à Rome. La faveur, le droit, le choix // Droits d'entrée: modalités et conditions d'accès aux univers artistiques / Dir. G. Mauger. Paris: Éditions de la Maison des Sciences de l'homme, 2006. P. 13–45.

Verger A. Rome vaut bien un prix. Une élite artistique au service de l'État: Les pensionnaires de l'Académie de France à Rome de 1666 à 1968 // ARTLAS. 2019. Vol. 8. Issue 2. P. 82–98.

Verger A., Verger G. Dictionnaire biographique des pensionnaires de l'Académie de France à Rome. Dijon: L'Échelle de Jacob, 2011. — URL: <https://acad-artlas.huma-num.fr/items/browse?collection=1>

Поступила в редакцию
5 октября 2021 г.

